

НПО «Издательство «Наука» РАН
Редакция журнала «Славяноведение»
119334, Москва
Тел. (495) 938-8220
e-mail: jurslav@rambler.ru

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

2008

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

6
2008
НОЯБРЬ •
ДЕКАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Агапкина Т.А.</i> (Москва). Прецедентное время восточнославянских заговоров	3
<i>Седакова И.А.</i> (Москва). Приглашение: слово, формула, ритуал (на материале славянских традиций)	9
<i>Белова О.В.</i> (Москва). Легенды пограничья: проблемы описания и каталогизации	14
<i>Узенёва Е.С.</i> (Москва). Материалы к изучению традиционной культуры Средней Словакии ..	19
<i>Валенцова М.М.</i> (Братислава). Похоронная обрядность в словацкой традиции.....	25
<i>Чёха О.В.</i> (Москва). Греко-славянские параллели в области традиционной культуры: луна в лечебной магии	31
<i>Софронова Л.А.</i> (Москва). Предпочтения историко-культурных эпох	44
<i>Осипова М.А.</i> (Москва). Успех, удача и жизненный мир русской культуры	52
<i>Семенова А.В.</i> (Москва). Начало и конец жизненного пути на материале кашубской фразеологии	60
<i>Лобачева Ю.В.</i> (Москва). Югославянское движение в Европе в 1917–1918 годах. Сербское правительство и Югославянский комитет.....	67
<i>Ослон М.В.</i> (Москва). Закон Крижанича в языке Ю. Крижанича	76

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Толстая С.М.</i> (Москва). Из переписки Никиты Ильича Толстого со славистами разных стран (К 85-летию со дня рождения Н.И. Толстого)	97
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Вирк Т. Н.Н.</i> Старикова. Словенский исторический роман 1920–1930-х гг. Типология, генеалогия, поэтика.....	111
--	-----

<i>Валева Е.Л.</i> Международная конференция “Болгария и Россия – между признательностью и прагматизмом”	115
--	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Плотникова А.А.</i> К юбилею Светланы Михайловны Толстой	119
К юбилею Валерии Васильевны Усачевой	122

НЕКРОЛОГ

Памяти Юрия Ивановича Штакельберга (1925–2008)	123
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2008 году	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991. Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2008 г. Т. А. АГАПКИНА

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВРЕМЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗАГОВОРОВ

Время занимает особое место среди важнейших концептов картины мира, репрезентированной в восточнославянских заговорах. В заговорах, как и в магии вообще, время не нейтральный наблюдатель: заговорный универсум актуализирует время как фактор магического процесса и превращает его в своего активного “соучастника”.

Говоря о времени в заговорах, надо иметь в виду по крайней мере две его основные составляющие. Первая касается времени, условно говоря, прагматического, т.е. затрагивает весь тот комплекс временных отношений, которые связывают магический текст с внетекстовой реальностью (с моментом произнесения заговора, со временем появления болезни и сроками ее излечения, со временем жизни пациента, с календарем и годовыми праздниками и т.д.). Вторая – это уже собственно “сюжетное” время, т.е. временные отношения внутри сюжета, между персонажами и событиями.

Как и в других фольклорных жанрах, в заговорах время является одним из слагаемых сюжета, оно подчиняется тем же законам и нормам, что и другие его элементы (например, пространство), т.е. оно ситуативно, условно и функционально. Вместе с тем, если в эпических жанрах (былине, сказке и др.) внутрисюжетное движение “основано на принципе необратимости и однолинейности... оно мыслится необратимым, текущим только вперед и соотносимым только с одним событийным рядом” [1. С. 36], то в заговорах дело обстоит совсем по-другому. Именно обращение к прошлому, совмещение двух планов событий (сакрального прошлого и профанного настоящего) и двух миров (сакрального и “этого”, земного) становится важнейшей составляющей формируемого в заговорах образа мира.

Такое “сращение” времен является вместе с тем темпоральным выражением одной из важнейших тактик магического текста, а именно прецедента. В общем тактика прецедента подразумевает, что некое неравновесие бытия, возникшее в настоящий момент в человеческой жизни (например, болезнь), восстанавливается по имевшему место в прошлом сакральному образцу. Так, в заговорном

Агапкина Татьяна Алексеевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 08-06-00107 “Время и пространство: семантика и символика”).

универсуме формируется прецедентное время – время ветхозаветных и новозаветных событий, происходивших в прошлом и уже потому сакрализуемых и воспринимаемых как прецедент. Более всего это прецедентное время характерно для апокрифических молитв, а также устных заговоров, значительная часть которых, естественно, восходит к апокрифическим молитвам.

Говоря о прецедентном времени, надо иметь в виду, что, хотя некоторые его события и воспроизводят относительно точно отдельные факты библейской истории или христианские догматы, в большинстве случаев в апокрифических молитвах и заговорах эти события получают символическое толкование, они упрощаются, профанизируются или даже в корне меняют свое значение; а порой в этих текстах и вовсе моделируется иная реальность, магический смысл которой обусловлен исключительно прецедентным характером задействованных в ней имен и персонажей. Посмотрим как это происходит.

Иногда апокрифическая и заговорная традиции фактически прямо, буквально переносят отдельные библейские эпизоды в молитву и заговор. Один из самых, пожалуй, показательных примеров этого – эпизод из 1-й главы Евангелия от Марка (Мк 1: 29–31), где описываются случаи исцеления Христом страждущих, в том числе тещи Симона (апостола Петра). По образцу этого эпизода была составлена “Молитва еже огнем одержимых”, т.е. молитва от горячки (греческого происхождения, известная по славянским требникам уже в XIV–XV вв. [2. С. 64–65]), в ней испрашивается исцеление больному горячкой по примеру исцеления Иисусом Христом тещи Петра (Симона). Однако эта традиция развивалась и дальше, и на основе данной молитвы или же независимо от нее этот новозаветный сюжет попал в устную традицию, где превратился в своеобразный заговор, в котором новозаветный рассказ о конкретном чудесном излечении использован как прецедент излечения человека “от всякой болезни”: *Ишоу Господ и с Петром, и с Паулом у Петроуый дом. Петроуая щещича [теща] лежала у уэликой гараццы, у уэликой боляццы, у уэликих немочах. А Господ пристуниу, а уона устала, здороуа стала, стала йим служыць. Господ пристуниу к... рабу Божаму Иуану и отняу от его, з его косце, з яго криуэ... уяликые болезни, уяликые слабошчы, уяликые немощы, и понёс уон на сине морэ [3. № 648].* Этот заговор, с одной стороны, представляет собой близкий пересказ соответствующего фрагмента Евангелия, а с другой – сильно фольклоризован и “приближен” к понятным для устной традиции реалиям и именам. Прежде всего это выражается в замене имени *Симон* на имя *Петр*; в том, что в качестве спутника Петра заговор выбирает, естественно, Павла (исходя из традиционной пары святых); в типично фольклорном мультиплицировании названия болезни (*горячка, болячка, немочи*), а также, конечно, в прибавлении второй части, в которой это евангельское событие спроецировано на реальную жизненную ситуацию.

Впрочем, даже относительно точное изложение в заговоре библейского события обычно сопровождается обмирщением его высокого смысла, хотя именно этот смысл и придает силу заговорному слову. Среди этих событий одним из наиболее популярных оказывается изгнание из рая: *Как Господь Бог изгнал Адама и Еву из рая, так выходите вы, злые болезни, лихорадки колючие... [4. № 78],* а также тема искупительной жертвы, принесенной Иисусом Христом на Кресте: *Как Господь Иисус Христос очистил Адама от первородных грехов, так бы и р.Б. и.р. очистил от зубной боли [4. № 60].*

Вообще надо сказать, что все, связанное с Адамом, в том числе с его лечением, приобретает в заговорах прецедентный характер, поскольку Адам, как из-

вестно, был не только первым человеком, но и первым больным, а также, согласно апокрифической традиции, и первопричиной всех внутренних болезней (“Сказание как сотвори Бог Адама”). Естественно, что тема эта не была обойдена ни апокрифическими молитвами, ни заговорами, в которых отсутствие болезни у Адама становится прецедентом для любого человека, сравни два примера, один – из молитвы: “Яко Адам первозданный не поболе ни главою, ни очима, ни зубы, ни кииж уд тела его, тако и се ра(б) Б(о)жии имрк, да не поболитъ никийже недуго(м)...” ([2. С. 114], молитва “от нежида” по Служебнику с Требником XVII в., Софийская б-ка, № 861), а второй – из заговора: *У Адама и у Евги зубы не болят... и у меня у р.Б. и.р. не болите и не тосните...* [5. № 114].

Определенную роль в заполнении прецедентного времени разнообразными событиями-образцами сыграла и иконография. И в толковании иконографических образов можно наблюдать ту же самую профанирующую тенденцию. В частности, в русских заговорах нашел отражение сюжет икон Успения Богородицы. В центре ее традиционной композиции – ложе с умирающей Богородицей, над которым изображен Иисус Христос, принимающий ее душу в виде запеленатой фигурки. Именно это изображение и обрело словесное воплощение в заговоре, который без какого-либо смущения преобразовал любовь Сына Божьего к Матери в формулу любовного приворота: *...в Кристовой церкви Кристовой престол, и за этим за Кристовым престолом сидит сам Исус Христос и дёржыт на своих на белых руцях саму Матушку Присвяту Богородицу, и жмёт и прижымаёт к своему ретивому сердцу, к своей горецей пещени. Так бы раб Божэй не мог не жить, не быть, не пить, не јись без рабой Божёй...* [5. № 167].

На формирование корпуса событий прецедентного времени немалое влияние оказала и литургия. В частности, в севернорусских заговорах, читаемых при тяжелых родах, а также при детских и женских болезнях, очень популярны сюжеты на тему Рождения Христа Богородицей, рождения, которое воспринимается как бескровное и безболезненное для матери. Это и собственно легкие роды: *Как свет Пресвятая Богородица родила истинного Христа не болевши, не стонавши, всему миру не слыхавши, так и раба Божья (имярек) родила князя (княгиню), не болевши, не стонавши, всему миру не слыхавши* [6. № 20]; и другие мотивы, развивающие основную тему, – отсутствие повреждений внутренних органов: *Матушка Присвятая Богородица, как Ты родила истинного Христа, никакого мистецька не вредила, так мне-ка пособи, Господи, родить, шtbody никакого мистецька не вридить* [5. № 22]; отсутствие у новорожденного бессонницы и ночного крика: *Как матушка Присвятая Богородица уродила света истинного Христа, Царя Небесного, и у ёго не были ни писки, ни верёски, так бы раба Божья имярек уродила раба Божья младеня, и тожо бы ни были ни писки, ни вирёски...* [5. № 30] и многое другое.

Одним из основных источников таких сюжетов стали, скорее всего, праздничные службы Рождества Богородицы, в которых неоднократно звучит мысль о том, что роды Богородицы сняли с Евы и, соответственно, со всех женщин вообще проклятие родильных мук: “Ктому жены в печалех не родят чад: радость бо процвете...” (Уже не будут жены в печали рожать детей, ибо радость процвела...) (Стихиры на стиховне); “Еяже ради осуждение Евино разрешися, и яже в печалех болезнь” (через Которую прекращено осуждение Евы и роды в печали) (Тропарь Песни 7-й 2-го канона) [7. С. 78, 117, 123 и др.].

К процессу профанирования и упрощения сакральных образов и формул присоединялась также своего рода языковая игра. В этом смысле показательна судьба магических текстов, основанных на молитве “Помяни, Господи, Давида и всю кротость его”, с которой начинается 131-й псалом. Прежде всего, в заговорах можно найти отсылки к собственно *кротости* как основополагающему свойству характера Давида (в скотоводческих заговорах, например, эта формула используется для усмирения разбушевавшегося быка). Вместе с тем, в соответствии с логикой фольклорного текстопорождения одной *кротостью* дело не ограничивается, и в заговорах возникает своего рода аттракция, результатом которой становятся цепочки слов с ситуативно близкими значениями: ‘смиренный’, ‘милостивый’, ‘добрый’, ‘долго живущий’, ‘здоровый’, ‘невредимый’. Последними в этом ряду оказываются слова, выражающие искомые для объекта заговора свойства или качества. Например: *Помяни, Господи, Адама и Еву, царя Давыда, царицу и кротость его. Будь ты [Давид] кроток и милостив как для меня, и.р., так же и для раба и.р. (больного), сколько ты годов прожил на свети... был добр и здоров всё время, так же и раб и.р. пусть есь здраф и невредим от всех зол и болезней* [5. № 18]. Именно последнее качество (*невредимый* ‘не подверженный болезням’) и составляет доминанту лечебного заговора, достаточно далеко отстоящую от исходной *кротости*, которая так же далеко “увела” этот лечебный заговор от исходного текста молитвы.

Впрочем, часто библейские ситуации толковались апокрифической и заговорной традицией не прямо (хоть и упрощенно), а в высоком переносном смысле. Так метафорично воспринимается прежде всего история смерти и воскрешения Христа, которая становится прообразом перерождения человека, пережившего недуг и прошедшего ритуал лечения молитвой или заговором. Начало этой традиции было положено уже в южнославянских апокрифических молитвах, в частности в молитве от нежита и головной боли: “Исус Христось ника, на месте краживе распет’се. христось на месте кракнине погребе се; христьось на месте крайнике вьскресе; христьось и нежить изганавь из главе раба божиа име р...” ([8. S. 154], по рукописи XVI в. из монастыря в Далмации; *Краниево место* – “Лобное место”). Те же мотивы активно используются и в поздних лечебных заговорах, которые игнорируют обычный для прецедент-текстов сравнительный оборот (*как было... так пусть и будет*), ограничиваясь краткой формулой, описывающей круг жизни Христа (см. фрагмент русского заговора от болезни кишечника: *Бог родился в рождественскую ночь в полночь. Бог умер. Бог воскрес... Христос родился, умер и воскрес* [9. № 130]).

Большая группа прецедентных сюжетов основана на перетолковании библейских событий, на своего рода вымысле, замешенном на правде. Такого рода магические тексты довольно поздние и, как правило, не находят прямых параллелей в апокрифических молитвах, что в принципе может свидетельствовать в пользу их скорее местного происхождения. Особый интерес заговор, что вполне естественно, проявляет к ранним “кровопролитным” событиям библейской истории. Поскольку стратегической целью заговора является моделирование неязвимого человеческого тела, то все эти события, имеющие конкретный библейский прототип, представляются в заговоре совершенно в ином виде. Заговор не отрицает самого события, однако сводит к нулю его опасные для человека последствия – кровотечения и раны: *И как распинали жидове на Синайстей горы самог(о) государя царя Исуса Христа небеснаго, не могли добыти ни крови,*

ни раны, ни уразу, ни болезни, ни щепоты, ни ломоты, ни пухоты; так бы мои супостаты на мне, на рабе Божиим имярек, не могли добыти ни крови, ни раны, ни уразу, ни болезни, ни щипоты, ни ломоты, ни пухоты [10. № 124]. Так же безболезненно и бескровно для их жертв завершаются и другие кровопролитные события – убийство Авеля и отсечение главы Иоанна Предтечи: *...и попрошу Ивана-Отсечения честные главы: как у него, когда палачи отрубили св. голову, не было ни крови, ни руды, так бы и у этого раба и.р. кровь унялась...* [4. № 132].

Мы попытались очень бегло представить некоторые сюжеты и мотивы устных заговоров, формирующие в заговорном универсуме прецедентное время, черпая из которого образцы разрешения кризисных ситуаций и просто заимствуя примеры поведения сакральных персонажей, заговор добивается ликвидации недостачи и исполнения желаемого (победить болезнь). Прецедентное время, как мы видели, по-разному соотносено со временем реальных событий. Наиболее частым в заговорах является, конечно, вполне понятное обыденному сознанию соотношение “прошлое – настоящее/будущее” (*как было... так пусть будет*). Оно зиждется на традиционной сакрализации прошлого, придании ему авторитета времени. “Лишь в силу того, что определенное содержание уходит во временную даль, смещается в глубь прошлого, – писал Э. Кассирер, – оно предстает не просто *принятым* в качестве священного, мифологического или религиозно значимого, но и легитимированным в качестве такового. Время представляет собой изначальную форму этой духовной легитимации” [11. С. 119].

В то же время в заговорах и апокрифических молитвах можно встретить и принципиально иной тип соотношения прецедентного и профанного. Мир сакральных персонажей часто представляется существующим в том же времени, в каком живет сам исполнитель заговора и разворачивается действие текста. Именно такая одновременность прошлого и настоящего или, как писал М. Элиаде, “современность великим моментам мифов” [12. С. 358–359], является еще одним условием эффективности магического процесса.

Между этими двумя полюсами – сакральным “прошлым” и сакральным “современным” и балансирует прецедентное время.

Это сакральное время, к которому так стремится приобщиться субъект заговора, репрезентировано ограниченным списком сакральных имен. В прецедентных сюжетах задействованы основные ветхозаветные персонажи, своего рода “первые люди” – Адам и Ева, Каин и Авель, царь Давид, Ной, а также Христос как высший сакральный персонаж и иногда Богородица; в то же время остальные сакральные имена (прежде всего имена святых, столь многочисленные и частые в магическом фольклоре вообще) в прецедент-сюжетах встречаются крайне редко.

В свою очередь именно этот круг лиц определяет отбор сюжетов, вошедших в магические тексты, благодаря которым в заговорах и молитвах создается особый образ прецедентного времени – времени без болезней, бед, кровопролитий и их печальных последствий. Моделирование “золотого века” и одновременно позиционирование его как века сегодняшнего, того, в котором живет субъект молитвы или заговора, – своего рода сверхзадача магического текста и магического универсума вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Путилов Б.Н.* Героический эпос и действительность. Л., 1988.
2. *Алмазов А.И.* Врачевальные молитвы: К материалам и исследованиям по истории рукописного Требника. Одесса, 1900.
3. Полесские заговоры в записях 1970–1990-х гг. / Сост. Т.А. Агапкина, Е.Е. Левкиевская, А.Л. Топорков. М., 2003.
4. *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903.
5. *Мансикка В.* Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // *Sborník filologický* (III. Trída České akademie věd a umění). Praha, 1926. Sv. 8. Č. 1.
6. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. проф. В.П. Аникина. М., 1998.
7. *Скабалланович М.* Рождество Пресвятой Богородицы. Киев, 2004.
8. *Каџановскиј В.* Апокрифне молитве, gatanja i griče // *Starine*. Zagreb, 1881. Т. 13.
9. Пыщуганье. Традиционный фольклор Пыщугского р-на Костромской области / Под ред. А. В. Кулагиной. Пыщуг, 2001.
10. *Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.
11. *Кассирер Э.* Философия символических форм. М.; СПб., 2002. Т. 2. Мифологическое мышление.
12. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.

© 2008 г. И. А. СЕДАКОВА

ПРИГЛАШЕНИЕ: СЛОВО, ФОРМУЛА, РИТУАЛ (на материале славянских традиций)

“Незванный гость – хуже татарина”, “Незваны гости гложут и кости” – пословицы подобного содержания имеются во всех славянских паремиологических фондах. Действительно, приглашение – это важная часть повседневной и ритуальной жизни; это сложный словесно-обрядовый комплекс, который представляет особый интерес для исследователей языка и народной культуры.

В статье содержится краткий этнолингвистический анализ приглашений, адресатом которых является человек. Это уточнение необходимо сделать сразу же, поскольку известно, что “приглашать”, “призывать” в архаических культурах могли и демонов, стихии, диких животных, чему посвящены работы Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой [1].

Приглашение как ритуально-этикетное действие предваряет основные обряды жизненного цикла, семейные торжества, сельские церковные праздники или является их частью (например, в свадебном комплексе).

Славянская терминология приглашения, исполнителей этого акта и реквизитов (украшений, угощений и др.) образует развитую систему. Фиксируя существенные семантические и прагматические аспекты ритуала (“призыв” и “оповещение” – сравни приглашение гостей криком на родины, пострижины, свадьбу), эта лексика включает прежде всего словообразования от основ со значением ‘крик, громкий голос, звук’ и производных от них глаголов. Из небольшого числа терминов приведем лишь некоторые. Так, наибольшее развитие получили дериваты от о.-слав. **zov-/*zъv-*: рус. *звать*, белор. *зваць*, укр. *звати*, болг. *зова*, макед. *зове*, серб. *звати*, *позивати*, словен. *zvati*, чеш. *zvat*, словац. *pozuvať*, пол. *zwać*; ‘приглашение’ – рус. *званье*, *зов*, *позвины*, *позов*, болг. банат. *зват*, серб. *позив* и др.; ‘приглашающий/приглашающая’ – рус. диал. *звата*, *завыватка*, *позывала*, *позванец*, болг. *дзваница*, чеш. *zovčí*, словен. *zvač*, *pozvačín*, *pozovič*, *zovčín*; ‘приглашенный’: рус. *первозванные гости* [2. Вып. 26. С. 10], чеш. *rozvanů* и др.; ‘палочка, с которой приглашают на свадьбу’ – рус. *позывень*; ‘фляга с вином для приглашения’ – болг., макед. *званица* и др. Известны образования от других основ, которые совмещают в себе семантику ‘кричать’ и ‘при-

Седакова Ирина Александровна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-04-00264а “Словесные формулы славянского мира: метатеория и эмпирия”).

глашать': рус. *кликать*, *кликанье* [2. Вып. 13. С. 295]; *крычать* [2. Вып. 15. С. 261]. Терминами приглашения служат также слова с внутренней формой 'оказывать честь', 'просить', 'говорить', 'желать': словац. *volat'*, пол. *zapraszanie*, белор. *запрашэнне*; 'приглашающие': пол. *prosacy*, чеш. диал. *smluvčí* и др. И, конечно же, надо упомянуть дериваты от о.-слав. **gols-*: рус. фолькл. *почтительное пригласье*, *гласить* 'приглашать, звать' [2. Вып. 6. С. 192], сравни словен. *gläs* 'весть' (здесь важно этимологическое родство **gols-* с др.-исл. *kall* 'крик', англ. *call* 'зов' и др. [3. Т. 6. С. 219]).

С точки зрения терминологии и обрядности приглашения определенную специфику выявляет балканославянская традиция (подробнее см. [4. С. 18–19, 155–160]). Терминология этого акта образует междиалектный ряд балканских синонимов, представляющих интересную комбинацию генетически славянских и неславянских (греческих, романских) лексем: ю.-слав. *вик* (болг. *викам*, макед. *вика*, серб. *викати*, словен. *víkati*), грецизм *калесвам* (макед. *калесува*; болг., макед. *калесник*, *калесар*, *калесарка*; болг., макед. *калезба*, *калеска*), романизм *бъклица* (сравни и *бакличерница* 'пестрая сумка, в которую кладут флягу с вином, зеленые ветки и цветы для приглашения на свадьбу' от итал. *boccale* 'сосуд' [5. Т. 1. С. 98] или фр. *bocal* [6. Т. 1. С. 185]).

В народной культуре славян последовательно реализуется оппозиция приглашенный/неприглашенный. Незваные гости обозначаются экспрессивной лексикой: *приволека* [2. Вып. 31. С. 147]; *захребетник*, *здря прийти* ('пришедший на угощенье без приглашения', вят., владимир.); *нахал* (рус. диал. калинин., казан.); *позоряни* [2. Вып. 28. С. 370]. На Украине званые гости на свадьбе имели общее название *свати*, *сватьбові*, а незваные – *запоріжці* [7. С. 295]. У русских сельские праздники делились на *званые* (с приглашением) или *огульные* (без приглашения).

Народный этикет не одобрял присутствия непрошенных гостей на крестинах, свадьбе и других праздниках. К приведенным в начале статьи русским паремиям о неуместности пришедших без приглашения добавим примеры из других славянских традиций: укр. "Гість не проханий, не дуже бува тучений" [8. Т. 3. С. 487]; болг. "Не съм те канил с шарена бъклица" (букв. "Я тебя не приглашал с пестрой флягой для вина"); серб. "Незвану госту мјесто за вратима" и словац. "Nevoláný host' má miesto za dvermi" (Незваному гостю место за дверью) [9. С. 29; 10. С. 127] и др. Наоборот, приглашенный обладает высоким статусом: рус. "Первому гостю и первое место и красная ложка" [11. Т. 2. С. 238]; серб. "Зван гостован" (Званого угощают), "Зван поштован" (Званого уважают); "Кума нуџена как и чашћена" (Кума приглашенная и угощенная) [12. Кн. 9. С. 112].

Приглашение на роль крестного, свата считалось великой честью, сравни болгарскую колядку:

*Снощи Данюм гости душле,
Дубри гости кълесници
Да кълесвът Дан войвода
Да кръщава цар Шишманум
Цар Шишманум мъжка рожба.
Убрадва съ Дан войвода...*

"Вчера к ночи пришли к Дану гости,
добрые гости с приглашением,
зовут Дана воеводу
крестить сына царя Шишмана
царя Шишманова мальчика.
Обрадовался Дан воевода..."

[13. С. 76]

Не оказать честь и не пригласить кого-либо на праздник, особенно родственников, кумовьев, людей "знающих", считалось очень опасным (сравни сюжеты

о наведении порчи на свадьбе обиженным колдуном). Если не позвать нищего слепого музыканта на свадьбу, он проклянет молодых и у них родится незрячее дитя (белор., пол.); за неприглашением свата в кумовья при рождении в семье ребенка может последовать проклятие, которое, по поверьям, распространяется на несколько поколений, и др. Игнорирование крестными своих крестников при приглашении на праздники считается великим грехом.

Известны запреты на приглашение: не звали посторонних для приготовления обрядовой еды (чтобы из дома не уходило счастье), особенно при праздновании родин (чтобы младенец не вырос вором). Не рекомендовалось приглашать людей с физическими недостатками (“Убогий не гость”, “Убогого на пир не зовут” [11. Т. 4. С. 458]) и тех, кто, как полагали, обладает дурным глазом. На родине не звали кормящих матерей и женщин, у которых в это время месячные, чтобы ребенок был здоровым, с чистой кожей.

Приглашать следовало не только и не столько гостей, сколько тех, кто будет выполнять магические действия и/или выступать в качестве обрядового лица. Так, на роль первого посетителя на Рождество (полазника) звали того, чей визит в предыдущий год принес в дом удачу и благополучие. Для исполнения этого ритуала иногда зазывали первым в дом инородца (иноверца) – цыгана, еврея (“За полазника поть до мене” [14. С. 195]), поскольку считалось, что они приносят везенье. Южные славяне для выпечки свадебных и родинных хлебов, караваев на новоселье приглашали девочку (девушку) из “полной” семьи; в кормилицы звали веселую, добродушную женщину, у которой все дети живы, и т.д.

На роль поварихи на свадьбу приглашали опытную женщину, которая умеет и готовить, и подавать кушанья на стол с припевками, остротами (о.-слав.). Умение шутить, знание свадебного сценария – важнейший критерий при выборе и приглашении дружки на свадьбу. В свадебном обряде звали женщин и для выполнения более редких ритуальных актов, сравни *подушечница* ‘женщина, которая при сговоре приглашает родителей жениха садиться на подушки’; невеста приглашала подружек в *обшивалки* для помощи в подготовке приданого [2. Вып. 22. С. 269].

В похоронном обряде привлекали посторонних людей для обмывания покойников: сравни *мыйщицы*, *мытницы* [15. С. 238]; а также гробарей для рытья могилы, *рыдальщицу* [2. Вып. 35. С. 302], которых потом одаривали и звали на все поминки. Приглашали молодых людей в качестве бояр и дружек при погребении умерших неженатыми для похорон-свадьбы [7. С. 325]. Отказываться от таких приглашений, согласно традициям, запрещалось.

Особенно развернутым был ритуал приглашения крестных и сватов. На крестины звали прежде всего тех, кого выбрали в кумовья. К крестным шли с угощениями: с хлебом в новой торбе; с кувшином вина, украшенным базиликом; ракией; печеной курицей; конфетами, а также с цветами (геранью и др.). В Словакии повитуха несла хлеб, испеченный в виде запеленатого младенца (*rodeník*). Войдя в дом, поизносила формулу-иносказание: “Goleso sa vám zuomiuo” (Колесо у вас сломалось), на что крестная отвечала: “Jak ho mosíme spravit ke-ca zuátao” (Значит, мы должны его починить). У восточных славян приглашать кумовьев шел молодой отец: если родился сын, он нес один ломоть хлеба, если дочь – два. Хлеб заворачивали в полотенце и дарили крестным с просьбой “принять хлеб-соль и ввести младенца в хрещоную веру” (рус.), “кумувати с дитиною і ввести дитину в хрест” (укр.). Сколь длинным бы ни было приглашение, отец не должен был садиться при его произнесении, чтоб ребенок вовремя начал хо-

дить. Кумовья забирали принесенный хлеб, а взамен давали свой, что означало согласие [16. С. 696; 7. С. 313]. В Гевгелии отец целовал куму руку со словами: “Сус божја мисла у ниделья лагиме (мислиме) да крстиме” (С Божией помощью думаем в воскресенье крестить) [17. С. 131].

У болгар Ямбольской обл. в ритуал приглашения кума вводились игровые моменты. Родственник младенца отправлялся к крестному, который забирался на дерево, откуда кричал: “Ако ма искате за крсьняк, качи са при мен” (Если хотите меня взять в кумовья, залезай ко мне) [18. № 301].

Церемонно и торжественно проходило и приглашение свадебных чинов. Посаженного отца заранее приглашал отец жениха. Зайдя в дом, он делал три поклона, целовал хозяйну руку (у южных славян), угощал хлебом и водкой.

После приглашения крестных, сватов и их согласия отправлялись созывать родных и соседей. В плане исполнителей обряда и его деталей наблюдаются значительные различия в зависимости от конкретной локальной традиции. Так, в Болгарии на крестины созывала кормилица; девушка “на выданье”, у которой живы родители. Приглашающая целовала всем руку и подавала отпить из кувшина с вином: “Млого ти здраве от кака и да й дойдеш на крштането” (Поклон тебе от старшей сестры и приглашение на крестины) [18. № 313]. Иногда гостей на крестины приглашал отец новорожденного с сосудом ракии, начиная с дома тещи [18. № 314]. У белорусов Минской обл. мужчинам запрещалось приглашать на крестины, звать гостей отправлялась старшая дочь, племянница или другая близкая молодая родственница. Наоборот, в Могилевской обл. приглашали на крестины только взрослые и пожилые и звали только женатых.

На свадебный пир созывали отдельно гостей со стороны жениха и со стороны невесты, начиная со дня помолвки. Жених (или его друзья, с букетиками на шляпах; дети с тканым полотном в руках и др.) приглашал своих гостей в четверг, а невеста (или ее три подружки, иногда в одежде из приданого невесты с букетиками из самшита в волосах) – в пятницу, тогда же звали и всех остальных свадебных гостей. Близким родным и друзьям давали булочку (множество калачей и хлебцев в этих целях за два-три дня до свадьбы выпекали в доме жениха), яблоко, а более дальних угощали ракией, в доме оставляли зеленую веточку (ю.-слав.).Guests на свадьбу созывали *коровайници*: после выпечки хлебов они ходили по селу и приглашали с хлебом всех женщин (укр., болг.). У украинцев мать осыпала сына-жениха зерном и благословляла его хлебом, перед тем как он шел приглашать [7. С. 299]. За гостями отправлялись и в другие села, сравни: едут *зовом* для приглашения на свадьбу (с.-рус.).

У поляков на свадьбу всех гостей созывал дружка или жених с невестой, самых близких обнимали за ноги в знак уважения. Приглашая, брали с собой музыканта, дружка произносил шуточный текст с перечислением всех свадебных угощений и напитков. В Словении гостей приглашал *pozvačín*, выбранный из родственников жениха: в одной руке у него была деревянная палка или деревянный топор, обитый шкуркой ежа, а в другой – рог или бубен. “Позвачины” могли в шутку уколоть прохожего.

У южных славян ритуальным актом особой важности было приглашение на “славу”. В каждой семье был определенный ряд лиц (кумовьев, родственников, друзей) – постоянных и обязательных гостей. Звали также и тех, кто случайно зашел в дом во время празднования, после чего его включали в число ежегодно приглашаемых [9. С. 28]. За восемь дней до “славы” хозяин с ракией обходил дома тех, кого собирался позвать на угощение. Он заходил в дом, отпивал глоток

ракии и угощал ею всех по очереди, приглашая их. Тех, кто живет в другом селе, приглашал специально отправленный сын хозяина, он нес с собой яблоки, чтобы вручить их приглашаемым [9. С. 29].

Приглашение иногда выполняет функцию оповещения, сравни *оповещение* ‘приглашение’ [2. Вып. 23. С. 269]. Именно здесь становится прозрачной внутренняя форма многих терминов приглашения (*кричать, кликать* и др.). Так, в Болгарии после появления на свет младенца повитуха выходит к воротам и кричит, собирая гостей (обычно соседок) на празднование: “Булкъ, да додеш на пить (понудъ)” (Молодуха, приходи на родину). Приглашенная спрашивает, какого пола ребенок и, получив ответ, славит: “Да е живо и здраво” (Пусть будет жив и здоров) [18. № 264]. При приглашении на родину оповещали о поле младенца с помощью различных предметов. В Болгарии если в руках у приглашающей был ключ, родился мальчик, если щипцы (болг. *маша*, ж.р.) – девочка [19. С. 266].

В формулах славянских приглашений, особенно в тех, которые произносят вместе с приветствиями [20], весьма частотны “божественные” мотивы, сравни: «Когда родила, мужик мой пришел к соседу Ивану звать его в кумовья. Пришел в хату и говорит: “Я пришел просить Бога и вас на крестбины до нас!”» [21. С. 75]. Обращение к Богу служит универсальным зачином этикетных клишированных фраз, в том числе и приглашений: болг. “Мага Бок да дойдете на наши пити” (Помогай вам Бог. Приходите к нам на родину (пити)) [18. № 131]; серб. “Божја кућа и ваша” [12. С. 62].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин. Формула и обряд // Толстая С.М. Полесский народный календарь. М., 2006.
2. Словарь русских народных говоров. Л. (СПб.); М., 1965–. Вып. 1–.
3. Этимологический словарь славянских языков / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М., 1974–. Т. 1–.
4. *Седакова И.А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.
5. Български етимологичен речник. София, 1971–. Т. 1–.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.
7. Украинцы / Отв. ред. Н.С. Полищук, А.П. Помонарев. М., 2002.
8. *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1907.
9. О крсном имену. Сборник. Београд, 1985. (=Библиотека “Баштина”. Књ. 13).
10. Slovenské ľudové príslovia / Sost. A. Melicherčík a E. Paulíny. Bratislava, 1953.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1982. Т. 1–4.
12. *Караић В.С.* Сабрана дела. Београд, 1964–. Књ. 1–.
13. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1935. Кн. 23.
14. *Богатырев П.Г.* Народная культура славян. М., 2007.
15. Семейные обряды Вятского края. Котельнич, 2003.
16. *Русские.* Сер. Народы и культуры. М., 2003.
17. *Требјешанин Ж.* Представи о детету у српској култури. 2-е изд. Београд, 2000.
18. Рукописный Архив Ст. Романского (хранится в Софийском Университете им. Климента Охридского, Болгария).
19. *Странджа.* Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1996.
20. *Седакова И.А.* Языковые и культурные стереотипы в ритуальном этикете славян: Приветствия. М., в печати.
21. *Науменко Г. М.* Этнография детства. М., 1998.

© 2008 г. О. В. БЕЛОВА

ЛЕГЕНДЫ ПОГРАНИЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ И КАТАЛОГИЗАЦИИ

Цель этого сообщения – обозначить некоторые проблемы, связанные с текстологией фольклорных легенд, и очертить круг вопросов, которые необходимо решать исследователю для адекватного изучения текстов, бытующих в повествовательной традиции культурного пограничья. Материалом для исследования стали этиологические легенды “библейского” цикла, являющие собой тип текстов, широко распространенных на славянской территории, демонстрирующих интересную типологию и географию и, кроме того, представляющих живую фольклорную традицию.

В системе традиционной духовной культуры, реализующей себя в различных региональных или “диалектных” вариантах, “народная Библия” также представлена локальными версиями, специфика которых обусловлена конфессиональной ситуацией того или иного региона, а также различной степенью влияния книжной традиции на фольклорные повествовательные жанры [1. С. 280]. Сравнение “национальных” изводов “народной Библии” свидетельствует о неоднородной интеграции в фольклорную среду книжных текстов (канонических библейских книг, апокрифов, поучений, литургических текстов), а также демонстрирует различную степень фольклоризации книжных сюжетов под влиянием фольклорно-мифологических представлений и актуальных верований.

Нам уже приходилось анализировать механизм взаимодействия и взаимовлияния нарративных традиций в регионах тесного этнокультурного соседства славянских и финно-угорских народов [2], славян и их этнических соседей – евреев [3. С. 20–22].

Как показывает материал, носители фольклорной традиции демонстрируют не только знакомство с каноническими и апокрифическими сюжетами на темы библейской истории, но привносят в них черты национального менталитета и элементы архаических верований.

Помимо установления фактов взаимовлияния, крайне интересным для исследователя народной религиозности и так называемого библейского фольклора является специфика бытования универсальных библейских сюжетов в метропо-

Белова Ольга Владиславовна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья написана в рамках работы по Программе ОИФН РАН “Русская культура в мировой истории” (проект “Русские, украинцы и белорусы и их соседи: текстология фольклора”).

лии и диаспоре, в зонах этнокультурного пограничья. Проблема пограничья и анклава применительно к фольклорным текстам непосредственно связана с отмеченной выше особенностью “народной Библии” как текста, представленного локальными версиями, границы бытования которых могут не совпадать с современным административным делением и зачастую не определяются “доминирующей” конфессией. На культурном пограничье и в пределах культурного анклава, как показывают исследования последних десятилетий, традиция может сохраняться лучше, нежели в метрополии (подробнее см. [4; 5]), воспринимая при этом черты соседствующих культур.

Так, например, народные библейские легенды, зафиксированные в последние годы в зоне польско-литовско-белорусского пограничья [6], на польско-украинско-белорусском пограничье [7], представляют собой прекрасный материал для анализа механизмов взаимодействия книжной и народной традиций. Именно из “пограничных” регионов происходят записи ставших редкими или исчезнувших в других ареалах сюжетов.

Фольклор пограничья активно аккумулирует сюжеты, в которых могут объединяться элементы соседствующих традиций. Любопытные варианты легенд о “локальных” проявлениях Всемирного потопа происходят из региона польско-литовско-белорусского пограничья: “потопом” Бог наказывает жителей негостеприимного села ([6. S. 102–105]; подобные сюжеты фиксируются и на территории белорусского Полесья) – на месте поселения образуется озеро или “море”. При этом вода продолжает наступать и остановить ее, согласно “легендам пограничья”, записанным от белорусов и поляков в Литве, можно только “закляв” озеро, назвав его по имени, которое иногда чудесным образом совпадает с кличкой коровы или быка, принадлежащих “знающему” человеку [6. S. 105]. Мотив заклинания воды именем домашнего животного в славянских легендах на территории Белоруссии или Польши не встречается, однако он широко представлен в литовском фольклоре [8]. Можно предположить, что в “пограничных” польских и белорусских текстах он появился благодаря этническим соседям – литовцам. Так же, вероятно, укоренился в фольклоре жителей Литвы – белорусов и поляков присущий литовским легендам мотив летающего озера (легенды о том, что “в начале света” озера летали по воздуху и их было невозможно “успокоить”, заставить находиться постоянно на одном месте, и только “знающие” способны были угадать “настоящее” имя озера и таким образом заставить его спуститься на землю) [8. С. 530–531, 556, 561; 9. С. 146–148; 6. S. 104–105]. Текстологический анализ подобных легенд позволяет показать, что для одной культуры сюжет ограничен, а для другой, соседней, – маргинален.

В то же время в регионах тесных этнокультурных контактов (Полесье, Подолия, Карпаты) независимо от конфессиональной принадлежности и православная, и католическая “народная Библия” включают в себя общий корпус легенд. Таким образом, “народная Библия” оказывается изначально экуменистической по своей природе. Высказанный тезис подтверждается не только восточнославянскими материалами, но и данными из такого полиэтничного и поликонфессионального региона, как бывшая Виленская губерния, где представлены литовская, польская и белорусская традиции (в конфессиональном плане – католическая, греко-католическая, православная, в том числе и старообрядческая) [6].

В связи с этим правомерно поставить вопрос о более корректном рассмотрении “библейского” фольклорного материала, зафиксированного в зонах, где проходит “конфессиональный раздел”, например на восточно-западнорусском пограничье. Яркий пример такого рода – Полесье/Подлясье. При конфессиональных отличиях (преобладание православной традиции на востоке, католической на западе) это пространство представляет собой единый этнокультурный регион, что подтверждается как фольклорно-этнографическими данными, так и материалами, относящимися к сфере народно-религиозных представлений и “библейского” фольклора. Часто сюжеты, зафиксированные в Подлясье и отчасти на территории Малопольши, совпадают с сюжетами из Полесья и Волыни, но не встречаются в других польских регионах. Видимо, здесь этнокультурная специфика пересиливает конфессиональную. Кроме того, оказывается, что часть материала по обе стороны границы фиксируется от православных (в Польше) и от католиков (на западе белорусского Полесья, в Литве – на территории бывшей Виленской губ.).

При этом общий источник (свод библейских текстов) позволяет не только составить перечень сюжетов, востребованных той или иной локальной (национальной) традицией, но и показать механизм трансформации книжного текста в рамках устной традиции.

В этом плане актуальной становится проблема географической атрибуции фольклорного материала, зафиксированного на границе традиций. Польский исследователь А. Мянечкий, анализируя репертуар польских этиологических легенд, на примере легенды о происхождении обычая красить пасхальные яйца (Т 2476, см. [10. S. 177]) поставил вопрос о правомерности считать этот сюжет “польским”, если он представлен единственной записью, сделанной в Галиции, в Сокальском повете, который сейчас находится на территории Украины (Львовская обл.) [11. S. 132–133]. Таким образом, атрибуция фольклорных текстов может быть поставлена в зависимость от исторического или современного административного деления, каковое изменчиво. Данная проблема актуальна, например, при каталогизации текстов с польско-украинского, белорусско-польско-литовского, русско-белорусского, болгаро-македонского пограничья – в культурном пространстве Славии найдется немало подобных регионов с “подвижными” границами. В этой связи исследователь в первую очередь должен опираться на фактическую принадлежность текста к той или иной традиции.

Считать ли принадлежностью фольклорной традиции единичные версии? Видимо, да, если достоверно известно, что текст записан от информанта, идентифицирующего себя с данной традицией (даже если сюжет он узнал от этнического соседа). Это будет факт единичного бытования сюжета – на уровне идиолекта (репертуара отдельного сказителя) или микродиалекта (повествовательной традиции одного села или небольшого социума) [12. С. 19]. Кроме того, фольклорные данные подтверждают, что чуждое обычно не адаптируется, “привлекает” в “свой” нарративный фонд то, что типологически сходно с уже имеющимся там материалом.

Культура любого пограничного региона по природе своей синкретична. В современных исследованиях [5; 6; 11] рассматриваются два типа “пограничных” народных легенд: общеизвестные сюжеты, бытующие либо повсеместно у славян, либо достаточно широко; и редкие, нестандартные сюжеты, часто не имеющие аналогий в соседних традициях. Опираясь на корпус текстов, зафикси-

рованных предшественниками, привлекая новый материал из данного региона и учитывая распространенность сюжета и типологические сходства, можно раскрыть и “национальную привязку” различных версий сюжета, и особенности его региональных вариантов.

Этиологические легенды “библейского” цикла открывают исследователю широкие текстологические возможности.

Во-первых, схема этих сюжетов стандартна, что позволяет, имея в виду инвариант (схему) сюжета, анализировать его локальные (региональные) или “нестандартные” варианты, отслеживать особенности местных версий, а также “дочерние” сюжеты.

Во-вторых, мы имеем возможность выделения структурообразующих мотивов, что необходимо для выявления типологических параллелей (аналогичных сюжетов в других культурных традициях).

В-третьих, появляется возможность картографирования сюжетов (и в рамках сюжета – наиболее интересных или раритетных мотивов), что открывает перспективу репрезентировать элементы повествовательной традиции наряду с другими этнолингвистическими фактами (терминами, элементами обрядности и т.п.).

Мы попытались осуществить предварительный анализ некоторых таких сюжетов на примере восточнославянской традиции [3] (легенды о происхождении аиста, о хлебном колосе, о лунных пятнах, о пауке, который “свет сновал”). Следующим этапом могло бы стать картографирование сюжетов и мотивов славянских этиологических легенд, что во многом прояснит “поведение” данных сюжетов на перекрестках культурных традиций (на перспективность этнолингвистического картографирования на пограничье указала С.М. Толстая [13]).

Работа по картографированию сюжетов народно-христианских легенд в современной славистике уже ведется, особо отметим опыт картографирования этиологических сюжетов, зафиксированных на территории Белоруссии, предпринятый Е.М. Боганевой. Уже первые публикации показали, сколь ярко проявляется региональность общенациональной нарративной традиции, в которой выделяются зоны скопления сюжетов и зоны рассеяния, при этом граница регионов часто является местом притяжения уже упомянутых “уникальных” версий общеславянских сюжетов [14].

Таким образом, в перспективе объединенными усилиями фольклористов вполне может быть создан атлас славянских этиологических сюжетов и мотивов с выделением пограничных вариантов как яркого культурного маркера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О.В. Славянские “библейские легенды”: от книжного источника к библейскому нарративу // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. М., 2006. Т. 2.
2. Белова О.В. “Библейские” легенды в фольклоре славянских и финно-угорских народов // Славянский альманах 2006. М., 2007.
3. “Народная Библия”: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
4. Zowczak M. Dłaczego “apokryfy”? // Polska sztuka ludowa – Konteksty. 1993. № 3–4.
5. Engelking A. Każda nacja swoją wiarę ma // Polska sztuka ludowa – Konteksty. 1996. № 3–4.
6. Zowczak M. Biblia ludowa. Interpretacje wątków biblijnych w kulturze ludowej. Wrocław, 2000.
7. Czaplak G. Obraz kosmosu w tekstach folklorystycznych wsi Matiaszówka. Praca magisterska. Lublin, 1987.

8. *Кербелите Б.* Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб., 2001.
9. *Вольтер Э.* Литовские легенды // Этнографическое обозрение. 1890. № 3.
10. *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963. T. 2.
11. *Mianecki A.* O mityczności ludowych opowieści aitiologicznych // Genologia literatury ludowej. Studia folklorystyczne. Toruń, 2002.
12. *Толстой Н.И.* Язык и культура // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
13. *Толстая С.М.* Этнолингвистическое картографирование в зоне украинско-белорусского пограничья // *Dzieje Lubelszczyzny*. T. VI. Między Wschodem i Zachodem. Cz. IV. Zjawiska językowe na pograniczu polsko-ruskim / Pod red. J. Bartmińskiego i M. Łesiowa. Lublin, 1992.
14. *Боганева Е.М.* Региональность сюжетно-тематического фонда народных легенд белорусского “Запада” и “Востока” // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. М., 2006. Т. 4.

© 2008 г. Е. С. УЗЕНЁВА

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ СЛОВАКИИ

В настоящее время в Словакии отмечается повышение интереса к традиционной народной культуре, о чем свидетельствуют вышедшие в последние несколько лет многочисленные издания, посвященные данной тематике: это и крупные монографические исследования отдельных регионов и сел [1; 2; 3; 4], а также обобщающие труды о региональном членении словацкой традиционной культуры [5], сборники по семейной и календарной обрядности в записях конца XX в. [6; 7], и публикации диалектных текстов по различным темам духовного наследия словацкого народа [8; 9; 10], в том числе диалектные словари [11]. Особую нишу занимают книги о народной культуре словаков зарубежья. В частности, большая работа ведется совместно словацкими и венгерскими учеными, изучающими словацкое меньшинство в Венгрии [12].

В 2007–2008 гг. были проведены две экспедиции в села средней Словакии: в регионе Турец, обл. г. Мартина (с. Блатница, Бела, Дубове и Быстричка)¹, и в регионе Орава, с. Зуберец². Турчанские и оравские диалекты, распространенные в данных селах, принадлежат к северной группе среднесловацких говоров [13. С. 63–68], которые выявляют наибольшее сходжение с южнославянскими диалектами [14. С. 209–210]. Традиционная народная духовная культура выявила, однако, некоторые отличия,

Узенёва Елена Семеновна – канд. филол. наук, ученый секретарь Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям” (проект “Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии”).

¹ Экспедиция прошла в июне 2007 г. с 16.06 по 21.06 при участии В. Седлаковой, научного сотрудника Матицы Словенской (г. Мартин), и Х. Зеллиновой, научного сотрудника Этнографического музея (части Исторического музея в Братиславе) в Мартине. Пользуясь случаем, выражаю им свою признательность.

² Экспедиция была проведена в июне 2008 г. с 22.06 по 28.06 при организационной помощи директора Этнографического музея оравской деревни в Зуберце-Брестове Р. Яноштина, которому я очень благодарна.

главным образом в области мифологии³, которой мы и уделим особое внимание⁴.

Большой интерес для нас представляет мифологический персонаж “вила”. Этой теме в словацкой традиции посвящены статья Й. Голубы [19] и раздел работы М.М. Валенцовой [20. С. 24–26]. Нам удалось записать лексему *vila* в с. Бела (обл. Мартина). Данная лексема имеет широкое распространение у южных славян (словен., хорв. *vila*, серб. *вила*, болг. *самовила*) [21. С. 369–371; 22. С. 614. Карта № II-3-1a]. У чехов слово имеет значение ‘мифическая, сказочно прекрасная женщина’ [23. С. 147]. По мнению М.М. Валенцовой, в польском и чешском языках данная лексема является книжным заимствованием, а в словацком, скорее всего, – собственная лексема, обозначающая, однако, иные мифологические персонажи, чем вила у балканских славян [20. С. 25].

Схождение с восточнославянской русалкой подтверждают данные Й. Голуба из Бошацкой долины [19. С. 361] и картотеки словаря словацких говоров Института языкознания им. Л. Штура в Братиславе, где нам удалось найти информацию о том, что *vila* – это незамужняя девушка, будущая невеста, умершая в период церковных “огласок” перед свадьбой (сравни то же – Средняя Словакия, Липтовские Слячи [24. С. 510]). Согласно архивным записям, *вил* часто видели танцующими (обл. Тренчина, сев.-зап. Словакия). В с. Бела (обл. Мартина) нам рассказывали о вилах (*vily*), которые собирались ночью на мосту и танцевали. В тексте из с. Завод, расположенного вблизи Братиславы, *вилы* описывались как девушки в белом одеянии (их всего шестеро), танцующие круговой танец типа коло, называемый ими *žabčí tanec* (сравни поверья о ведьме, превращающейся в жабу). После встречи с вилами героя былички, старика, нашли в глухом лесу, среди колючего кустарника, где он чуть не погиб от ран и холода [10. С. 38–39].

Таким образом, словацкая “вила” – это антропоморфный персонаж женского пола, молодого возраста, обладающий красотой, звучным голосом, с распущенными волосами, носящий белые одежды, который мог появляться в полночь у воды, где “вилы” танцевали. Они могли быть опасны для неженатых парней и рожениц, не получивших очистительную молитву в костеле, что сближает их с юж.-слав. *самовилами*. В наших записях “вилы” совпадают по функции с ведьмами (стригами), которые также собирались на мосту над водой для танцев, но только в ночь на Люцию 13.XII (с. Бела).

Для обозначения ведьмы в исследованных селах встречаются различные термины: *striga*, *bosorka*, *vila* (обл. Мартина), *striga*, *bosorka*, *bohinka*, *bohiňa* (Зубец)⁵, последний персонаж характерен для западнославянской мифологии (Польша и сопредельных пограничных этнических зон [16. С. 20]), что здесь не

³ В 1989 г. С.М. Толстая в соавторстве с Л.Н. Виноградовой опубликовали схему описания мифологических персонажей в Материалах к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы [15] (см. также [16]).

⁴ Исследование традиционной народной культуры сел и обслуживающей ее лексики проводилось по программе А.А. Плотниковой “Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала” [17]. Полевые исследования в Словакии – продолжение апробации “балканского” вопросника на территории Карпат [18]. В марте 2008 г. А.А. Плотниковой и Е.С. Узенёвой была осуществлена экспедиция в Украинское Закарпатье.

⁵ О происхождении и семантике терминов *босорка* и *богинка* в карпатском регионе см. статью В.В. Усачевой [25].

является случайным: Орава – это северные области Словакии на границе с польскими Бескидами).

Богинка в Зуберце, однако, совмещает в себе признаки нескольких персонажей: ведьмы, так как ходила в лунные ночи и отбирала молоко у коров, и лесного духа, поскольку живет в лесу и может причинить вред путнику. *Богинки* обитали в густых лесах, болотистых местах и горном озере. Были красивы, молоды, имели детей и мужей. Отличительным признаком были огромные груди. Знамениты были “склонностью” к воровству: забирали здоровых детей, меняя их на своих больных *bohincatia*, и различные предметы быта (записан рассказ о богинке, укравшей сапоги и захваченной на месте преступления). В селе рассказывали об одной молодой женщине, которую украли *богинки*, чтобы она ухаживала за их детьми. Однажды ее встретил один человек у горного озера, где она стирала белье. Женщина попросила его передать ее мужу, чтобы принес ей яйца от черной курицы и мак, с помощью которых она хотела убежать: *богинчата* будут играть яйцами и не расплачутся, а когда побег откроется, *богинки* будут собирать разбросанный мак и не догонят ее. Муж все сделал, но убежать женщине не удалось – богинки ее умертвили [26. С. 26]. Интересно, что некоторые информанты подчеркивали тот факт, что богинки обладают двумя душами (“двоедушники” – типичный карпатский мотив, сравни также сведения из Гельпы, Горегронье, где были известны люди с двумя сердцами – *l'udi s dvomi srdciami* [3. С. 198]). Мы записали рассказ о девушке, которая спала в своей кровати дома, а по утрам просыпалась взмыленной и уставшей и говорила, что по ночам она “путешествовала” в другие села и регионы (Зуберец).

Striga, как правило, – это ведьма, отбирающая молоко у коров куском ткани, сквозь которую его процеживают. Появлялась в доме после отела коровы. Она могла превращаться в жабу (Турец, Орава) или кошку (Зуберец). Записан рассказ о том, как жаба скакала ночью вокруг коня, после чего он был весь вспененный, будто на нем катались, и с заплетеной гривой. Случилось это в том месте, где “стриги ходили” (с. Бела). Согласно материалам А.А. Плотниковой, лексема *striga* в значении ‘ведьма’ встречается также на юго-западе Словении [22. С. 646. Карта № П-3-3].

В селах Турца в день св. Люции в дома селян приходили девушки, одетые в белые ткани, молча выметали мусор, т.е. “злых духов”. В эту ночь парни шли на перекресток, где смотрели сквозь отверстие в “люцидном” стульчике, чтобы увидеть сельскую ведьму. А хозяева рисовали чесноком кресты на дверях против злых духов и ведьм. В Зуберце парни смотрели на стреху сквозь стульчик, также ожидая распознать сельскую ведьму.

Ходячие покойники, вампиры известны словацкой традиционной культуре. В Мартине нами отмечен персонаж *upir*, который делает пакости, может появляться в образе человека или животного, пьет кровь. В Быстричке осталось переносное значение – это человек, который высасывает силы у кого-то. На Ораве мы записали интересные былички о вампирах, которых здесь называют *sedlisko*. Это связано с тем, что, согласно народным поверьям, вампир садится на человека, душит его, сосет кровь. Вампиры приходят в дом по ночам, мучают людей, оставляя на коже синяки от укусов. В с. Дубове, расположенном в 80 км от Мартина, подобную функцию выполняет другой персонаж: *moga* наваливается ночью на людей, не дает им дышать, душит их. Тот же термин и функция характеризуют похожий персонаж и в других славянских традициях. Отмечены и

поверья о душах некрещеных младенцев или детей, умерших от аборта, которые являлись по ночам к окнам домов своих матерей и плакали (Зуберец).

Большая часть собранных нами быличек посвящена ночным существам, сбивающим путников в ночи или днем, так называемым *svetlonoci*, *svetla noc* (Зуберец). Информаторы указывали определенные места, где “води́ло”, “гукало” “иху-у!”: у старой вербы, на болотистом месте, у ручья, на мосту, в горных лугах. Там ночью появлялись огоньки, которые якобы указывали дорогу идущему, после чего он поутру оказывался далеко от того места, куда шел, весь мокрый. Иногда в таких местах появлялись дикие звери (медведь, олень). Записаны рассказы о встрече с животным (бык) в 12 часов ночи в лесу, после чего потерявшиеся волы явились взмыленные от пота, будто на них кто ездил верхом (с. Дубове). В Зуберце рассказывали, как разъяренный бык напал на запоздавшую в пути женщину и ехал на ней верхом.

Иногда персонажей с подобными функциями в Зуберце называют *černo-kňazník*. Он являлся с образом монаха в плаще с капюшоном и “водил” по лесу заблудившегося человека. Данный термин характерен для украинско-карпатского региона, где, однако, *чорнокнижниками* называли колдунов, управляющих бурей, тучами (с. Торунь, Закарпатье, зап. А.А. Плотниковой, Е.С. Узеновой 2008 г.).

На Балканах существует поверье о домовый змее, змее-покровительнице: болг., макед., в.-серб. *смok* [22. С. 54, 680–683; 27. С. 307–319]. В польском и чешском языках *smok* – это крылатый змей, дракон [31. С. 594]. В обл. Мартина мы зафиксировали поверье о *zmok-e* – черной курице, якобы приносящей богатство. У словаков *zmok* – это домашний дух-обогатитель [32. С. 154]. Жители с. Зуберец слышали что-то о *zmok-e*, но считают, что это живые люди пугают по ночам наивных селян на кладбище. В Турчанском регионе отмечены поверья о змее – хозяйине дома, которая живет под порогом. В Зуберце подобных сведений нам записать не удалось.

Некоторые карпато-балканские параллели выявлены и в календарной обрядности среднесловацких сел. В балканской традиции широко известен персонаж *полазник* [28], так называется первый посетитель на Новый год, Рождество, приносящий удачу, счастье в дом на будущий год.

В Зуберце дома посещал пастух, получавший вознаграждение за работу. Он приносил с собой длинные прутья (*polazníky*) из ракиты, в концы которых вплетались колосья освещенных злаков, овса и ячменя. Эти прутья оставались в доме до весны, когда ими выгоняли скот на пастбище в первый раз.

Существуют здесь и поверья о человеке, который должен посетить дом первым в канун Нового года и принести счастье на будущий год, но нет термина (обл. Мартина). Считали, что женщина приносит несчастье, а мужчина – удачу (Зуберец). В Мартине эту функцию выполнял пастух или служитель костела *boženik*, который входил в группу рождественских “коледников”, среди гостей были также звонарь, глашатай, гробовщик. *Boženik* носил прутик с крючком на конце, с которым пасли стадо летом, и бил девушек, чтобы те не болели (обл. Мартина).

Праздник, отмечаемый для плодovitости кур, совершался в Сочельник *Štedry deň*, когда хозяин шел в курятник и гнал прутиком кур с насеста, чтобы у них “попки не зашились”, чтобы несли яйца. В Зуберце курам приносили остатки еды с рождественского стола.

Одним из ярких карпатизмов является лексема *vatra* [29]. В Зуберце и в обл. Мартина это слово обозначало большой костер, который зажигали высоко в горах, где были пастбища для овец. На Ораве костры возжигали в день Ивана Купалы в трех местах на вершинах гор в округе села. Парни собирали старые деревья, хворост, мусор и жгли огни, спускали с вершин горящие колеса, а девушки перепрыгивали через костер. Обряд назывался *pálenie Jána* (сравни то же в чешском и моравском [33. С. 665]).

Обрядовые жертвоприношения, столь характерные для Балкан, не отмечены в Словакии. Однако, как и у других западных славян, барашек неизменно присутствует на трапезе в день Пасхи. Так, в с. Бела на Пасху евангелисты запекали пасхального барашка *vel' konočnǎj baránok*, у католиков пекли хлеб *koláč baranček*.

Информатор из соседнего с. Склабина (в обл. Мартина) сообщил нам интересную информацию о том, что на все большие праздники там пекли большой плетеный калач из белого пшеничного теста – *bosman*. Данный термин хорошо известен в Словении, где он обозначает свадебный хлеб [30].

Мы рассмотрели отдельные фрагменты традиционной культуры среднесловацкого региона, перекликающиеся с подобными фактами на Балканах и в Карпатах. Вопрос о происхождении этих явлений – предмет отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pančuhová E., Mitalová Z. a kol. Z l'udovej kultúry Turca. Žilina, 2004.*
2. *Belá – Dulice. Vlastivedná monografia obce / Zost. Univ. prof. PhDr. I. Sedlák. Martin, 2006.*
3. *Ján P. a kol. Hel'pa. Vlastivedná monografia obce. Žilina, 1999.*
4. *Oravská Poruba 1350–2000. Zábrež 1420–2000. Gecel' 1420–2000 / Zost. Mgr. I. Bumová. Dolný Kubín, 2000.*
5. *Beňušková Z. Tradičná kultúra regiónov Slovenska. Bratislava, 2005.*
6. *Leščák M. Pramene 1. K obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia. Bratislava, 2005.*
7. *Leščák M. Pramene 2. K obyčajovej tradícii a sviatkovaniu na Slovensku na konci 20. storočia. Bratislava, 2006.*
8. *Zo studnice rodnej reči / Zost. K. Balleková, M. Smatana. Bratislava, 2005.*
9. *Tradicia v slove, slovo v tradícii (inšpiratívny Jozef R. Nižnanský) / Zost. L. Dvornická, M. Smatana. Bratislava, 2007.*
10. *Bužeková T. Za horama, za vodú... L'udové rozprávania z obce Zavod. Senica, 2007.*
11. *Slovník slovenkých nářečí / Ved. red. I. Ripka. Bratislava; Veda, 1994. T. I. A–K; 2006. T. II. L–P.*
12. *Krupa O. Kalendárne obyčaje I. Jeseň, predvianočné obdobie. Békéšska Čaba, 1996; Krupa O. Kalendárne obyčaje II. Vianoce – Nový rok – Tri krále. Békéšska Čaba, 1997; Krupa O. Kalendárne obyčaje III. Predjarie – Jar – Leto – Dni v Týždni. Békéšska Čaba, 1998.*
13. *Štolc J. Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.*
14. *Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.*
15. *Толстая С.М., Виноградова Л.Н. Схема описания мифологических персонажей // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. Проблемы культуры. София, 30.VIII.89 – 6.IX.89. М., 1989.*
16. *Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования, текст, ритуал. М., 1994.*
17. *Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.*
18. *Узенева Е.С. Этнолингвистические материалы с юго-западной Украины (с. Устерики, Верховинский район, Ивано-Франковская область) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Г.П. Клепиковой. М., 2008.*

19. *Holuby J.L.* Narodopisné práce / Zostavil a úvod napísal dr. Ján Mjartan. Bratislava, 1958.
20. *Валенцова М.М.* Словацко-южнославянские связи: этнолингвистические параллели // Славянское языкознание. К XIII Международному съезду славистов. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). М., 2003.
21. *Толстая С.М.* Вила // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А–Г.
22. *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
23. Български етимологичен речник. София, 1971. Т. 1.
24. *Krátky slovník nárečia slovenského Liptovskosľiačskeho podl'a Klimenta Ondreiku s redakciou Štefana Cifru.* Bratislava, 1998.
25. *Усачева В.В.* Этнокультурная и языковая интерференция в карпатском регионе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. Памяти Г.П. Клепиковой. М., 2008.
26. *Kuchtiak I., Mat'kuliak K.* Pod Rohaáčom žijem... Zuberec. Pozprávanie o prírode živote a ľ'ud'och zo Zuberca. Zuberec, 1993.
27. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
28. *Усачева В.В.* Об одной лексико-семантической параллели (на материале карпато-балканского обряда “полазник”) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977.
29. *Клепикова Г.П.* Карпатское языкознание и “Общекарпатский диалектологический атлас” // *Studia Slavica Hung.* Budapest, 2003. № 48/4.
30. *Orel V.* Čarodejni obred in mit nakolenčiča ter bosmana v slovenskih ženitovarskih običajih // *Etnolog.* Ljubljana. 1942. Вып. 14; 1943. Вып. 15.
31. *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на Българския книжовен езикъ. София, 1941.
32. *Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е.* Духи домашние // Славянские древности. М., 1999. Т. 2.
33. *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

© 2008 г. М. М. ВАЛЕНЦОВА

ПОХОРОННАЯ ОБРЯДНОСТЬ В СЛОВАЦКОЙ ТРАДИЦИИ

Похоронная обрядность словаков весьма схожа с обрядностью других славянских традиций. Много общего обнаруживается с традицией восточнославянских народов, а также южных славян. Тем не менее, как каждая славянская культура, словацкая сохранила или развила некоторые особые черты или элементы обрядов, связанных с мертвыми и душами умерших. Попытаемся указать на общее и специфическое в словацком обрядовом цикле. В основе статьи – материалы XIX в. из разных областей и сел Словакии, дополненные материалами, записанными в первой половине XX в. (ответы на этнографические вопросники, собранные сельскими учителями от местных жителей в 1930–1940 гг.). В большинстве случаев указанные временные пласты материала совпадают, в ряде других – дополняют и уточняют друг друга. Географические пометы даются в случае достаточно редких, локально распространенных явлений, либо в случае их регулярного распространения на определенной территории.

Смерть (*skon* – с. Каньанка, *skonanie* – сс. Порубка, Тисовец). **Отделение души от тела.** Повсеместно верили, что душа вылетает из тела сразу после смерти, поэтому, как только человек умрет, открывали окно, чтобы душа улетела и больше не возвращалась. Звон колоколов также заставляет душу поторопиться, поэтому старались скорее зазвонить по покойнику. В с. Очова похоронный колокол называли “покойничек” (*umieráčik*) [1. S. 140]. Однако открытое окно сразу же закрывали – чтобы душа не вернулась и чтобы злые духи не пробрались к покойнику. Старались устроить похороны как можно быстрее, потому что верили, что пока умерший не в земле, бывают страшные ветры (с. Маргань) [1. S. 139].

Распространенным также является представление о том, что душа до трех дней задерживается в доме и покидает его вместе с гробом, что душа выходит из тела только после совершения всех похоронных действий или когда гроб начнут закапывать в землю.

Скорее всего, произошло позднейшее смешение момента выхода души из тела (смерть) и момента, когда душа покидает землю и улетает на небо (на третий день). В с. Погорела эти два момента еще разделены: вышедшая в момент смерти из тела душа мечется под окнами, по дому и по кладбищу, но на небеса улетает только тогда, когда на гроб упадет первая горсть земли.

В с. Шуранки верили, что душа отлетает вместе с последним вздохом, однако на третий день возвращается, чтобы проститься с близкими. Поэтому в первый

вечер после смерти на стол насыпали горсть муки – чтобы видеть следы, оставленные душой покойника, когда она придет прощаться. В тот же вечер при трапезе откладывали от каждого блюда понемногу – для умершего.

Обряжение покойника. Сразу после смерти члена семьи останавливали ча-сы, занавешивали окна и зеркала. Запрещалось выглядывать в окно – иначе можно заболеть желтухой.

Покойника клали на доску, по возможности, между двумя балками или под матицей. Обмывали покойника водой со спиртом или вином, чтоб “омолодилось” лицо (с. Липовец), окуривали, чтобы “не ходил” после смерти. Особенно опасались покойников, тела которых сразу не застывают: им клали под ногу конскую подкову или переворачивали лицом вниз и подпоясывали ветвями шиповника – для того, чтобы они не возвращались [1. S. 145, 146].

Во многих местах над умершим бдели две ночи соседи и знакомые. Тот, кто боялся покойника, спал в постели, на которой он умер. Пока умерший находился в доме, на столе должны быть хлеб и вода, чтобы у него было что есть (с. Горне Лефантовце, Ложин). Для умершего хозяина держали на столе целый хлеб и бутылку самогона (с. Поники).

День похорон (*pohrab, chranba, chránenie*). Обычно похороны происходили на третий день, после обеда. Интересно, что еще в середине XIX в. Синод в г. Ружомберок запрещал “ночные погребения”, – свидетельство того, что словаки хоронили своих покойников и ночью. По хроникам известно, что некогда и свадьбы устаивались ночью, например, Синод г. Штитник в 1691 г. (равно как и г. Пьештяны) запрещал ночное соитие.

Иногда на похороны, как и на свадьбу, ходили приглашать “звачи” (*zváči*). Чаще всего, однако, специально никого не звали, за исключением случаев, когда умирал неженатый парень или незамужняя девушка, – тогда приглашали “дружек” (*družičky*) или “парней” (*mládenci*), которые и несли гроб. Все украшения из цветов молодые люди бросали потом в могилу умершей подружки или друга. Поминки по молодым – это по составу угощений почти свадьба.

На третий день после смерти в дом собиралось множество народа (запрещалось приходить только беременным женщинам). Домашние были в старой одежде, и чем милее им был умерший, тем более ветхую одежду они надевали. В Гонте до окончания похорон не умывались и не переодевались. Преобладал черный цвет платья. В Дольном и Горном Прандорфе в ночь перед похоронами ходили “петь” (*na spivanie*): пели религиозные песни, говорили краткие речи, и после каждой песни “заливали печаль вином”, причем пили не из стаканов, а прямо из бутылок [1. S. 134].

Прощались с покойным за руку, целовали его в лоб. Чтобы не бояться покойника, тянули его за большой палец ноги.

В гроб клали необходимые и любимые вещи умершего, также трубку, бутылку самогона, молитвенник, одежду, деньги, беременной женщине – рубашечку для ребенка. Если не положить все необходимое, он будет “ходить” до тех пор, пока ему не передадут нужной вещи, закопав ее на могиле. На дно гроба сыпали стружки, оставшиеся от изготовления гроба. Чтобы покойник не возвращался и не пугал, обсыпали его в гробу семенем петрушки, клали освященные травы.

Деньги, которые клали в гроб покойному, назывались “выплата” (*výplata*) (сс. Детва, Очова). Иногда вкладывали деньги в руку, чтобы покойный мог дать пожертвование, заплатить за вход в рай или в знак того, что он “выкуплен” из

этого света. Иногда клали в гроб половинку разрубленной монеты (с. Детва). Вторую половину оставляли в доме, чтобы хозяйство осталось целым (с. Кисуца) [1. S. 138].

Выносили покойного всегда ногами вперед, “чтобы не вернулся”. Верили, что если вынести вперед головой, он станет волколаком (*vlkolak*) и будет выходить из могилы. После выноса гроба кто-нибудь из домашних переворачивал стул или табурет – чтобы шумом выгнать душу умершего, задержавшуюся в доме. На место, где лежал мертвый, следовало вбить деревянный клин из бобышника, равно как и во все углы – “чтобы не пугало”.

Проходя через двери, трижды слегка ударяли гробом о порог (практически повсеместно). Дольноземские¹ словаки делали это для того, чтобы “хозяйство не ушло за покойным”. По полевым материалам середины XX в. это действие мотивировалось тем, “чтобы покойник не ходил”, “чтобы мертвый не вернулся домой” [1. S. 135, 144].

Кроме того, в словацкой традиции по фольклорным источникам известно протаскивание гроба под порогом, через выкопанную специально для этого яму [2. S. 18], что можно трактовать как запутывание последнего следа, чтобы покойник не вернулся. Факт этот можно поставить в один ряд с известным в Полесье закапыванием (похоронами) умерших некрещеных младенцев под порогом, а с другой стороны – с передачей новорожденного в дом через окно в случае, если в семье постоянно умирали дети, и под.

В с. Зармутов при выносе гроба клали под порог горящие уголья.

Во дворе совершалось оплакивание. Считалось, что нельзя много плакать, иначе умерший на том свете будет мокрым от слез (Новоград). В области Турец особенно опасаются много плакать матери по своим детям. Причитания (*vykladanie, nariekanie*), как правило, были импровизацией. Если умер мужчина, причитает женщина, над детьми – мать, если нет матери – сестра или ближайшие родственники. Несчастливым считается тот, кого некому оплакивать (*Nemá ho kto nariekat'*). Своеобразным ответом на причитания являлись “стихи” (*verše*). Учитель, представляя умершего, прощался со скорбящими близкими, называл каждого по имени, описывал те добрые дела, которые тот для него совершил, и желал каждому что-либо на прощанье. Каждый, даже самый дальний родственник хотел, чтобы и он был “в стихах”. Просматривается явная параллель похоронных стихов с хвалебными или корильными стихами, например, во время майских торжеств и Зеленых и “Духовских” святок (Троицы и праздника Святого Духа) – летних поминальных праздников, пронизанных идеей посещения душами умерших своих домов. Сейчас о традиции причитаний помнят лишь старые люди.

Пока гроб стоит во дворе, нельзя прогонять мимо скот до тех пор, пока над гробом не пролетит какая-нибудь птица (с. Слатина-над-Бebravou).

Затем **похоронная процессия** двигалась к кладбищу. Во дворе на месте, где стоял гроб, вбивали три гвоздя. Если гроб везли, то каждый родственник давал по паре волов, поэтому упряжки бывали до 10 пар.

Хорошо, если во время похоронной процессии идет дождь, значит, Бог рад видеть умершего (Новоград). Тот, на чей гроб падает дождь, – благословенный

¹ Дольна зем – это южные территории Австро-Венгрии, куда в XVII в. мигрировали словаки: часть Румынии в р-не Бихора, часть Венгрии в р-не Бекеш Чаба, вблизи венгерско-румынской границы, а также Воеводина и Черногория в Сербии.

человек (с. Кисач). Если идет дождь или дует сильный ветер, которые после похорон прекращаются, то умершего считали грешником (Бачка). Если кто-нибудь из родственников умершего споткнется или упадет, верили, что кто-то из семьи в течение года умрет (Новоград). Запрещалось нести покойника через сельские уголья – иначе град и буря уничтожат урожай. Если умер хозяин дома, то во время похоронной процессии скот не должен лежать, иначе он погибнет вслед за хозяином (с. Липовец).

Могила. Гроб ставили в могилу головой на восток. Присутствующие бросали в яму по горсти земли, чтобы покойник не снился и чтобы о нем быстро забыли. В Верхнем Турце бросали за гробом кусок новоиспеченного хлеба и крейцер. Кое-где в Тренчине, Гемере и Новограде клали в головах покойного большую буханку хлеба, которую потом дома делили между друзьями. Когда хоронили хозяина или хозяйку, над могилой разрезали буханку хлеба и делили между гробовщиками и нищими.

Говорят, что раньше бросали в могилу опилки, чтобы покойник “не ходил”, в с. Калниште с той же целью бросали платки. Матери, у которой умер ребенок, нельзя смотреть в яму, иначе у нее будут умирать следующие дети (с. Пила). Мать умершего ребенка надевала старый передник, а при прощании бросала его в могилу на гробик (с. Слатина-над-Бебравоу).

Тому, кто боится покойника, или тому, кто плачет и не может успокоиться, родственники клали горсть земли из выкопанной могилы за шиворот. Засыпав могилу, обходили ее вокруг, чтобы оставить там печаль по умершему и долго по нему не плакать.

Согласно фольклорным и этнографическим источникам, долго существовал языческий обычай хоронить мертвых в лесах, в полях. В гемерском Верхнем Погронье обычай сохранялся до XVII в., так что “сеньорат гемерский накладывал штрафы на тех, кто закапывал своих мертвых в лесах под деревьями или на поле” [2. S. 24].

Возвращение с кладбища. Чтобы не бояться покойника, по дороге с кладбища нельзя оборачиваться, а дома надо трижды заглянуть в печь и сказать: “Тут ничего, тут ничего, тут ничего” (с. Мошовце). Чтобы скорее забыть о покойном и не тосковать о нем, садились на камень или на глиняную печь, заглядывали в трубу, откладывали или отбрасывали все предметы тыльной стороной руки. Иные слегка ударяли головой о печь, чтобы никогда не испытывать головной боли, приговаривая: “Пусть у печи голова болит, а не у меня” (*Nech pec hlava bolí, ne mne*) (с. Крачуновце).

В с. Ловинобания, прежде чем войти в дом, полагалось постучать во все двери хлевов и во все окна и спросить: “Хозяин (хозяйка) дома?” В противном случае будет погибать скот. В с. Удерина кричали под окнами: “Дома хозяин?” А изнутри кто-нибудь отвечал: “Ей, дома!”. Объявляли о смерти хозяина также скоту. В р-не Бытчи сначала входил в комнату, где раньше лежал покойник, старший из семьи и, открыв двери и окна, махал валашкой (топориком) по всем углам, говоря: “Где ты? Если ты здесь, поди вон!” Так он делал трижды, и если все было тихо, значит, душа нигде не задержалась и отлетела, куда ее Бог позвал [2. S. 24].

Придя с кладбища, ничего не касались, пока не помогут руки, иногда в воду клали ключ.

Дом после похорон. В р-не Блатницы оставляли дом на девять дней в покое. В с. Кисач, наоборот, сразу же после того, как покойника вынесут со двора, открывали зеркала и картины, подметали, проветривали.

Чаще всего по возвращении с кладбища открывали окна – чтобы душа могла вылететь, сжигали солому, на которой лежал покойник. Освященным мелом рисовали крест над дверями, чтобы покойник не возвращался. В с. Церово траурный дом замазывали по самые окна глиной и только через год белили. В Бошачкой долине (з.-словац.) мыли лавки водой, настоянной на травах, которых боится “злой дух”. Постель, на которой лежала умершая роженица, должна каждый день поправлять какая-нибудь вдова, иначе умершая не будет иметь покоя в могиле. Одежду покойника запрещалось стирать в течение трех недель. Если кому-нибудь из домашних снился или мерещился умерший, надо было ударить в эту сторону наотмашь (с. Замутов).

Поминки (*kar, komašna, pohrebiny, pohrabiny, pohreboviny, traurbisy*) устраивали в день похорон, угощение зависело от благосостояния семьи. Бедные поминали хлебом и самогоном, некоторые семьи выставляли калачи, жареное мясо, кофе. Если умер хозяин, резали петуха, если хозяйка – курицу (сс. Мошовце, Ястрабье). В Новограде (с. Удерина и окр.) кололи овцу, варили суп и капусту, как на свадьбе. Пили самогон, вино, пиво. В с. Дубравица обычно все пили из одного стакана.

За поминальным столом садились по старшинству – сначала мужчины, потом женщины, “дружки” и “парни” обычно отдельно от остальных гостей. Угощение начиналось молитвой или приветствием, произносимым “старейшиной”, “погребальным отцом” (*pohrabný otec*), которого иногда выбирают, а иногда эту роль берет на себя старший в роду. В с. Удерина его задачей является также разделение мяса. Семья просила, чтобы все простили покойного.

Если все угощение не съедалось на поминках, приходили на следующий день. В Новограде считалось, что нельзя все съесть, должно остаться от каждого кушанья понемногу. Возможно, это реликт древнего кормления предков.

В первую **ночь после похорон** часто оставляли на столе воду (в стакане, в тарелке) и чистое полотенце, веря, что душа умершего придет умыться. Иногда на столе горела свеча.

Задушная месса служится на второй, тридцатый день после смерти и через год. В первые семь дней после похорон запрещалось выполнять ряд работ, в том числе прясть и шить.

Траур длился в течение года. По детям и дальним родственникам меньше. В р-не Бытчи, если у девушки умрет мать или отец, она должна целый год быть в трауре (*na pokore*), т.е. носить черную юбку, чулки, не носить украшений (*nesmie sa risit'*), не петь (*halékat'*). Парень в трауре по отцу или матери – *želár*, девушка – *želarica*.

Плакать на могилы друзья ходили три дня, женщины – 30 дней. В Кисаче женщины, а иногда и мужчины, ходили плакать на могилы и в течение двух лет. Во время свадьбы сестра или другой член семьи ходил на могилу родителей плакать и сообщать о свадьбе. Там же в обычае при ближайших похоронах ходить на кладбище и плакать над могилой своего умершего. На праздники носят еду на могилу, детям – орехи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pramene k tradičnej duchovnej kultúre Slovenska / Zost. V. Feglová, M. Leščák. Bratislava, 1995.
2. Slovenské Pohl'ady. Turčiansky Sv. Martin, 1894. Roč. XV.

Список населенных пунктов и мест

- с. Блатнице – р-н Годонин, ю.-морав.
- с. Бытча – р-н Жилина, ср.-словац.
- Гемер – историческое название области в Восточной Словакии
- с. Горне Лефантовце (совр. Лефантовице) – окр. Нитра, з.-словац.
- Гонт – историческое название области на юге Средней Словакии
- с. Детва – окр. Зволен, ср.-словац.
- с. Дольный и Горный Прандорф – окр. Левице, з.-словац.
- с. Дубравица – окр. Банска Быстрица, ср.-словац.
- с. Замутов – окр. Вранов над Топлёу, в.-словац.
- с. Калниште – окр. Бардеёв, в.-словац.
- с. Каньянка – окр. Бойнице, з.-словац.
- с. Кисач – ок. Нови Сад (Сербия)
- с. Крачуновце – окр. Бардеёв, в.-словац.
- с. Кисуца – окр. Банска Быстрица, ср.-словац.
- с. Липовец – окр. Римауска Собота, ср.-словац.
- с. Ловинобана – р-н Лученец, ср.-словац.
- с. Ложин – окр. Михаловце, в.-словац.
- с. Маргань – окр. Бардеёв, в.-словац.
- с. Мошовце – р-н Мартин, ср.-словац.
- Новоград – историческая область на юге Средней Словакии (и смежная часть в Венгрии)
- с. Очова – окр. Зволен, ср.-словац.
- с. Пила – р-н Лученец, ср.-словац.
- г. Пьештяны – р-н Трнава, з.-словац.
- с. Погорела – окр. Банска Быстрица, ср.-словац.
- с. Поники – окр. Банска Быстрица, ср.-словац.
- с. Порубка – окр. Бардеёв, в.-словац.
- г. Ружомберок – р-н Липтовски Микулаш, ср.-словац.
- с. Слатина-над-Бебравоу – окр. Топольчаны, з.-словац.
- с. Тисовец – окр. Римауска Собота, ср.-словац.
- Тренчин – историческая область в Западной Словакии (центр – г. Тренчин)
- Турец – историческая область Средней Словакии, между Оравой и Погроном (центр – г. Мартин).
- с. Удерина – окр. Лученец, ср.-словац.
- с. Церово – окр. Крупина, ср.-словац.
- г. Штитник – р-н Рожнява, в.-словац.
- с. Шуранки – окр. Нитра, з.-словац.
- с. Ястрабье (совр. Тренчянске Ястрабье) – окр. Тренчин, з.-словац.

© 2008 г. О. В. ЧЕХА

ГРЕКО-СЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ОБЛАСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ: ЛУНА В ЛЕЧЕБНОЙ МАГИИ

Народная медицина как греков, так и славян сохраняет, наряду со многими архаическими представлениями о природе заболеваний и способах их лечения, веру в то, что на здоровье человека большое влияние оказывает луна: она может быть в равной степени источником, причиной болезни и целителем, магическим избавителем от нее. Связь болезней с луной в одних случаях выражается эксплицитно, в самом названии болезни, в других – в объяснении природы заболевания, в третьих – в способе лечения, зачастую приуроченного к определенной фазе луны, в четвертых – в тексте заговора, сопровождающего лечение. Соответственно источниками для изучения данной темы служат язык (терминология болезни), фольклор (тексты заговоров, адресованных луне; предписания и запреты, связанные с обрядовым почитанием месяца) и ритуал (этнографические описания врачебных практик).

В народных представлениях греков луна (месяц) – новогреч. *φεγγάρι* < др.-греч. *φῆγγος* ‘свет’ [1. Σ. 1419] – изображается как мифологический персонаж, обладающий набором характеристик, дифференциальных признаков, с одной стороны, сближающих его с другими действующими лицами новогреческой мифологии, а с другой – очерчивающими то особенное место, которое луна занимает в традиционной картине мира.

Значимыми для народной медицины и магии оказываются такие наблюдаемые свойства и особенности месяца, как желтый цвет (отсюда лечение “на месяц” желтухи); наличие на луне пятен (ср. практику сведения на убывающей луне бородавок и лишаяев); увеличение/уменьшение видимого лунного диска, т.е. рост и убывание месяца, которым приписывается магическая сила; движение по небу (например, в закрежке кипрского заговора: “*Δκιάν τρέσ’ει ο ήλιος, δκιάν τρέσ’ει η σελήνη, δκιάν τρέχουν τὰ νερά στὸμ ποταμὸν τζ’αὶ τὰ νέφη στὸ γιαλόν, ἔτσι νὰ τρέξει τὸ κακόμ ποὺ τὸδ (ἢ τῆδ) δοῦλον (ἢ δοῦλην) τοῦ θεοῦ (δεῖνα)*” – “Как бежит солнце, как бежит луна, как бегут

Чеха Оксана Владимировна – аспирантка Института славяноведения РАН.

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям”, проект “Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии”.

воды в реке и облака по небу, так пусть убежит болезнь раба (или рабы) Божьего (имярек)” [2. Σ. 13–15]). В некоторых заговорах (например критском от солнечного удара: “Φύγε, ήλιε κι άνεμε, κι άνεμόπυρο φεγγάρι...” – “Уходи, солнце и ветер, и воспаленный месяц...” [3. Σ. 248], или заговоре от горячки [4. Σ. 308]), а также в именах лихорадок (например, *φεγγάροπύρωσα* ‘месячная огневица’) находит отражение представление об огненной природе месяца.

Представление о месяце как об одушевленном существе божественной природы, имеющем имя, профессию, семью и т.д., отчетливо проявляется в текстах “приветствий”, произносимых во время обрядовой “встречи” молодой луны, а также во всем комплексе предписаний и запретов, эту встречу регламентирующих.

Именно нарушением установленных правил обрядового поведения по отношению к месяцу объясняет народная медицина появление некоторых заболеваний. На Закинфе, например, считают, что бородавки появляются у того, кто при взгляде на полную луну, где показывается Богородица с Христом, дотронулся до себя, не перекрестившись. Избавиться от бородавок можно, оставив месяцу за окном мед и молоко: ночью он спустится, съест угощение и отблагодарит страдальца [5. Σ. 271]. Подобная лечебная практика сближает месяц с такими мифологическими персонажами, как персонифицированные болезни: ср. болгарский обычай оставлять у постели больного гребень, мед и масло, чтобы болезнь “да се облажи, да се иде жива и здрава и да не закача детето” – “полакомилась и пошла подобру-поздорову, а к ребенку не прицепилась” [6. С. 66]. С другой стороны, способность луны изгонять болезни ставит ее в один ряд с прочими врачевателями, например с христианскими святыми [7. Σ.147].

Являясь небесным светилом, месяц в народных верованиях попадает в один ряд с солнцем и звездами и рассматривается наряду с ними как неотъемлемая часть мироздания, которое без него погрузилось бы в хаос и мрак; сравни в связи с этим клятву, которую берут с героя новогреческой песни: “Τον ήλιο βάλε μάρτυρα και το φεγγάρι πλέτζο, / τ’άστρι και τον αυγερινο” – “Бери в свидетели солнце, а в поручители месяц, / звезду и зарю” [8. Σ. 50]. Несмотря на то, что месяц занимает отдельное место в этом парадигматическом ряду, противопоставляясь солнцу как источнику дневного света и тепла или звездам как неисчислимой множественности, нередко наблюдается взаимопроникновение лунного, звездного и солнечного “дискурсов”, объединение мифологических образов солнца и луны. На языковом уровне это проявляется в смешении лексем *ήλιος* ‘солнце’ и *φεγγάρι* ‘месяц’ для обозначения рассматриваемых небесных тел: например, греки Калабрии называют солнце *φέγγο* (месяц), а полнолуние – *φεγγάρι-ήλιο* (месяц-солнце) [9. Σ. 331]. Как ночное светило, месяц связывается в народном сознании с потусторонним миром, вследствие чего луна начинает восприниматься как “чужое солнце”: в Сиатисте ее называют *βλάχ’κους γκαλιούρς* (солнцем валахов) [10. Σ. 431]; на Родосе верят, что во время солнечного затмения умирают христиане, а при лунном затмении, когда “το φεγγάρι πλαστεί” (месяц захватывают), – гибнут турки [11. Σ. 280].

Характерным для лунного “дискурса” является также заимствование им сюжетов и мотивов, относящихся к звездам. Месяц нередко называют *πρωτάστρο* ‘главная звезда’ или просто *άστρο* ‘звезда’. И месяц, и звезды часто оказываются в сходных контекстах: это – ночные светила; обиталище душ умерших людей; месяц и звезды спускают на землю ведьмы; лунный и звездный свет опасен для роженицы или ребенка и т.п. Отметим, что переход мотивов осуществляет-

ся и в обратном направлении, т.е. звезды в свою очередь наделяются “лунными” характеристиками¹.

Вторая составляющая лунного “дискурса”, л у н н о е в р е м я, представляет собой последовательное чередование лунных фаз, в номинации которых выражается идея о росте/убывании месяца (например, γεμωση ‘наполнение’, λιγωση ‘уменьшение’, αλόσχηση ‘откалывание’, χασοφεγγαρία ‘пропадающий месяц’); внимание уделяется также времени лунного затмения и новолуния, когда месяц γυρίζει ‘оборачивается’ и не показывается на небе. В ряде случаев действует вербальная (этимологическая) магия: внутреннее значение термина актуализируется и получает отражение в народной врачебной практике. Верят, что заговаривание болезни на убывающем месяце повлечет за собой убывание последней: “бае се, кога се разсипва месецо, та да разсипе и болката” – “заговаривается на рассыпающемся месяце, чтобы и болезнь рассыпалась” [14. С. 44]. Напротив, лечение, основанное на магии прибывания, возрастания, осуществлялось на γεμωση ‘наполняющемся [месяце]’: в это время на Эвбее слабых, худосочных детей протаскивали сквозь корни дерева со словами: “Οπως γεμίζει το φεγγάρι, να γεμίσει και το ... τάδε παιδι” – “Как толстеет месяц, так пусть толстеет и ... такой-то ребенок” [15. Σ. 61–62].

Однако чаще названия фаз месяца, встречающиеся в указаниях о лечении болезни в конкретный отрезок лунного времени, являются всего лишь темпоральными пометами, рудиментами архаической системы времяисчисления (лунного календаря), за которыми не стоит никакой “лунной” семантики.

В народной медицине греков и балканских славян с луной ассоциируются не все, а лишь вполне определенные виды болезней – кожные (бородавки, лишай, чирьи и т.п.), желтуха, зубная боль и некоторые психические недуги. Эта избирательность объясняется тем, что симптоматика (проявления) именно этих болезней соотносятся с некоторыми характерными мотивами лунного “дискурса” – мотивом пятен и вредоносностью лунного света, иномирной природой месяца, в то время как мотив возрастания/убывания луны оказывается универсальным в магической практике лечения.

Кожные заболевания. Одну из причин появления б о р о д а в о к видят в нарушении запретов/предписаний, регламентирующих поведение человека по отношению к луне. На Наксосе считают, что бородавки получит тот, кто не поклонится молодому месяцу [16. Σ. 9], сравни в связи с этим песенку, исполняемую детьми в первый день появления новой луны:

Вρέ καλας τὸ νιὸ φεγγάρι
προσκυνῶ Τον τοῦ σε κάνει

Привет, молодой месяц,
Кланяюсь Твоему создателю,

¹ См., например, представление о том, что бородавки/прыщи/лишай появляются у людей, которые неправильно повели себя при первом появлении народившейся луны, и следующую запись с Кефалоньи: когда р о ж д а ю т с я (!) Плеяды (в первый день косьбы или в день св. Константина), они бьют в лицо человеку, и у того появляются о т м е т и н ы (σημάδια) [12. Σ. 146]; а также пример из Этолии, где пастухи следят за тем, чтобы на стоящих в стойле овец не падал свет от Плеяд, иначе те не будут жиреть, откуда выражение “τὸν ἔπιασ’ ἡ Πούλια” (его схватили, прихватили Плеяды), применительно к тощему животному [12. Σ. 146], и общепалканское представление о том, что если лунный свет падает на младенца, тот не будет расти; про таких детей говорят, что их “ἔπιασε το φεγγάρι” (схватил, прихватил месяц); греческое народное название “сухоты”, худосочности младенцев – φεγγαρόπιασμα (от φεγγάρι ‘месяц’ и πιάνω ‘хватать’) [13. Σ. 246].

κι ὁποῖος δὲν σὲ προσκυνήσει
ἀγιαθόνοι νὰ γεμίσει

ἢ στὸ μάτι ἢ στὸ φρύδι
ἢ στὸ μεσακό δαχτύλι.

Бородавки могли сводить на у б ы в а ю щ е й луне, полагая, что если заговариваешь их во время наполнения месяца (στη γέμωσι), то сам весь покроешься (θα γεμίσεις) бородавками [16. Σ. 12]. Типичным мотивом произносимых в это время заговоров оказывается мотив “как пропадает месяц, так пусть пропадет болезнь”: например, “ὅπως χάνεται το φεγγάρι, νὰ χαθοῦνε κι οἱ γαρδαβίτσες μου” – “как пропадает месяц, так пусть пропадут мои бородавки” [7. Σ. 148]; “ὡς λι(γ)αίνει το φεγγάρι / Νὰ λι(γ)αίνει τ’ αὐτοῦ – “Как уменьшается месяц, / Так пусть уменьшается и бородавка” [17. Σ. 65]. На Лесбосе в последние дни месяца (ὅταν το φεγγάρι τελεώνει) знахарка терла бородавки солью, произнося при этом:

Ἄγιοι Ἀνάργυροι θαυματουργοί,
δαρεῶν ἐθεραπεύετε τοὺς ἀσθενεῖς,
θεραπεύσατε, παρακαλῶ, κι αὐτόν.
Ἐσὺ φεγγάρι λαμπερό,
ποὺ χάνεσαι καὶ χάνεσαι,
οἱ μυρμηγκιές του νὰ χαθοῦν
καὶ πᾶ νὰ μὴ ξαναγενοῦν.

Святые бесребреники-чудотворцы,
бескорыстно вы исцеляли больных,
исцелите же, прошу вас, и этого.
Ты, светлый месяц,
все пропадаешь и пропадаешь,
пусть у него бородавки пропадут
и больше не появятся [18. Σ. 263].

Подобная практика сведения бородавок встречается и у балканских славян, например в Родопах на убывающем месяце знахарка прокалывала бородавки больного сосновой шишкой со словами: “Κατ се крати месчината, така и брадавицити да са кратят” – “Как сокращается месяц, пусть так и бородавки сократятся” [6. С. 72].

Лечение бородавок могло быть приурочено к первому появлению молодой луны, будучи частью развернутой обрядовой “встречи” месяца. В Ликий в это время терли бородавки свежей землей и трижды произносили:

Ὡ καλῶς το νιο φεγγάρι
ὅπον μου ἔφερε τη χάρη
σιλιούνια, μιλιούνια,
μερμηγκιά ξεριζωμένη.

Здравствуй, молодой месяц,
который принес мне радость.
силиунья, милиунья,
бородавки пропали [19. Σ. 117].

См. также критские записи:

Ὡ καλῶς το νηὸ φεγγάρι κι ἄποῦ τῶπεμπεν ομᾶδι

βάρσαμος καὶ μυρωδιές, νὰ χαθητε μυρμηγκιές

Φεγγαράκι του θεοῦ,
τση εἰς γῆς καὶ του ουρανοῦ,
προσκυνῶ, παρακαλῶ σε,
ὅτι σου ζητῶ μου δῶσε.

Γειάνε μου τσοι μνημηγκιές μου,
ἀποῦ εἶναι στη μ-προβέ μου.

Приветствуем молодой месяц и того,
кто его послал,

Бальзам и благовонья, пусть бородавки пропадут [20. Σ. 56].

Месяц божий,
и земли, и неба,
преклоняюсь перед тобой, умоляю,
чтобы дал ты мне то, что у тебя прошу.

Избавь меня от бородавок,
от того, что я претерпел [21. Σ. 77].

Интересен пример из Пелопоннеса (епархия Калаврита), где в первый или второй день появления новой луны выходили на дорогу и, глядя на месяц, потирали руки со словами: “Απόψε νιο φεγγάρι καὶ σάπιες μλαρδαβίτες” – “Сегодня вечером молодой месяц и гнилые бородавки”; повторив это трижды, мочились на руки, веря, что через пять-шесть дней бородавки пропадут [22. Σ. 42]. Сравни македонский обычай лечения бородавок в первый вечер появления народивше-

гося месяца (*кога се раѓа месечината*), когда бородавки мочат дождевой водой со словами: “На ваа месечина ве има – на другата да ве нема!” – “В этом месяце вы есть, а в следующем, чтобы вас не было!” [23. С. 76]. Подобный мотив “сегодня месяц и болезнь, (завтра нет месяца и нет болезни)” необычен для заговоров, читаемых на луну, и, напротив, достаточно частотен для заговоров на звезды (например: “Сегодня вечером звезды и грыжа, завтра – ни звезд, ни грыжи” [22. Σ. 42] или серб., болг. “Сегодня звезды и бородавки, завтра ни звезд, ни бородавок” [24. С. 424; 25. С. 185]). Перед нами частный случай заимствования мотива, принадлежащего звездному “дискурсу”. Другим примером подобного заимствования можно считать, как уже отмечалось выше, название месяца *πρωτάστρο* ‘главной звездой’ или *άστρο* ‘звездой’, как, например, в следующем заговоре от бородавок с Закинфа:

Αστήρ, αστέρα τρομερέ!
 Τρομερέ καὶ φοβερέ!
 Κάτου στὸ γαλό, κάτου στὸ περιγάλι,
 εἶναι τρεῖς σκουτελάκια.
 Τόνα μέλι, τάλλο γάλα,
 τάλλο τὸ κακὸ τ' ἀνθρώπου.
 Πάρε μέλι, φάε γάλα,
 πέτα τὸ κακὸ τ' ἀνθρώπου.

Звезда, звезда грозная!
 Грозная и страшная!
 Внизу на морском берегу, на побережье
 стоят три блюда.
 Одно с медом, другое с молоком,
 а в третьем – недуг человеческий.
 Возьми меду, съешь молока,
 прогони недуг человеческий [5. Σ. 271].

Именование в тексте заговора месяца “звездой” приводит к размыванию традиции: если изначально звательные формы “месяц” и “звезда” воспринимаются как синонимичные, обращенные к месяцу (см., например, [26. Σ. 49]), то в дальнейшем в вокативе “звезда” начинают видеть именно звезду, что влечет за собой изменение лечебной практики – бородавки “сбрасывают” с себя, увидев вечером на небе первую звезду² [22. Σ. 35].

Отдельную группу составляют заговоры, встречающиеся исключительно в Греции, в которых бородавки называются козами или овцами месяца, больной “выпас” их и просит забрать назад.

Пелопоннес (Мани):

Καλῶς τὸ φεγγαράκι μου
 τὸ νιὸ παλληκαράκι μου³,
 τὰ πρόβατα, που μου δώσες,
 γὰ νὰ ζοῦ τὰ βοσκήσου
 τὰ βόσκησα, τὰ πότισα,
 πᾶρ'τα, δός'τα κι ἀλλοנוῦ.

Здравствуй, месяцек,
 молодой богатырь.
 Овец, которых ты мне дал,
 чтобы я их для тебя пас,
 я выпас и напоил;
 забери их и отдай кому-нибудь другому [26. Σ. 49].

Лакония:

Καλῶς τὸ φεγγαράκι μου
 τὸ νιὸ παλληκαράκι μου,
 τὰ πρόβατα ποῦ μοῦ δώσες
 τὰ βόσκησα, τὰ πότισα.
 Ελα πᾶρ'τα, δός'τα κι' ἀλλοנוῦ.

Здравствуй, месяцек,
 молодой богатырь.
 Овец, которых ты мне дал,
 я выпас, напоил.
 Давай, забери их и отдай другому [27. Σ. 615].

Пелопоннес (Кастрио Кинурьяс):

Ἄστρο μου πρωτάστρο μου,

Звезда моя, главная звезда,

² Буквально прочитывая *πρωτάστρο* как ‘первая звезда’ (от *πρώτ-ος* ‘первый’ + *άστρο* ‘звезда’).

³ Как вариант: “Ἄστρο μου, πρωτάστρο μου, τὰ πρόβατα που μ'έδωσες κ.λ.π” – “Звезда моя, первая среди звезд, овец, которых ты мне давала, и т.д.” [26. Σ. 49].

μοῦ δωσες τὰ πρόβατά σου
τὰ φύλαξα τὰ βόσκησα
πᾶρτα δός τα κι' ἀλλουνοῦ.

ты дала мне своих овец,
я их сберег, выпас,
забери их и отдай другому [22. Σ.35].

Κυπρ:

Καλῶς τὸ νιὸ φεγγάρι,
ὄπου σκάνθαρος σκανθάρι,
τὰ πρόβατα ποῦ μῶδωκες
θέλω νὰ μοῦ πάρεις.
Εἰς τὸ ὄνομα τοῦ Πατρός καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος Ἀμήν
'Ὅπως τρέσ' εἰ ο Ἰορδάνης ποταμός⁵, ἔτσι νὰ τρέξει τὸ κακὸν τοῦ τὸ χέρι, τὸ πρόσωπο τοῦ...
"Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь.
Как бежит река Иордан, так пусть бежит и недуг с руки, с лица такого-то..." [28. Σ. 612].

Здравствуй, молодой месяц,
жук-жучище⁴,
овец, которых ты мне дал,
хочу, чтобы ты забрал у меня.
хоту, чтобы ты забрал у меня.
"Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь.
Как бежит река Иордан, так пусть бежит и недуг с руки, с лица такого-то..." [28. Σ. 612].

Из текстов видно, что месяц понимается либо как хозяин овец ("забери *своих* овец", "овец, которых *ты* мне дал" и т.п.), либо как их предводитель (баран). Олицетворение луны в виде рогатого животного типично для балканской народной культуры (см. болгарскую загадку о звездах и месяце "Пълна кошара с овци, / а сред них виторог козел" [29. С. 85]). В виде козла изображается месяц в следующем критском заговоре от бородавок (отметим критское диалектное *козлики* 'бородавки' [30. Σ. 588]):

Προσκυνῶ σε νιὸ φεγγάρι
κι ἀποῦ σ' ἐπλάσε ομάδι
κι οἱ κουτσίκοι μ' 'καυχηθῆκαν
πῶς εἶν' πῶ καλοὶ ἀπὸ 'σένα.
Στὸ γύρισμα τοῦ φεγγαριοῦ
νὰ μὴ πομεῖνει οὐτ' ἑνας.

Кланяюсь тебе, молодой месяц,
а также и тому, кто сотворил тебя,
вот козлики мне похвалялись,
что они красивее тебя.
Пусть на перемене месяца
ни один не уцелеет [30. Σ. 588].

Непременным условием описываемой "похвальбы" является принадлежность объектов сравнения к одному предметному классу. Неслучайно в другом варианте⁶ этого заговора красивее луны считают себя некие *богатыри* (παλληκάργια), ведь известно, что *молодой богатырь* (νιὸ παλληκάρι) – традиционное обращение к молодому месяцу.

К заговорам от бородавок близок записанный на территории Болгарии (Сакар, село Сладун) заговор от л и ш а я, что неслучайно: лишай, как и бородавки, являются кожным заболеванием, кроме того, и у греков, и у балканских славян запрет считать звезды объясняется тем, что нарушивший его покроется либо бородавками [21. Σ. 63; 19. Σ. 117; 22. Σ. 35; 23. С. 75; 31. С. 56], либо лишаями [26. Σ. 146; 31. С. 56]⁷:

⁴ Σκανθάρι 'жук' – народное название бородавки на Кипре.

⁵ На Кипре *Ιορδάνης ποταμός* – народное название Млечного пути.

⁶ Προσκυνῶ σε νιὸ φεγγάρι
κι ἀποῦ σ' ἐπλάσεν ομάδι
προσκυνῶ σας καὶ τὰ τρία
καὶ τῆ Δέσποινα Μαρία
τοῦτανε τὰ παλληκάργια
ἦταν πλειά καλὰ 'πο σένα
καὶ στὸ δεξὸ σου γύρισμα
νὰ μὴ βρεθῆ κιανένα
Кланяюсь тебе, молодой месяц,
а также тому, кто тебя сотворил,
тебе, Троица, кланяюсь,
и Деве Марии,
вот эти богатыри
были гораздо красивее тебя,
пусть же после твоей перемены
ни одного не окажется [20. Σ. 58].

⁷ См. в связи с этим боснийский запрет считать звезды, чтобы на лице не появились родинки (*младежа*), и пример из Черногории, где матери пугали детей тем, что у каждого появится на животе столько чирьев, сколько звезд он насчитал [31. С. 56].

Нιο фегар паликар, иргес тита парс, то боно ксеризоменос. Кинос по мето ипе петани. А то и тен суо наяни! [14. С. 440]	Νιο φεγγάρ' παληκάρ' Ἦρθες, τι θα πάρ(ει)ς, τον πόνο ξεριζόμενος Ἐείνος που με το εἶπε πέθανε. Α(ν) το ἦταν, σου να γιάνει! (предлагаемое прочтение)	Новый месяц, богатырь, ты пришел, что ты возьмешь, боль изгоняющий? Тот, кто мне это рассказал, умер. Если так было, стань здоров! (перевод)
---	---	---

При пестроте мотивов в заговорах от бородавок, произносимых на луну, набор действий, совершаемых во время их сведения, как правило, достаточно однообразен: на перекрестке трут руки землей (солью, камнями), читая заговор трижды или столько раз, сколько бородавок хочет свести больной, после чего оставляют узелок (кидают за спину камни) и уходят, не оглядываясь, ни с кем не заговаривая на обратном пути домой.

Врачевание некоторых других заболеваний, сходное с лечением бородавок, а также ряд запретов, связанных с появлением молодой луны, расширяет перечень кожных болезней, вызываемых и изгоняемых месяцем, несмотря на то что соответствующие заговорные тексты не были записаны. На Закинфе при появлении ч и р ь я говорят, что больной “подхватил его на месяце” (τὸ ἔλασε στὸ φεγγάρι), дотронувшись до себя в тот момент, когда увидел молодой месяц; поэтому с появлением следующей молодой луны чирей надо “выкинуть на месяц” (ρῆξει στὸ φεγγάρι), т.е., приложив руку к чирью, трижды сказать, сплевывая назад: “Имел я кое-что, но потерял” [32. Σ. 455]. Сравни заговор для сведения бородавок на Закинфе, где больной на ущербе месяца (στη χιάση) три вечера на перекрестке брал по белому камешку, завязывал их в белый платок и клал в изголовье; на четвертую ночь выкидывал камни на перекрестке со словами “Κάτι εἶχα κ’ ἔχασα” – “Было у меня кое-что, но пропало”, чтобы бородавка засохла и отвалилась [5. Σ. 270–271]). В северо-восточной Греции (Орестиада) на “наполняющемся” месяце (γεμίζει το φεγγάρι) терли чирьи тремя кусками соли, которые потом забрасывали на крышу дома [33. Σ. 329]. Сравни также формулы приветствия молодой луне на Наксосе и Родосе:

Βρὲ καλῶς τὸ νῖδ φεγγάρι τὸ χροῦσὸ μαργαριτάρι κι' ὅποιος δὲν τὸ χαρεῖταισε τὸν περίδρομο νὰ φτύσει. Ναν το, ναν το το φεγγάριν, κι' ὅποιος σεῖν το προσκυνήσει, τοὺς διαφόνους θα γεμίση.	Привет, молодой месяц, золотая жемчужина! А у того, кто его не поприветствует пусть нарыв выскочит [16. Σ. 7]. Вот он, вот он молодой месяц, пусть тот, кто не поклонится ему, покроется чирьями [11. Σ. 280].
--	--

В связи с этим вспомним болгарский запрет переводить взгляд с появившейся в первый раз луны на человека, чтобы тот не покрылся струпьями [34. С. 295], чирьями, прыщами [35. С. 35; 36. С. 232] и бородавками [37. С. 249]; македонскую лечебную практику в полнолуние, а также на молодом и старом месяце поливать струпья дождевой водой, чтобы избавиться от них [23. С. 58].

Любопытно, что так же лечат и заговаривают з о л о т у х у: в первый вечер появления молодого месяца больной идет на перекресток, поднимает там три камешка и, закрепивая ч е р е п а ш к у (опухоль), трижды произносит:

Ἅγιοι Ανάρργοι
Θαματοῦργοι καὶ λειτουργοὶ
Πρώτοι γατροὶ τοῦ κόσμου,
δωρέαν ελάβατε,
δωρέαν δάστε καὶ ἡμᾶς.
Καλῶς το νιό φεγγάρι,
το νιό το παλικάρι,
σου χαρίζω τὰ χελώνια
ἀπὸ τοῦ τάδε το χέρι (ἢ λαϊμός ἢ οὐθε)
να βγούνε, να σβηστούνε
στα τάρταρα τῆς γῆσης να μπούνε.
Τοῦτο το φεγγάρι τὰ βρήκε
καὶ τ' ἄλλο να μὴν τὰ βρεῖ.

Святые бессребреники,
чудотворцы и творцы,
первые в мире врачи,
вы лечили бескорыстно,
помогите же бескорыстно и нам.
Здравствуй, молодой месяц,
молодой богатырь,
я тебе дарю черепах
с руки (горла и т.д.) такого-то,
пусть они сойдут, сотрутся,
в бездны земные уйдут.
В этот месяц он их нашел,
а в следующий пусть не найдет их.

После этого надо кинуть камни назад за спину, трижды копнуть землю руками, трижды плюнуть и, не оглядываясь, вернуться домой [7. Σ. 147].

Причисление золотухи к кожным болезням объясняется внешними ее проявлениями, а именно образованием у человека больших узловатых опухолей. Этот симптоматический признак приводит к появлению диалектных названий болезни типа *черепашки* (χελώνια) ‘золотуха’ [7. Σ. 147], сравни также *жучки* (σκονθάρια), *мураши* (μυρμηγκιές) ‘бородавки’ [7. Σ. 147; 18. Σ. 263]. Возможно, восприятие кожной болезни как нароста, опухоли становится причиной того, что, в отличие от южнославянской традиции, у греков в число кожных болезней, заговариваемых на луну, не попадают в е с н у ш к и и р о д и н к и (см., например, болгарскую практику заговаривания веснушек на молодом месяце [38. С. 75] или запрет смотреть на появившуюся в первый раз луну, чтобы не высыпали *лунички* ‘веснушки’ [39. С. 214]; болг. *луна* ‘веснушка’, *черна луна* ‘родинка’ [40. С. 24]). Вероятно, в традиции балканских славян кожное заболевание ассоциируется не столько с наростом, сколько с “пятном” или “отметиной” (что sporadически встречается и у греков, ср. αθυμάι ‘бородавка’, досл. ‘отметина’), другими словами, в этом случае в большей степени актуализируется представление о месяце как о “пятне” на небе или как о светиле с “пятнами”.

Желтуха. Во многих местах Греции желтуху называют *φεγγαρίασμα* (досл. “освечивание”, “облунивание”) [13. Σ. 246] или *λιόκρουση/λιόκριση* ‘полнолуние’ [41. Σ. 66], так как “лицо больного становится такого же желтоватого цвета, что и месяц” [42. Σ. 161]; о больном желтухой человеке говорят, что он *φεγγαρίαζεται* (досл. “освечивается”, “облунивается”) или *λιοκρίζεται* (досл. “ополнолунивается”) [12. Σ.144], и поят его отваром травы *φεγγαρόσκηνη* ‘месячная пыль’ [43. Σ. 206].

На Керкире запрещают сидеть под светом появляющегося в первый раз молодого месяца, чтобы не “облуниться” (νὰ μὴ φεγγαριαστοῦμε) и не заболеть желтухой [44. Σ. 142], на Крите не мочатся против луны, чтобы “не разлить месяц”, потому что иначе станешь “желтым-прежелтым” [20. Σ. 11]. Как и в случае с кожными болезнями, причину заболевания желтухой видят в нарушении ритуального поведения человека по отношению к луне, и к ее помощи прибегают, чтобы излечиться. В Мани в полнолуние брали черную курицу с желтыми ногами и, держа ее над сковородой, произносили:

Φεύγει το φεγγάρι φεύγει
ἀπο το χρυσό μου παλληκάρι
το κτρινοφορεμένο
καὶ το κτρινοβαμμένο.
Του Οβραίου το ταμί
τηνε παίρνει τη χρυσή

Убегай, месяц, убегай,
от золотого моего молодца
желтоодетого,
желтоокрашенного.
На сковородку к еврею
отнеси ее, золотуху,

Στα Βαθεία τηνε πάει και στα νΤάρταρα νερά, в преисподнюю ее отправь, в воды Тартара, και δε θα γυρίσει ελά. чтобы не возвратилась она оттуда.

Затем курице отрубили голову, которая, как пояснял информант, и олицетворяла собой желтуху [26. Σ. 137–138].

Психические заболевания (эпилепсия). Чрезвычайно широко распространено в греческой традиции представление о том, что под влиянием луны у человека развиваются психические заболевания, на о. Симис, например, таких людей называют *φεγγαροπιασμένος* ‘захваченный месяцем’ [45. Σ. 32]. На Крите верят, что в ночь новолуния месяц портит воду, выпив которую, человек заболит или потеряет разум⁸ [46. Σ. 169].

В наибольшей степени такого рода представления касаются эпилепсии, которую называют *σεληνιασμός/φεγγάριασμα* (досл. “лунатизм”). Несмотря на то, что литературное *σελήνη* ‘луна’ практически никогда не встречается в языке фольклора, будучи вытесненным *φεγγάρι* ‘месяц’, в номинации болезни используются обе лексемы, а это свидетельствует о том, что эпилепсию считали “лунной” болезнью еще в древности. Сравни:

Σελήνη ‘луна’ > *σεληνιασμός* ‘эпилепсия’ [48. Σ. 1597; 49. Σ. 137]; *σηληνιασμένος* ‘человек, страдающий эпилепсией, эпилептик’ [48. Σ. 1597]; *σεληνιάζομαι* ‘страдать эпилепсией’ [48. Σ. 1597].

Φεγγάρι ‘месяц’ > *φεγγάριασμα* ‘эпилепсия’ [48. Σ. 1897], *φεγγάρκασμον* ‘эпилепсия, лунатизм’ [50. Σ. 1299], *φεγγαριάτικο* ‘эпилепсия’ в выражениях *του ήρθε το φεγγαριάτικο* (нашла на него эпилепсия) [51. Σ. 453] и *του έπιασαν τα φεγγαριάτικά του* (схватили его эпилептические припадки) [52. Σ. 304] для описания периодического припадка у эпилептиков; *είναι στα φεγγάρια του* (досл. “быть в своих месяцах”⁹), т.е. страдать от сильного приступа эпилепсии [52. Σ. 304]; *φεγγαριάκος* ‘эпилептик’ [48. Σ. 1897], *φεγγαρκασμένος* ‘эпилептик, лунатик’ [50. Σ. 1299], *φεγγαριάζομαι* ‘страдать эпилепсией’ [48. Σ. 1897]; *φεγγαρκάζομαι* ‘страдать эпилепсией, лунатизмом’ [50. Σ. 1299].

На о. Наксос про людей, страдающих эпилепсией, говорят, что они “с месяцем водятся” (*πάνε με το φεγγάρι*), на “наполняющемся” месяце (*στη γέμισι*) мучаются больше, на убывающем (*στη χασοφεγγαριά*) – меньше [16. Σ. 12]. Считается, что эпилептиком становится тот, кто спит на крыше, не защищенный от воздействия лунного света [53. Σ. 218]; рожденный в полнолуние ребенок, которого еще называют *φεγγαρογέννητος* ‘месяцорожденный’ [13. Σ. 249]. Воздействию месяца подвержены не только люди, но и животные: например, в Пилии рассказывают, что во время полнолуния на собак нападает бешенство; в Этолии про таких животных говорят, что они *φεγγαρόνονται* ‘бесятся’ (досл. “облуниваются”) и грызут камни [12. Σ. 144].

В некоторых селах Болгарии эпилепсию также называют *месчинката* (месяц) [6. С. 72]; лечат ее в полнолуние, окуривая больного куриными перьями и боярышником, которым украшали двери дома в день св. Георгия (*гергьовденски*

⁸ В связи с влиянием луны на “разумность” человека см. также боснийское представление о том, что “кад месец расте, расте и мозак људи, они су све паметнији, а кад месец опада људи су глупљи” – “когда месяц растет, растет и человеческий мозг, люди все умнее, а когда месяц опадает, люди глупее” [47. С. 107].

⁹ Сравни румынскую параллель *a fi cu luna'n cap* (быть с луной в голове), в значении ‘мучиться от эпилептического припадка’ [45. Σ. 32].

глог) [36. С. 233]. Однако в целом в славянской традиции с вредоносным воздействием лунного света связано другое психическое расстройство – л у н а т и з м (сравни распространенный у балканских славян запрет беременной женщине спать под лунным светом, потому что “може месечина да је ухвати” (ее может ухватить месяц), и родит *месечара* (лунатика) [31. С. 30]).

Верой в то, что луна оказывает влияние на психическое здоровье человека, принято также объяснять смену настроения, странности в поведении людей. Сравни лесбосское *εἶνι στα φεγγάρια τ'* (досл. “быть в своих месяцах”) ‘злиться’ [54. Σ. 69]; кифер. *καλόφεγγος* (досл. “добромесечный”) ‘добродушный, добрый’ применительно к человеку [51. Σ. 163]; общегреч. *εἶναι με τα φεγγαριά του* (букв. “быть со своими месяцами”) или *έχει τα φεγγαριά του* (досл. “у него свои месяцы”) ‘про того, у которого наблюдаются неожиданные резкие смены настроения (странности и т.п.)’ [1. Σ. 1419]; *ανάλογα με τα φεγγαριά του* (досл. “в зависимости от своих месяцев”), т.е. в зависимости от настроения [48. Σ. 1897]; *φεγγαριάτικα* ‘чужачества, странности’ [48. Σ. 1897]. Сравни в этой связи сербское *месечар, мјесечар* ‘мечтатель, фантазер’ [55. С. 411].

Зубная боль. К появлению молодой луны приурочивалось заговаривание зубов, которое иногда могло носить профилактический характер [46. Σ. 169]. Подобная лечебная практика широко распространена и за пределами Балкан, что объясняется, прежде всего, восприятием месяца как гибнущего/воскресающего светила, “солнца мертвых”, места пребывания душ умерших, и оказывается особенно значимым в контексте представлений о том, что зубную боль можно “передать” мертвым (сравни в связи с этим общераспространенную практику использования при лечении зубной боли предметов, принадлежавших покойнику).

Несмотря на то, что, в отличие от славянской традиции, в греческой представлении о рождении и смерти луны не находит четкого последовательного выражения на языковом уровне¹⁰, косвенно в контексте лунного “дискурса” обнаруживаются примеры восприятия молодого месяца как новорожденного, или, напротив, родившийся ребенок сравнивается с появляющейся новой луной. На Пелопоннесе (Сули Патрон) повитуха, приветствуя родившегося младенца, перефразирует типичную формулу обращения к молодому месяцу: “‘Αν είσαι νιός, αν είσαι παλικάρι, έβγα έξω τη νύχτα, να μας δείξεις το φεγγάρι” – “Если ты молодой, если ты богатырь, выйди ночью и покажи нам месяц” [56. Σ. 179]. Молодой месяц, как и младенец, приходящий из “другого” мира, несет на себе семантику “того света”, чем объясняется появление в заговорах от зубной боли мотива встречи с мертвым, вернее, нежелательности подобной встречи.

В Каstellлоризу в ясную ночь, наступив ногами на нож с черной ручкой, держа в руках кувшин с водой, говорили, глядя на небо:

“Αστρομ μου, πρωτάστρομ μου
απ’ ούλα πιδ καλλιούτερο,
μά τὸδ δρόσομ ποῦ βαστώ,
το μασ’ αἰριν τὸ πατῶ,
τὸν νεφρὸν νά μὴν τὸδ δῶ
Τὸ δοντάτσιμ μου πονῶ
γὲ νά πέσει γὲ νά βῦ

Звезда моя, главная звезда,
из всех самая красивая.
Вот воду держу,
на нож наступаю,
чтобы мертвого не увидеть.
Зубик у меня болит,
пусть выпадет, пусть выйдет,

¹⁰ В традициях балканских славян представление о “жизни” месяца лежит в основе модели лунного времени, откуда, например, такие названия лунных фаз, как *млада/стара месечината*, или выражение *ражда се месечината* (месяц рождается) о периоде новолуния [34. С. 295].

γη αι πόνος νά διαβεί (ή, να χαθεί).

чтобы и боль ушла (или чтобы пропала)
[57. Σ. 505].

Больной закрепщивал щеку, закрывающую больной зуб, со словами:

Ουρανίτης Μελιγκίτης
τὸ ἀερφός τοῦ Χάροντα,
ς' τὸ μέρος ὁποῦ Βρίσκεσαι
κάτω νά μὴγ κατιῆς.
Γιατὶ ἐν αι αερφή μου,
εἰς ἕν ἐξι αερφάτσα
τρία πάνω τρία κάτω,
τὸ οὔλον ἐπαρακαλοῦσεν
τὸ ἀερφόν τοῦ Χάροντα,
νά ζήσουν ταερφάτσα της
εἰς πάντας τοὺς αἰῶνας.

Небесный Мелакитис (?)
брат Харона,
с того места, где ты находишься,
вниз не спускайся.
Вот у меня есть братья,
есть шестеро братьев,
трое сверху, трое снизу,
и все просят
брата Харона,
чтобы жила их братия
во веки веков [57. Σ. 505].

Приведем также текст заговора, произносимого на первую звезду, в котором боль сравнивается с червяком, грызущим зуб ребенка:

Ἄστρι, ἀστρι λαμπερό
που πας στη μαύρη θάλασσα,
σκύψε πάρε χαλικάκι
να σκοτώσεις το σκουληκάκι
που τρώει της τάδε το δοντάκι.

Звезда, звезда сияющая,
идущая за черное море,
наклонись, возьми морской камушек,
убей червячка,
который грызет зубик такой-то [7. Σ. 147].

Таким образом, определилось несколько групп болезней, связанных с лунной тематикой в традиционной греческой культуре: это кожные заболевания (бородавки, лишай, прыщи), желтуха, психические болезни (эпилепсия) и зубная боль¹¹. Отметим отсутствие в греческой традиции болезней внутренних органов, между тем как у балканских славян фиксируются заговоры для лечения *далака*, заболевания, под которым может пониматься болезнь селезенки или боль в груди [24. С. 150, 152, 250, 400, 416; 31. С. 35, 36; 35. С. 33]. Равным образом, в процессе работы нам не встретилось произносимых на молодой месяц профилактических заговоров от головной боли, о которых известно, что они хорошо представлены в традициях балканских славян, например словенский “Mladi mesec, pomladi me! Kada tebe zmiја uјela, mene glavica robolela!” – “Молодой месяц, омолоди меня! Когда тебя змея укусит, тогда у меня заболит голова!”¹² [58. S. 197] (см. также [23. С. 80; 59. S. 453]); с этим, возможно, связано болгарское представление, что если перевести взгляд с молодой луны на человека, у того заболит голова [36. С. 232].

¹¹ В рамках предложенной работы мы сознательно не обращались к рассмотрению детских болезней, отдельной большой темы, являющейся частью целого комплекса представлений о том, как велико влияние месяца на здоровье, жизнь и судьбу родившегося ребенка.

¹² Этот мотив находит отражение в развернутом тексте сербского заговора от головной боли:

Ој мјесече, млади млађаче,
Стари старјаче!
Када тебе ујела змија
Иза јегова пања
Онда и мене забольела глава!
Нити тебе ујела змија
Иза јегова пања
Нити мене забольела глава!

Ой, месяц, молодой молодик,
Старый старик!
Когда тебя укусит змея
Из-под страшного пня,
Тогда и у меня голова заболит!
Не укусила тебя змея
Из-под страшного пня,
Не заболела у меня голова! [31. С. 36].

Представленный нами материал при всей его неполноте позволяет, однако, прийти к некоторым предварительным заключениям. В частности, очевидным становится то, что для греческой народной медицины характерно связывать с месяцем прежде всего болезни, проявление которых, видимо, и отражается на внешности человека (желтизна кожи и глазных белков, образование кожных наростов), а также психические заболевания; зубная боль попадает в “список” болезней в силу универсальности способа ее лечения. Сравнение греческих представлений о болезнях, объясняемых вредоносным влиянием луны, со славянскими показывает, что на общем фоне совпадений мотивов заговоров, сходства лечебных практик и терминологии болезни, что в зависимости от традиции актуализируются разные характеристики месяца (например, в представлениях, касающихся кожных заболеваний, у славян месяц воспринимается скорее как “пятнистое” светило, у греков – как растущее/уменьшающееся небесное тело).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Αριστοτελείο πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης. Ινστιτούτο Νεοελληνικών σπουδών [ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη]. Θεσσαλονίκη, 1999.
2. Χατζηϊωάννης Κ. Ξόρκια από της Κύπρου // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Θεσσαλονίκη, 1950–1951. Τ. ΙΓ’.
3. Βαρδάκης Σ. Κρητικά έπωδα // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1926–1928. Τ. Θ’.
4. Ζαρραφτης Ι. Λαογραφικά εκ Κῶ, εκδομένα υπό Δημητρ. Β. Οικονομίδου // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Θεσσαλονίκη, 1950–1951. Τ. ΙΓ’.
5. Γιαννοπούλου-Επτανήσιας Μ. Ζακυνθινά ξόρκια // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Θεσσαλονίκη, 1950–1951. Τ. ΙΓ’.
6. Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994.
7. Ψυχόγιος Ν. Περί γοητείων και μαντείας. Λεχαινά, 1989.
8. Τα δημοτικά μας τραγούδια / Σκλογή-εισαγωγή-σχόλια Γ. Ιωάννου. Αθήνα, 1994.
9. Βογασαρη Μερλιανού Α. Λαογραφικά των ελλήνων της Κάτω Ιταλίας. Αθήνα, 1989.
10. Γράβας Π. Τα Κουδαριτικά της Σιατίτσας // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Θεσσαλονίκη, 1938–1948. Τ. ΙΒ’.
11. Παπαχριστοδούλος Χ. Λεξικογραφικά και λαογραφικά Ρόδου. Αθήνα, 1969.
12. Μέγας Γ. Ζηρήματα ελληνικής λαογραφίας // Επετηρίς του λαογραφικού αρχείου. Εκδομένη επιμέλεια του διευθυντού του αρχείου. Αθήνα, 1941–1943. Τριτο έτος.
13. Οικονομόπουλος Χ. Ελληνικό λαογραφικό λεξικό για τη μάνα και το παιδί. Αθήνα, 1999.
14. Τοδοрова-Πιργοβα Ι. Баяния и магии. София, 2003.
15. Παπαλοστόλος Τ. Λαογραφικά της Ευβοίας. Αθήνα, 1966.
16. Κεφαλληνιάδης Ν. Από της λαογραφία μας. Η Σελήνη στις Ναξιακές παραδόσεις. Νάξος, 1965.
17. Σάφος Α. Λαογραφικά της Κάσου. Αθήνα, 1986. Τ. Δ’. Συμμεκτα.
18. Παρασκευάδης Μ. Γητέματα εκ Λέσβου και Τριχωνίδος // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1956. Τ. ΙΣΤ’.
19. Δελησαββας Μ. Λαογραφικά Μάκρης και Λιβισίου Λυκίας Μικράς Ασίας. Αθήνα, 1988.
20. Φραγκάκι Ε. Εύμβολη στα λαογραφικά της Κρήτης. Αθήνα, 1979.
21. Γερωνυμάκης Κ. Σφακιανή λαογραφία. Ότι χάθηκε και ότι χάνεται. Αθήνα, 1993.
22. Συναγωγή επόσων και καταδεσμών υπο Θ.Ι. Αθανασοπούλου, Δ. Λουκοπούλου, Αντ. Οικονόμου, Σ.Α. Παγώνη, Ε.Δ. Παπαναστασίου, Γ. Πουσια, Ι.Π. Φωτιου // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1913. Τ. Δ’. Τεύχος Α’.
23. Народна митологија на македонците / Ред. Т. Вражиновски. Кн. 2: Етнографски и фолклорни материјали. Скопје; Прилеп, 1998.
24. Раденковић Љ. Народне басме и бајана. Ниш; Приштина; Крагујевац, 1982.
25. Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993.
26. Κάσσης Κ. Λαογραφία της Μέσα Μάννης. Αθήνα, 1981. Τ. Β’: Πνευματική ζωή.

27. *Μανολάκος Γ.* Εποδαί και κατάδεσμοι (του τέως δήμου Τευθράνης επαρχίας Γυθείου) // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1915. Τ. Ε'.
28. *Σελίπα Ε.* Επωδαί εκ Κύπρου // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1957. Τ. ΙΖ'.
29. *Στοιΰκοβα С.* Български народни гатанки. София, 1984.
30. *Αικατερινίδης Γ.* Επωδαί εξ Ανατολικής Κρήτης // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1957. Τ. ΙΖ'.
31. *Борђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958.
32. Δεισιδαιμόνια και δεισιδαίμονες συνήθειαι εκ Ζακύνθου // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1966. Ι. ΚΔ'.
33. *Μπίμπη-Παλασπουροπούλου Α.* Υγεία και αρρώστια στις δοξασίες τον λαού της Θράκης // ΣΤ' συμπόσιο λαογραφίας του βορειοελλαδικού χώρου. Η ιστοριή, αρχαιολογική και λαογραφική έρευνα για την Θράκη. Πρακτικά. Θεσσαλονίκη, 1991.
34. Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.
35. *Ковачев Ы.* Народна астрономия и метеорология // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1914. Кн. 30.
36. Сакар. Етнографско фолклорно и езиково изследване. София, 2002.
37. Българска народна медицина / Ред. М. Георгиев. София, 1999.
38. *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1963. Кн. 51.
39. Българска митология. Энциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.
40. *Геров Н.* Речник на българския език. София, 1997. Т. 3.
41. *Αραβαντινός Π.* Ηπειριοτικών γλωσσάριον. Αθήνα, 1909.
42. *Γρηγόρη Κ.* Αγρότικα έθιμα // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1953–1954. Τ. ΙΕ'.
43. *Ασβέστη Μ.Β.* Μαγικά και δεισιδαίμονες συνήθειαι // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1962. Τ. Κ'.
44. *Σαλβανός Γ.* Λαογραφικά σύλλεκτα εξ Αργυράδων Κερκύρας // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Θεσσαλονίκη, 1929. Τ. Ι'.
45. Θρησκευτική και ηθική εγκυκλοπαίδεια. Αθήνα, 1967. Τ. 11.
46. *Πολίτης Ν.Γ.* Ο Ήλιος κατά τους δημώδεις μύθους. Η Σελήνη κατά τους μύθους και τας δοξασίας του ελληνικού λαού. Οι περί αστέρων και στρισμαίων μύθοι // Πολίτης Ν.Γ. Λαογραφικά σύμμεικτα Αθήνα, 1921. Τ. Β'.
47. *Јанковић Н.* Астрономија у предањима, обичајима и умотворинама срба. Београд, 1951.
48. *Μπαμπινιστής Γ.* Λεξικό της Νεας Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002.
49. *Κωστάκης Θ.* Λεξικό της Τσακωνικής διαλέκτου. Αθήνα, 1987. Τ. 3.
50. *Παπαγγέλου Ρ.* Το Κυπριακό ιδίωμα. Μέγα Κύπρο-έλληνο-αγγλικό (και με λατινική ορολογία) λεξικό ερμηνευτικό, ετυμολογικό, προφοράς, όρθης γραφής και με πλήρη διασταύρωση. Εκδόσεις Ιωλκός, 2001.
51. Κυθηραϊκό λεξικό. Συλλογή 10.000 λέξεων του Κυθηραϊκού γλωσσικού ιδιώματος / Σπιμ. Δημ. Λ. Κομη. Αθήνα, 1995.
52. Εγκυκλοπαίδεια Παπυρος Λαπους Μπριτάνικα. Χ. τ., χ. π. 53. Τ. 53.
53. *Αναγνωστόπουλος Γ.* Προλήψεις και δεισιδαίμονες συνήθειαι Ζαγορίου // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1921–1925. Τ. Η'.
54. *Ταστάνη Ν.* Λεσβιακή λαογραφία. Λεξικό γλωσσικού ιδιώματος Παρακοίλων. Ιδιωματικές λέξεις, παροιμίες, παροιμιώδεις, φράσεις. Αθήνα, 1998.
55. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1984. Књ. 12.
56. *Μαρινέλλης Ε.* Γέννηση, γάμος, θάνατος στο Σούλι Πατρών // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1978. Τ. ΛΑ'.
57. Συναγωγή επόδων και καταδεσμών υπο Θ.Ι. Αθανασοπούλου, Αχ. Σ. Διαμαντάρα, Αντ. Γ. Ζερβάκι, Γ.Δ. Μανολάκου, Ευαγγ.Δ. Παπαναστασίου, Θεοδω. Ι. Φιλιπάρου, Λοΐζου Φιλίππου // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1914. Τ. Δ'. Τευχος Γ'.
58. *Möderndorfer V.* Ljudska medicina pri Slovencih. Ljubljana, 1964.
59. *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. Τ. 2: Kultura duchowa. Cz. 1.

Категории жизни и смерти участвуют в строительстве картины мира и образа человека. Попадая в культурный контекст, они утрачивают непосредственные биологические значения, хотя и они могут эстетизироваться, что происходит отнюдь не во все историко-культурные эпохи. Наделение этих категорий эстетической значимостью совершенно необязательно совпадает во времени. Отношения их чрезвычайно устойчивы, они не существуют одна без другой и всегда находятся в напряженном противоречии. Категории жизни и смерти так близко подходят друг к другу, что их значения пересекаются и даже меняются местами: жизнь объявляется смертью, а смерть – жизнью. Между ними происходят постоянные колебания, по-разному распределяются положительные и отрицательные коннотации, разные историко-культурные эпохи различно реагируют на каждую из категорий, сосредоточиваясь то на жизни, то на смерти; их всегда сопровождает множество концептов и устойчивых мотивов.

Подборка статей представляет собой расширенный вариант докладов, прозвучавших на конференции “Оппозиция жизнь/смерть в славянских культурах” (май 2007 г.). Работы выполнены в рамках коллективного проекта “Ценностные категории славянской культуры в типологическом аспекте” (грант ОИФН РАН “Русская культура в мировой истории”) и гранта РФФИ “Когнитивный анализ концептов жизни и смерти в славянских культурах” (№ 07-06-00091).

© 2008 г. Л. А. СОФРОНОВА

ПРЕДПОЧТЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЭПОХ

Имея в виду неразрывность пары ценностных категорий жизнь/смерть, можно предположить, что одна из них перевешивает другую в культурном сознании и стремится занять доминирующее положение. Это происходит не только в отдельных текстах или жанрах, целые эпохи могут быть охарактеризованы с точки зрения отношений данных категорий между собой. Отношения их во многом определяют своеобразие тематических комплексов, пространственно-временных характеристик текста, они оказывают влияние на типы героя, без них не обходится формирование модальности эпох. В опоре на оппозицию жизнь/смерть возможно также рассмотреть особенности последовательности историко-культурных эпох; оказывается, что они различаются по признаку предпочтения одной из ценностных категорий. Эти предпочтения последовательно чередуются,

подтверждая принцип колебания между первичными и вторичными эпохами (по Д.С. Лихачеву). Вторичные эпохи – это Средние века, барокко, романтизм, символизм, модернизм. Первичные – ренессанс, классицизм, реализм, социалистический реализм. Первый ряд активизирует категорию смерти, наделяет ее множеством коннотаций, записывает ее смыслы в аллегориях и символах, распространяет ее семантическое поле рядом устойчивых мотивов. При этом категория смерти не отрывается от категории жизни, их устойчивое противостояние всегда подразумевается. Второй ряд эпох разрабатывает прежде всего тему жизни, и она главенствует над темой смерти, которая также никуда не исчезает, но тема жизни решительно над ней доминирует.

Следовательно, противоречивое единство значений оппозиции жизнь/смерть раскрывается, когда обе категории находятся в равном положении, одинаково выступают объектом внимания культуры. То же происходит, когда авторы сосредоточиваются на одной из двух категорий. Их единство существует, даже когда одна из категорий почти полностью подавляется противопоставленной ей – это ни в коей мере не снимает противопоставленности их смыслов. Значит, очертания оппозиции жизнь/смерть постоянно колеблются, меняются, но ее смысловое ядро остается неизменным, что возможно показать на материале драматических жанров Средних веков, барокко и классицизма.

Средние века, как и барокко, концентрируются на теме смерти, срастающейся с темой жизни и одновременно противоборствующей с ней. Именно в те эпохи данные категории открыто ведут свой вечный спор. Между ними наблюдается, если так можно выразиться, “гармоническое” соотношение, естественно, не в семантическом плане. Они формально выступают на равных и проявляют значительную самостоятельность. Проекция их значений на судьбу человека только домысливается, они не отпечатываются в слове и не воплощаются в сюжетных линиях. Ценностные категории, отделившись от событийного ряда и такого персонажа, как человек, получают аллегорическое воплощение, и сами становятся драматическими персонажами, организуя сюжет. Человек лишь наблюдает взаимодействие Жизни и Смерти, почти всегда превращающееся в сражение, но чаще аллегории обходятся без его немого участия, хотя и не утрачивают своей с ним связи.

Отношения Жизни и Смерти реализуются на вербальном уровне в “Прениях живота и смерти” и в “Спорах души с телом”. В “Спорах души с телом”, однородных по смыслу с “Прениями”, противостояние жизни и смерти подменяется состязанием Души и Тела: Душа явным образом знаменует Жизнь, а Тело – Смерть. Диалогическая форма этих малых жанров способствовала их перенесению на русскую и украинскую сцену в эпоху барокко, где они насыщались символическими аксессуарами, театральными жестами. Читались они на фоне скучных декораций.

В украинском диалоге “Спор Души с Телом” Душа обвиняет Тело в несправедной жизни, оно же укоряет Душу, что та мало молилась. Предчувствуя конец, они вместе льют слезы: “Душа плачетъ, стогнетъ Тело, Тужать обще, – то их дело” [1. С. 242]. Так на взаимоотношения этой пары аллегорических фигур проецируется антитеза жизнь/смерть. “Спор Души с Телом” входит в мистерию и моралите на правах отдельного эпизода. Во втором действе “Успенской драмы” Димитрия Ростовского на сцену выходят, правда, не Тело и Душа, а Грешник и Совесть, выполняющие функции этих аллегорических фигур. “Человек грешный”, замещающий Тело, находится на той черте, которая разделяет рай и

ад, но не жизнь и смерть. Грешник уже погиб “с телом”, но пока не “с душой”, от него, по словам Совести, отошел ангел-хранитель, потому “пропасти бездненной” ему не миновать. Он печалится о своей гибели, но не желает слушать Совесть, которая его увещевает: “Что всеу глаголеши, его же не чаю? / Не хошу ты слушати – уши затикаю” [2. С. 203]. При появлении Гнева Божия Грешник умоляет подождать хотя бы пару часов и, оказавшись в темнице, раскаивается, во всем соглашаясь со своей Совестью, играющей в этом эпизоде роль Души. Совесть неразрывно связана с Грешником (“Послушай мя, слезныя Совести твояе” [2. С. 203], т.е. Телом: она дает ему советы, обвиняет, утешает, напоминает: “Не глаголах ли тебе: покаяйся, покаяйся, / Покаяйся, человече, Бога не отчайся” [2. С. 208]. Так “очеловечиваются” их отношения.

“Прение живота и смерти” – основа самостоятельного эпизода антипролога “Рождественской драмы” Дмитрия Ростовского. Здесь Смерть и Жизнь, выступая среди множества других аллегорических фигур, спорят за человека, образ которого воплощен в аллегорической фигуре Натуры Людской. Этот персонаж с трепетом ожидает своей кончины: “Горе! – В житии моем всего окаянства: / Ничто истиннейшаго, паче смерти, чаю, / Жду гроба, а красоты венец мой слагаю, / Иду окруженная печальми и беды” [2. С. 224]. После того как натура Людская произносит слова о преходящести жизни и неумолимости смерти, Жизнь и Смерть, вооруженная косою, которой всех “предпинает”, “як цветы польныя з росою” [2. С. 225], появляются перед ней. Увидев, что натура сошла с трона и сняла венец, Смерть стремится занять ее место, чтобы все увидели “Смерти безсмертную славу” [2. С. 225]. Таким оксюморонным оборотом заканчивается выступление этой аллегии, против которой немедленно выступает Жизнь; это она вправе решать, кому жить, а кому умирать, и потому изгоняет Смерть. Эти две категории появляются еще раз, в финале пьесы, в семнадцатом явлении, где Жизнь подтверждает свою окончательную победу над Смертью: “Смерти же ты никогда не имам предати; / Но по малой жизни в жизнь вечну хошу взяти” [2. С. 271]. Так в противостоянии этих двух категорий транспонируется тема Рождества Христова, раскрываются его священные смыслы.

Внешне именно теме смерти уделяется в пьесе Дмитрия Ростовского наибольшее внимание, но утверждается здесь тема жизни – благодаря “народженному” Христу она охватывает весь мир во времени и пространстве. Тема смерти также сопрягается не только с образом человека, ее значения распространяются на нижний ярус мира, ад, о котором в своем заключительном монологе говорит Ирод. Жизнь с рождением Христа перестает быть “маловременной” и становится вечной для праведника, смерть грешника также вписывается в вечность. О глубинных различиях жизни вечной и временной, смерти духовной и плотской постоянно рассуждают категории Жизни и Смерти, поучая человека. Они разведены как божественное и человеческое, как божественное и дьявольское, на этих антитезах построена вся “Рождественская драма”, в которой, как и в “Успенской драме”, внешние проявления смерти выписаны достаточно тщательно, как и полагалось в Средневековье и барокко.

Лекарь так говорит о состоянии Ирода, призывая других взглянуть на него: “Смотрете: по всему теле множитя огница, Всю утробу повреди лютая чревица; / Се уды сорвенный все весма согниша, / Нозри ощущение свое заградиша, / Увесь в болезнех смертных, и жити не може” [2. С. 266]. Как ад наделяется осязаемым запахом серы (сравни “геена сердчиста”), так и смерть Ирода описывается через код запаха: “Друзи! Аз неслыханный смрад в нем ощущаю; / Не живу-

ша, но смертна весьма его чаю” [2. С. 266]. Запах, как и невозможность его ощутить, – знаменательный признак умирания и смерти, ему всегда сопутствуют гниение и разложение. Умиравший Ирод жалуется на дряхлеющее тело и страшится смерти. Умирая, Грешник в “Успенской драме” так повествует о своей смерти: “Дух ми сказует, яко близ моя кончина, / Уже тело слабеет, яко паучина, / Вся кости и вся уды вже изнемогают, / Уже к темъному граду конечни зближают” [2. С. 213]. Разложением плоти Димитрий Ростовский по традиции пугает зрителей (слушателей). Эту же функцию выполняли “пляски смерти”, известные со Средних веков и дожившие в европейской культуре до XVIII в. В них смерть всегда “перевешивает” жизнь, хотя и в этом жанре просвечивают значения жизни, понимание ценности уходящего бытия. Также в надгробиях мертвецы, охваченные тлением, не только должны были пугать живых. Й. Хейзинга увидел в них обостренную реакцию на жизнь – это она вызывает страх своей конечностью [3. С. 152].

Димитрий Ростовский не только воздействует на эмоции человека, он предлагает к размышлению антитезу мысль/чувство. В “Успенской драме” Грешник надеется на свою волю, память и разум, но не на молитву, но только она позволяет ему избежать “адовой ловитвы”. Отчаявшийся Грешник, уподобляющий себя скоту, противопоставляет скотов неразумных (“Щаслив скот: умирающ, во веки умирает, / От неразумия муки вечной не знает” [2. С. 209] и мыслящего человека, способного осознать свои грехи.

Совершенно необязательно смерть изображалась только как умирание плоти грешников. В пьесе “Венец Димитрию” аллегорически показана мученическая смерть св. Димитрия и других христиан, вводящая их в жизнь вечную. Здесь над противопоставлением жизни и смерти высится оппозиция христианство/язычество: “Собери, друже, вою, изби христианство / Да не нарицает нас неверно поганство” [4. С. 59]. Она проявляется не только в диспутах, но и в физических столкновениях язычников и христиан: “Кому живот, кому смерть и похвала дасться” [4. С. 84], – так на время материализуются значения жизни и смерти. Выходы борцов подчинены главной теме пьесы, теме смерти во имя Бога: “А за бога моего готов умирати” [4. С. 81].

Наряду с развитыми аллегорическими конструкциями, к которым можно отнести и “Венец Димитрию”, на сцене существовали сниженные варианты противостояния жизни и смерти. Один из них демонстрирует интермедия, в которой противопоставление Жизни и Смерти так меняет свои очертания: на место Жизни встает Старик, который по сути дела должен был бы замещать Натуру Людскую или Естество Человеческое [2. С. 280–282]. Эти фигуры, как известно, выступают в функции свидетеля спора Жизни и Смерти, но Старик непосредственно вступает в диалог со Смертью. Он, в отличие от обобщенной фигуры Натуры, наделен конкретными характеристиками, они сквозят в его жалобах на тяжкие недуги, голод, холод и нищету. Старик называет себя живым трупом, уставшим от жизни, он так тяготится ею, что призывает Смерть: “О смерти! где ты? камо заблудила? / Вскую беднаго старика забыла? / Потщися ко мне, возьми мя до себе: О кол аз давно ожидаю тебе!” [2. С. 281]. Смерть появляется немедленно, Старик пугается ее, хитрит, делает вид, что хотел только попросить “дрова на плеча возложить” [2. С. 282], но все напрасно. Смерть узнает его по голосу, велит прощаться с людьми, молиться Богу и готовиться завтра лечь в могилу. Она “*косою косит, старик упадает*” [2. С. 282]. В этой интермедии доминирует тема всевластия смерти, подавляя собой антитезу жизнь/смерть. Ей

вторит другая, в которой выступают Мошенник и Смерть. Если в этих интермедиях “реальные” персонажи подменяют Жизнь, то в “Опере об Александре Македонском” это делает аллегория Вечности, которую ненавидит Смерть. Она утверждает, что “все, что родится, не может быть вечно” [4. С. 552]. Несмотря на ее противодействие, Вечность спасает в человеческой памяти имя царя Петра.

Если в выше приведенных примерах категории жизни и смерти выступают как аллегии и сами доказывают другим участникам действия и зрителям правоту своих суждений, то в других подобные суждения о жизни и смерти ведут иные *dramatis personae*, например библейские, как в “Жалобной комедии об Адаме и Еве”. Уже в предисловии, т.е. прологе этой пьесы, жизнь предстает как собрание противоречий: в ней человек ищет “прохлаждение и радость”, “посмешище”, “здравие”, но находит “скорбь и беду”, “плач и рыдание”, “болезн и недуг” [2. С. 116]. Так задается противостояние жизни и смерти, “человеческого” начала и “конечной погибели его”, начавшееся с греха прародителей, “Егда Змия Евву звела, / Казнь на нас всех навела” [2. С. 126]. Соответственно, развивается антитеза Бог/дьявол. Адам не раз слышит предостережения от “добрых ангелов”, Змия же непрестанно уговаривает Еву отведать запретный плод. Та вспоминает, что Бог “жестоко заповеда при клятве: овощу того вкусим, вечною смертию умерати нам будет” [2. С. 121]. Она знает, в этом “овоще” сокрыто “опасство смерти”, но Змия ей возражает. Вокруг темы смерти Змия ведет спор и с другими персонажами. Еще до ее появления архангел Уриил напоминает, что “под лишением живота своего” Адам не может прикасаться к заветному “овощу”. Змия с ним не может согласиться – ведь ни одно дерево в вертограде не может породить смерть. Адам после грехопадения начинает тосковать, его “чувство и естество ... весьма превратилос” [2. С. 124], солнце, луна и звезды взирают на него “печальными образы”. Во всем мире не осталось для него радости, презрев Господа, он и Ева “впали” в вечную смерть, которой противостоит вечная жизнь.

В агиографической литературе особого напряжения между категориями жизни и смерти не наблюдается, они непосредственно увязываются с образом святого и, утрачивая абстрактность и схематичность, облекаются в сюжет. Житие – это история земной жизни будущего святого от рождения до кончины. Смерть его столь же значима, сколь и жизнь, поэтому в житиях подробно говорится о подготовке святого к смерти, о прощании с жизнью и переходе в мир иной, о чудесах, происходящих после его смерти. Так жизнь и смерть персонажа, можно сказать, уравниваются и не находятся в трагическом противостоянии, как в “Прениях” или в “Спорах”. То же можно сказать о моралите, nasledующему житию. В киевской пьесе об Алексее человеке Божием жизнь главного персонажа протекает на сцене; когда она завершается, действие продолжается – ведь то, что происходит с Алексеем после смерти, даже более значимо, чем все предыдущие события – в финале пьесы Алексей “тешится” на небе. Напомним, что в моралите грешник, попавший в ад, также продолжает действовать на сцене. Оттуда Ирод в “Рождественской драме” посылает проклятия всему живому. В украинском моралите “Воскресение мертвых” два противопоставленных персонажа, Гипомен и Диоктит, появляются в финале пьесы, спускаясь с небес и поднимаясь из ада. Обратим внимание на параллельное ведение действия в пьесе о св. Алексее. О его уходе из земной жизни предупреждает Глас с небес, соединяя небо и землю. Затем архангелы на небе принимают его душу, в то время как на земле все заняты поисками человека Божия, его оплакиванием и погребением. Кроме того, описание всей его земной жизни изложено в хартии, им самим написанной, ее читают после его кончины. Хотя смерть и

жизнь приобрели в этой пьесе “реальные” измерения, стали принадлежать человеку, естественно, не такому, как все, их темы ведутся еще и отдельно в поучениях архангела Михаила. Слепая смерть настигает человека и в старости и в юности, – рассказывает он Алексею, вспоминаящему об одном погребальном шествии. Слова архангела становятся решающими для будущего святого – он уходит от мира.

Очевидно, что только выше описанными вариантами соотношения категорий жизни и смерти дело не ограничивалось, вторичные эпохи знали и другие возможности реализации одной из ведущих культурных оппозиций, но те, которые мы постарались представить, кажутся наиболее репрезентативными.

Со сменой ценностных ориентиров в XVIII в., с утверждением классицистических норм и новой модальности культуры противостояние жизни и смерти изменило свои очертания. Теперь категория жизни заняла доминантное положение по отношению к смерти, прежние значения которой исчезли. Она теперь не отделялась от персонажей и никак не символизировалась, хотя по традиции иной раз фигура Смерти присоединялась к ряду “живых” персонажей, как в “Акте о Календере”. То она угрожает злому царю Туркоману и тащит его тело в ад, то хохочет над шахом татарским Брандиром, зазывая к себе в гости, то свергает с трона царя Целюдора. Также Смерть выступала с другими аллегорическими фигурами в антипрологах, но противопоставлялась она теперь Купиде, Безсмертию и Любви, так происходила трансформация оппозиции жизнь/смерть в однородную с ней любовь/смерть, получающую все большее распространение.

В остальном человек вобрал в себя приметы и жизни, и смерти, пусть и достаточно условные. Течение его жизни, как и ее конечная точка, вышли из-под власти сакрального, они осмыслились в светских терминах, которые выказывали способность сакрализироваться. Граница между пространством жизни и смерти уже не интересовала авторов. На первом плане в эпоху классицизма оказалась не сама смерть, а мотивации героя, расстающегося с жизнью. Если ранее человек погибал во славу Христову, то в эпоху классицизма он приносил жизнь на алтарь отечества, жертвовал собой во имя свободы, восстановления справедливости и государственного порядка.

Хотя именно смерть героя подводила итоги его жизненного пути и, можно даже предположить, все еще оставалась его сдвинутым смысловым центром, жизнь все равно над ней доминировала: она поверялась смертью, а не смерть жизнью, как это было ранее. Смерть уже не наделялась отрицательными коннотациями, исчезли мотивы напряженного ожидания конца или страха перед неизбежным. Смерть – прежде всего на сцене – преобразилась в триумф героя. Триумфальное звучание приобретают финальные выходы главных персонажей, даже в том случае, когда они не являются собой идеальные образцы. Вот как заканчивает свое выступление царь Кир в “Акте о царе Кире и о царице скифской Тамире”, принадлежащем к любительскому, т.е. “охотничьему” театру: “Уже лявр упал и жизнь потеряю, // Поведай, что я как герой умираю. // Моих побед лявр тем не затмится, // Знай, что герой смерти не страшится. // Когда судьба привела меня к тебе под власть, // Не буду оплакивать мою злую часть” [4. С. 579]. В этом отрывке заложена совершенно новая по сравнению с предыдущим временем концепция смерти: Кир не страшится умирать, он знает, что смерть не затмит его побед, поэтому и не печалится.

Хотя классицизм развивал тему героической смерти, главные герои трагедий Сумарокова, Ломоносова, Тредиаковского оставались в живых и добивались счастья в любви; погибали их противники, тираны-цари и злые советники. Так

реализовался главный моральный тезис эпохи: порок наказан, добродетель торжествует. Трагическое начало редко распространялось на “положительных” классицистических героев, они переживали драматические коллизии, выполняя свой долг, пытаясь воздействовать на героев “отрицательных”, что не раз им и удавалось. Такой сюжет строился по следующей схеме: “Несправедливые действия монарха вызывают законный протест, который выливается в восстание против него. В решающий момент, когда монарх оказывается на волоске от гибели, кто-либо из героев, верный долгу подданного, спасает его от смерти. Под влиянием благородного поступка подданного происходит чудесное превращение монарха – из тирана в милостивого, добродетельного государя. В финале трагедии правитель соединяет влюбленных” [5. С. 75]. В подобном построении сюжета трагедии видится общая модальность культуры XVIII в. Неразрешимые конфликты были ей чужды, в том числе и конфликт жизни и смерти, который эпоха старалась пригасить. Смерть оставалась за “отрицательными” персонажами, “положительные” лишь переживали опасность, проходили через испытания, неуклонно стремясь к благополучному для них финалу.

Такие герои сражались с врагами и всегда побеждали их, как кавалер Малтийский в “Действии о короле гишпанском”, он наступает на противника с угрозами: “Нечего много говорить! Мечи вынимайте! / И на полы их рассекайте” [6. С. 79], а затем всех приглашает торжествовать по случаю виктории. Ливерий (“Акт Ливерский”) велит сенаторам “поспешать в действиях военных” и призывает воинов: “Крепитесь, мои друзья, злодеев победите, / А што в лагерях ни есть, то всию себе возьмите” [6. С. 403]. Среди испытаний, которые переживали персоны любительского театра, были турниры. Главные среди них не погибали в этих благородных сражениях: они лишь “объявляли” храбрость, добивались славы и почестей и торжествовали победы: “Достоин ковалера сего наградити / и честию великой онаго почтити” [4. С. 329]. К ним всегда благоволила фортуна, их жизнь не обрывалась, они двигались вверх по иерархической лестнице от успеха к успеху, в финале пьесы их короновали на царство. Они влюблялись, и им отвечали взаимностью прекрасные королевны.

Второстепенные персонажи, только выйдя на сцену, могли пасть от руки храбрых кавалеров, чего никто не замечал. Их смерть не становилась объектом обсуждения или эмоционального восприятия, она никак не маркировалась. Некоторые персонажи этого ряда умирали естественной смертью, как отец графа Фарсона, о чем только сообщалось. Царь Атигрин в “Акте о Калеандре” испытывал предсмертные страдания на глазах у зрителей и уходил из жизни со словами: “Ах, пропадаю! Ах, умираю” [6. С. 210]. Эпизод его смерти был сюжетно мотивирован – далее происходило наследование власти. Таким образом, между второстепенными и главными персонажами распределялись темы жизни и смерти: главные всегда оставались в живых, второстепенные могли уйти со сцены жизни.

Герои театра эпохи классицизма оказались властны над смертью, они сами решали жить им или умереть, как главные персонажи трагедий Сумарокова “Хорев” и Княжнина “Вадим Новгородский”, также разрешалась любовная линия в трагедии Озерова – Поликсена кончает с собой на могильном холме возлюбленного Ахилла. Следовательно, тема любви сопрягалась с темой смерти, так преобразалась оппозиция жизнь/смерть. Персоны любительского театра также были способны свести счеты с жизнью, как Кризанта в “Акте о Калеандре”, которая “перед Калеандром закалаетца и потом Смерть играет, а Купидо, плача, стрелу ломает” [6. С. 293]. Хотя чаще они лишь намеревались сделать

это. Их поступки и намерения мотивировались невозможностью продолжать жизнь без возлюбленного (возлюбленной), “государственных” мотиваций у них не было. “Умираючи с печали, к тебе глас свой возношу”, “А кем веселилась! / И того лишилась” [4. С. 394, 410], – это слова графа Фарсона и Кралевны из “Комедии о графе Фарсоне”, которым вторят князь Петр и Магилена из “Акта или действия о князе Петре Златых Ключах”: “Ныне на свете более не желаю быти / лучше шпагою бедной живот окончити”, “Прости, прости дражайши, не желаю жити, / лучше живот смертию бедной окончити” [4. С. 344, 347]. Жизнь без любви для этих героев невозможна, они предпочитают смерть.

Таким образом, в эпоху классицизма, как и на подступах к нему, отношения категорий жизни и смерти решительно перестроились по сравнению с теми, которые существовали в эпоху барокко, наследующей Средним векам. Теперь жизнь не освещалась подготовкой к смерти, не отягощалась страхом умирания, отважный герой смело шел навстречу жизненному финалу, его смерть подчинялась жизни, а не наоборот. Он жертвовал жизнью во имя свободы и любви, по выражению М.М. Бахтина, совершал поступок, ибо сам делал выбор между жизнью и смертью. Ранее на самоубийство был способен только великий грешник. Теперь религиозные этические рамки не сдерживали героя, в которые он был вписан в эпоху барокко. Кроме того, категории жизни и смерти уже не отрывались от него и не выступали изолированно в схематизированном виде. Их отношения утратили былую напряженность, естественно, не навсегда.

В эпоху романтизма они вновь активизируются, антитеза жизнь/смерть замещается однородной с ней любовь/смерть. Теперь она, а не жизнь, побеждает смерть, нарушая границу между ними. Смерть перестает быть преградой в любви, которая продолжается и за гробом. В реализме категория жизни побеждает категорию смерти и подчиняет ее себе; жизнь человеческая как событийный ряд и как становление человеческого Я становится главным объектом воспроизведения, что не снимает смыслового взаимодействия двух ценностных категорий – жизнь героя может завершать смерть, описываемая как биологический факт в этических, социальных, психологических измерениях. В эпоху модерна бытийственные категории вновь отторгаются от человека, аллегоризируются и символизируются, на первый план выходит их противопоставление, в котором верх одерживает категория смерти (см. [7]). Следовательно, со сменой эпох происходит чередование акцентов в антитезе жизнь/смерть, постоянно присутствующей в смысловом поле культуры и во многом определяющей его очертания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Резанов В.* Драма українська. Київ, 1928. Вип. V.
2. Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.). Русская драматургия последней четверти и начала XVIII в. М., 1972.
3. *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988.
4. Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.). Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975.
5. История русской драматургии XVII – первой половины XIX в. Л., 1982.
6. Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.). Пьесы любительских театров. М., 1976.
7. Модерн и европейская художественная интеграция. М., 2003.

© 2008 г. М. А. ОСИПОВА

УСПЕХ, УДАЧА И ЖИЗНЕННЫЙ МИР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье Анны А. Зализняк и И.Б. Левонтиной приводится диалог: “– Я получил стипендию Эйнштейна. – Повезло! – говорит слушающий” [1. С. 328]. Вот другой пример. Исследовательница из России, живущая в США, рассказывает о реакции соседей по русскоязычной общине на ее сообщение о том, что она получила должность в Университете N: “– Кто помог?”.

В этих диалогах слушающие, подающие ответные реплики, понимают сообщение о получении стипендии как удачу (“Повезло!”) и как событие, не зависящее от целерациональных действий (по М. Веберу) самого субъекта (“Кто помог?”). Между тем говорящие скорее всего рассматривают получение стипендии и должности в университете как свой успех, поскольку этим событиям предшествовала их целенаправленная деятельность.

Взгляд участника ситуации (в нашем случае – говорящего) может принципиально отличаться от взгляда наблюдателя (слушающего). Социальным психологам известно, что наблюдателю свойственно отрицательно оценивать поведение наблюдаемого, в то время как участник ситуации дает своему поведению положительную оценку (см. [2. С. 96–97]). С этим эффектом связана ошибка (точнее, искажение или смещение) каузальной атрибуции – под последней понимают установление причинных связей в поведении людей. “Фундаментальная ошибка атрибуции” при негативном исходе ситуации имеет следующие проявления. “Свое собственное поведение мы часто объясняем, ссылаясь на внешние обстоятельства, вместе с тем других людей считаем полностью ответственными за их поступки” [2. С. 90–91]. В ситуациях с позитивным исходом, подобных описанному выше, наблюдатель, как видим, может проявить склонность к недооценке личностных свойств человека и переоценке внешних обстоятельств.

В речевом общении ошибки (искажения, смещение) атрибуции проявляются, в частности, в связи с выбором говорящим слова из ряда синонимов, которые различаются по признаку наличия/отсутствия целеполагания. Таковы отношения в паре слов *терпение* и *смирение*, где первый член предполагает целерациональность действия. Таковы отношения и в паре *успех* и *удача*.

В случае успеха люди приписывают своим действиям внутренние причины, причину своего неуспеха они видят во внешних обстоятельствах. При объясне-

Осипова Мария Аркадьевна – канд. филол. наук.

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН “Русская культура в мировой истории” (проект “Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи”).

нии причин поведения другого возможны разные варианты: например, если человек воспринимается как более способный, то его успех приписывается внутренней причине – его способностям, а неуспех – внешней. Приписывание внутренних или внешних причин зависит и от статуса воспринимаемого в соотношении со статусом воспринимающего (см. [3. С. 92–95]). Поиск причин связан с групповой принадлежностью и субъекта, и объекта восприятия, здесь взаимодействуют представления о двух группах – “своей” и “чужой”. Для социальной атрибуции характерно “поддержание положительного образа своей группы воспринимающим субъектом. Это достигается применением такой стратегии, когда успех своей группы и неуспех чужой группы объясняется внутренними причинами, а неуспех своей группы и успех чужой группы – причинами внешними” [3. С. 96–97]. Из ответных реплик слушающих/наблюдателей в диалогах, приведенных в начале этой статьи, следует, что говорящие и слушающие в обоих диалогах принадлежат к разным социальным группам. Действия субъекта, которого наблюдатель рассматривает как “своего”, он оценивает с позиций самого участника и приписывает им успех. Наблюдатель, проявляющий эмпатию к участнику ситуации, видит возможность совершения им целерациональных действий.

При атрибуции успеха, кроме психосоциальных факторов, важен и смысл, который приписывается самой категории успеха участниками коммуникации. Понимание успеха исторически изменчиво и различается в разных культурах. Реализация этой категории в речи зависит и от индивидуальных ценностных ориентаций говорящего. Иными словами, в коммуникации взаимодействуют понимание успеха обществом, самим индивидом – носителем успеха (который может при этом действовать, руководствуясь совсем иными категориями, вовсе не стремясь к тому, что оценивается обществом как успех), и индивидом, дающим оценку той или иной деятельности другого индивида как успеху, удаче и т.п. Суждения об успехе находятся на пересечении этих понятий. Рассмотрим их подробнее.

Никакое достижение цели не является успехом само по себе; успех – это то, что общество или действующий индивид определяет как успех. В связи с успехом речь идет о достижении таких целей, которые являются признанными ценностями или индивидуальными ценностями субъекта. Понятие успеха формируют следующие признаки: 1) наличие целерациональной деятельности, результатом которой и является успех; 2) ценностный характер цели, на достижение которой направлена конкретная деятельность; 3) наличие социальной группы, оценивающей данный результат как успех; 4) наличие социального одобрения при достижении цели.

Ответные реплики слушателей в приведенных выше диалогах демонстрируют установки, характерные для носителей русской и советской культуры. В советской культуре понятие успеха, как отмечает социолог Б. Дубин, имело следующий вид: «Понятие “успех” существует только в том обществе, в котором человек может чего-то добиться путем состязания. А советское общество было обществом не достижений, а наград. Поэтому понятия “успех”, “успешный человек” просто не работали. Идеологически работало слово “герой”, звучащее с трибун. А между собой люди говорили о тех, кто смог “продвинуться”, “устроиться”, “пролезть”. И все. Успех мог принадлежать только стране, коллективному целому: “СССР добился успеха в ...”. Ведь в то время состязались системы, а не люди... В СССР успешным считался человек, который воровал на мясо-

комбинате или занимал место в номенклатуре. Так и говорили: “Хорошо устроился”, т.е. труд сам по себе практически ничего не значил» [4].

В представлениях большинства членов современного общества понятию социального успеха как результату позитивной целерациональной деятельности индивида так же не находится места, как это было в советском обществе. При том, что основным критерием успешности считается богатство, теперь большинство россиян видят успешного человека как того, “который занялся бизнесом в девяностые годы, заработал деньги не совсем правильными средствами. То есть его успех, по мнению среднего россиянина, не совсем доброкачественный” [4]. «Успех по-русски – это случайность, удача: “Ему просто повезло, подфартило”, “Вовремя подсуетился”, “Успел заграбастать”» [4].

Традиционное отталкивание от категории успеха связано и с таким свойством русской культуры, как повышенный (в сравнении с другими культурами) страх перед расплатой за успех, своеобразной данью судьбе, который для православного мироощущения в целом характерен в большей степени, чем для протестантского, – последнее предполагает вознаграждение за труд и добродетельную жизнь в земной жизни. Жизненный мир традиционной русской культуры ориентирован на послушание и смирение, что выражается в культурной установке на невыделенность субъекта социального действия [5. С. 20–21]. Боязнь успеха связана и с генетической памятью россиян о репрессиях, следовавших за достижением минимального успеха.

В отличие от русской, западная культура, ориентированная на достижительскую выделенность, мотивирует человека на стремление к самоидентификации через личные достижения, которые оцениваются его окружением как успех [5. С. 2]. Здесь речь идет прежде всего о странах протестантской культуры, причем наиболее последовательное воплощение установка на индивидуальное достижение, успех – демонстрацию высокой степени социальной компетентности, получила в культуре США (см., например, [6]). Соответственно, и каузальная атрибуция в такой культуре выглядит следующим образом. “Если факторы среды препятствуют тому, чтобы определенное событие стало реальностью, а люди своими действиями способствуют его наступлению, то существует даже большая вероятность, что причины данного события мы припишем человеческой деятельности”, – пишет американский психолог Д. Макклелланд [7. С. 25].

Ответная реплика человека западной культуры в диалогах, приведенных в начале этой статьи, скорее всего предполагала бы приписывание достижений говорящему – субъекту действия.

Обратимся к языковым данным. В [8. С. 1400] *успех* определяется как ‘положительный результат, удачное завершение чего-л.’, ‘общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений’. В отличие от успеха, являющегося результатом сознательной деятельности человека, *удача* – ‘счастливое, благоприятное стечение обстоятельств, способствовавшее желательному, нужному исходу дела; везение’ [8. С. 1373], те же толкования представлены и в [9. Т. IV. С. 522, 465]. Причины успеха и удачи различны. Успех может быть *заслуженным* и *запланированным*, успеха *добиваются* (и его *переживают*, как и другие события – *счастье* и *несчастье*), удача – результат счастливого стечения обстоятельств. Успех закономерен, удача случайна, она сама по себе является обстоятельством, сопутствующим успеху. Иными словами, успех имеет личностную атрибуцию, удача – обстоятельственную.

Антиподы успеха – не только *неудача*, которая зависит и от человека и от обстоятельств (сравни сочетаемость: при *творческих успехах* и *творческих неудачах* – *сердечные неудачи*, которые не связаны с волей человека), но и *неуспех* (*провал, промах, поражение*), который является прямым следствием деятельности человека и может существовать только тогда, когда у человека имеется идея успеха (толкования *неудачи* и *неуспеха* в [8. С. 644, 646] представляют собой замкнутый круг: *неудача* ‘неблагополучный исход какого-л. дела; неуспех’, *неуспех* ‘неблагоприятный исход какого-л. дела, замысла и т.п.; неудача’. В том же духе эти слова толкуются и в [9]).

Ю.Д. Апресян выделяет системообразующие смыслы, входящие в большое число языковых единиц разной природы, среди которых чрезвычайно важным оказывается смысл и, соответственно, слово *цель* [10. С. 52–54]; понятие цели и семантика целевых слов русского языка проанализированы в [11]. Тем не менее наблюдения показывают, что установка на пассивность субъекта характеризует не только жизненный мир русской культуры, но и русскую языковую картину мира. Анализ синтаксических особенностей – конструкций вроде *Мне (хорошо) работается* – позволяет сделать вывод о этноспецифичности семантического лейтмотива “неподконтрольности ситуации субъекту и неопределенности той силы, которая является причиной наблюдаемого положения вещей” [10. С. 36–39]. Теме неподвластности человеку хода событий (на лексическом материале) посвящен целый ряд работ (сравни [1; 12. С. 117]), где говорится, что “для русской языковой картины мира чрезвычайно характерна установка на примирение с действительностью” [12. С. 117]. “Чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно” [13. С. 343]. В языковой картине мира находит выражение и боязнь успеха. “Представление, согласно которому то, что произошло с человеком, хотя бы и выглядело как его собственное действие, случилось как бы само собою, помимо его воли, так что конечный результат от него не зависел ... может быть причислено к числу сквозных мотивов русской языковой картины мира” [14. С. 455].

Однако в последние пятнадцать лет русский язык сталкивается с формирующимся в российском обществе новым взглядом на жизнь, предполагающим ориентацию человеческой деятельности на положительный результат. Идеи материального и семейного благополучия, высокого уровня жизни становятся социальным фактом. Что же именно подтверждает социальную реальность такого понимания успеха? Дело в том, что для того, чтобы члены социума могли координировать свои действия, необходимо опираться на в чем-то совпадающее понимание окружающего мира. Это понимание формируется и отражается в языке, которым пользуются участники социальных процессов. Параллельно с изменением аксиологической картины мира меняется и языковая картина: слова приобретают новые смыслы. В [14. С. 458] говорится о существовании “особых картин мира, формируемых в рамках различных видов речевой деятельности, ориентированных на некую заданную систему ценностей: например, картину мира советского идеологического языка или картину мира церковного дискурса”. В этом же смысле можно говорить и о формирующемся либеральном достижительском дискурсе. Об этом свидетельствуют языковые и речевые инновации.

Общество диктует то, что *человек* должен быть *успешным* (аналогично англ. *successful*, которое может характеризовать и человека), – на фоне общепринятой в русском языке сочетаемости *успешная работа, успешные результаты* и,

например, *успешный ученик* (так в [15]) – успехи в учебе допускались и в советском дискурсе.

По данным [16], сочетаемость с одушевленными существительными слова *успешный* отмечается только с середины 1990-х годов. *Успешен* тот, кто хорошо (лучше других) делает свое дело и имеет значимое материальное вознаграждение. Слово употребляется в отношении людей творческих профессий или профессий, предполагающих соревнование: *успешный бизнесмен, предприниматель, продавец, военный, военачальник, кинорежиссер, содержатель корчмы, фермер, каратист*, а также *кандидат* – здесь важна соревновательность и человек – здесь возможна не только профессиональная состоятельность [16]. *Успешный* значит ‘высокопрофессиональный’. При этом слово *успешный* может и не иметь положительной оценки: добиваться поставленных задач на рабочем месте может и вор.

Результаты поиска в [16] на словоформу *успешность* (102 документа) показывают следующее. *Успешность* употребляется прежде всего с именами действий в значении ‘положительный результат’, подавляющее большинство употреблений слова относится к 2000-м годам. Однако сейчас говорят и об *успешности программы, проекта, процессов, выставки, капитализма, экономики, карьеры* [16] – здесь синонимом *успешности* служит *эффективность*. *Успешность бизнеса, компании, интернет-магазина, промысла, гостиницы, СМИ как бизнеса* [16] предполагает их прибыльность.

Речь идет и о *коммерческой успешности, деловой и бытовой успешности человека* [16]. Понимание успешности как высокой степени социальной компетенции в русском дискурсе инновационно, хотя именно деньги служат “типичным способом предоставления обратной связи относительно успешности деятельности человека... хотя деньги не являются стимулом для лиц с выраженной потребностью в достижении, они используют их как информацию об успешности своей деятельности” [7. С. 282].

Неуспешный человек становится *лузером* (англ. *loser*), *неудачником*. У последнего отсутствуют положительные результаты жизнедеятельности, сравни также *пофигист*, который ничего и не предпринимает, чтобы добиться успеха (при *пофигизм* ‘безучастное, равнодушное отношение к событиям, фактам, ко всему происходящему’ [17. С. 767]).

На первом плане в восприятии человека как успешного – то, что результаты, которых он добился, являются его личной заслугой. *Успех* как результат целенаправленного действия теснит *удачу* как стечение обстоятельств, внеположенных субъекту действия, в чем проявляется происходящий мировоззренческий сдвиг. В современном российском обществе “успешные люди более склонны приписывать материальный достаток своим позитивным личным качествам (трудолюбие и тому подобные)”, “неудачники” же склонны объяснять возможность достижения успеха другими факторами – связями, простым везением (www.sostav.ru, 11 июля 2006 г., по данным опроса ВЦИОМ).

Возвращаясь к помещенным в начале статьи диалогам, можно сказать, что приведенные ответные реплики характеризуют слушающих как людей неуспешных.

Если советский идеологический дискурс противопоставлял пассивности героизм, то нынешний либеральный дискурс противопоставляет ей индивидуальный успех. В то же время система норм, указывающих правильные и законные способы достижения этой цели, отсутствует, а значит, отсутствует и эталон дея-

тельности, ведущей к успеху. Жизненные стратегии определяются индивидуальными ценностными ориентациями, которые в условиях анонии выступают как маркер принадлежности человека к определенным социальным стратам. Организующее жизнедеятельность стремление к успеху и социальной стабильности с опорой на легальные средства – к ценностям среднего класса – дает основание социологам для причисления обладающих этим качеством индивидов к людям среднего класса. Такая позиция представлена, например, в исследованиях [18; 19] (см. особенно главу 7 в последней работе – “Этос успеха: между моделью выживания и моделью агрессивно-циничного успеха”); на языковом материале см. [20].

Области жизнедеятельности, в которых имеет место рациональное целеполагание, в разных культурах выглядят по-разному. Целеполагание осуществляется под влиянием культурных стереотипов; последние в свою очередь проявляются в речевом употреблении. Традиционно успех, понимаемый как признание в профессиональной сфере деятельности, в России продолжает противопоставляться семейному счастью, о чем говорят данные социологов. По наблюдениям Б. Дубина (заметка “Семья или успех”), в современном российском обществе “лидируют не так называемые достижительные, а приватные, частные ценности: семья и дом, любовь и дружба, здоровье... Так что на вопрос, вынесенный в заголовок, можно было бы ответить: семья, а не успех, и никаких приключений... Ценности же “успеха, признания” далеко отстают даже от деловых, не говоря о деньгах... А значит, скажет социолог, они еще не стали осевыми моментами социальной структуры данного общества, параметрами его системы статусов, сколько-нибудь ведущими ориентирами для большинства взрослых работоспособных людей” (газета “Первое сентября”, 2000, № 7, <http://ps.1september.ru/2000/07>). Характерно, что автор этого наблюдения самой постановкой вопроса приравнивает успех к признанию.

Однако появившиеся в последнее время сочетания вроде *успешный брак*, *успех в браке* и пожелания “успеха в браке, в дружбе, в карьере, во всех областях вашей жизни”, а также *неудача в браке* и *неудавшийся брак* (интернет-форумы) заставляют подумать о происходящем сдвиге в сознании носителей языка. Эти перемены происходят, как кажется, под влиянием англоязычной культуры, сравни устойчивое сочетание англ. *successful marriage* ‘успешный брак’ и *to fail in marriage* ‘потерпеть неудачу в браке’, а *a failed marriage* ‘неудавшийся брак’, прямо возлагающие вину за неудачу в браке на самого человека.

По данным исследования русской языковой картины мира, счастье “не зависит от личных усилий и заслуг человека” [14. С. 459]. Общее представление о непредсказуемости мира, свойственное русской языковой картине мира, охватывает и концепт счастья. По наблюдениям Анны А. Зализняк, русская мифология счастья предполагает, что “счастье нельзя приобрести каким-либо алгоритмическим образом (заслужить, заработать и т.п.), его можно либо случайно *найти*, либо оно может на человека *свалиться* или *выпасть* ему” [21. С. 167]. По крайней мере для части носителей русского языка счастье – это любовь (см. наблюдение А.Д. Шмелева: “Тема счастья в русской языковой картине мира неразрывно связана с темой любви” [14. С. 469]), и если *брак* может быть *успешным*, то *в любви*, как казалось еще недавно, может только *повезти*. Однако сегодняшний дискурс (в первую очередь – рекламный) меняется и в этой сфере. На многочисленных интернет-сайтах, помимо лидирующих словосочетаний

успех в бизнесе, успех в карьере (сравни Мой успех с компанией Herbalife), мы видим сочетания успех в личной жизни, успех чувств и отношений.

Как видим, современный дискурс осваивает понятие успеха и применительно к области межличностных отношений, что можно также считать хотя бы отчасти влиянием англоязычной культуры (сравни допустимые варианты англ. *success in love/luck in love*). Такое понимание успеха, состоящего в том, чтобы быть принятым, связано с пониманием успеха как признания.

Сегодня успех предполагает достижение положительного результата в той области жизнедеятельности, которую считает важнейшей сам индивид. Успех венчает целенаправленное преодоление трудностей. Сравни высказывания на различных интернет-сайтах: *Мой главный успех в жизни – это люди, которые меня окружают; Мой успех – сытые и одетые дети; Мой успех – бросить курить.*

Описанному выше пониманию социального и индивидуального успеха соответствует толкование, данное слову успех в [15]: это ‘удача в задуманном деле, удачное **достижение** поставленной цели’, в отличие от толкования слова удача – ‘успех, такой исход дела, который нужен, желателен кому-н.’ (<http://ushdict.narod.ru>). Можно предположить, что редакторы [9] и [8] отказались от представленной в [15] трактовки успеха (= достижения) как не вписывавшейся в существовавшую систему ценностей. Понимание же успеха как ‘достижения желаемого’ представлено и у В. Даля [22. Т. IV. С. 514], что, в частности, позволяет ставить вопрос о цикличности понимания успеха как достижения в истории русской культуры.

Сегодняшний дискурс представляет собой естественную реакцию людей, действующих в современном российском обществе, на социальные изменения последних пятнадцати лет: в выборе жизненных стратегий люди стали полагаться на самих себя. Сам мотив достижения приводится в действие необходимостью преодоления обстоятельств и самого себя, и именно поэтому в современной России понятие успеха и успешности индивида приобрели ключевое значение. В то же время рассмотренная речевая практика складывается под очевидным влиянием англосаксонской протестантской культуры и морали, предполагающей социальную эффективность деятельности индивида. Дискурс достижительски действующих субъектов выражает ориентацию именно на успех с его личностной атрибуцией, а не на обстоятельственную каузацию удачи, продемонстрированную в диалогах в начале статьи. Применительно к ним речь должна идти об атрибуции целерациональности, намеренности действия. Различение этого вида атрибуции и каузальной атрибуции базируется на том, что основания и причины – логически разные категории, которые служат для объяснения различных аспектов поведения: основание – это “то, для чего производится изменение”, а причина – “то, что приводит к изменениям”. Это разграничение, известное психологам, в целом мало повлияло на исследования атрибуции [23. С. 328], что мы объясняем следующим. Категория целерациональности (намеренности) действия естественна и настолько ожидаема в глазах людей западной культуры, в том числе исследователей (социальная психология развивалась прежде всего в США и Западной Европе), что ее атрибуция оказывалась вне зоны их внимания. Социальная психология занимается прежде всего ненормативными явлениями, для которых характерна именно категория причинности, а не целеполагания, – последняя связана с положительным контекстом действия. До тех пор, пока новый социальный консенсус в связи с понима-

нием успеха и удачи в русской культуре не сложится окончательно, материал именно русской культуры будет представлять особый интерес для изучения атрибутивных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б.* Отражение “национального характера” в лексике русского языка // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005 (1-е изд.: Russian Linguistics. 1996. Vol. XX).
2. *Майерс Д.* Социальная психология. Интенсивный курс / Пер. с англ. СПб.; М., 2004.
3. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 2000.
4. *Дубин Б.* В каких единицах измеряется успех в России. www.psinfo.ru, 10.09.2005, источник – www.ogoniok.com.
5. *Согомонов А.Ю.* Достижительская культура. М., 2002.
6. *Nelson M.R., Shavitt Sh.* Horizontal and Vertical Individualism and Achievement Values: A Multi-method Examination of Denmark and the United States // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2002. Vol. 33. № 5.
7. *Макклелланд Д.* Мотивация человека / Пер. с англ. СПб., 2007.
8. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2003.
9. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. I–IV.
10. *Апресян Ю.Д.* Основания системной лексикографии // *Языковая картина мира и системная лексикография* / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.
11. *Левонтина И.Б.* Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // *Языковая картина мира и системная лексикография* / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.
12. *Шмелев А.Д.* В поисках мира и лада // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005 (1-е изд.: Логический анализ языка: Космос и хаос. М., 2003).
13. *Левонтина И.Б.* ‘Нотопігер’ // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005 (1-е изд.: Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999).
14. *Шмелев А.Д.* Сквозные мотивы русской языковой картины мира // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005 (1-е изд.: Русское слово в мировой культуре. СПб., 2003).
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4 (<http://ushdict.narod.ru>).
16. Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru.
17. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складывневской. М., 2006.
18. *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. М., 2000.
19. *Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии. Тюмень, 2000.
20. *Осипова М.А.* Речь “средних русских”: аксиологические изменения // *Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова* / Отв. ред. Е.А. Земская и М.Л. Каленчук. М., 2007.
21. *Зализняк Анна А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005 (1-е изд.: Русский язык в научном освещении. 2003. № 5).
22. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. I–IV.
23. *Хьюстоун М.* Теория атрибуции // *Социальная психология* / Под ред. С. Московичи. Пер. с англ. М., 2007.

© 2008 г. А. В. СЕМЁНОВА

НАЧАЛО И КОНЕЦ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ НА МАТЕРИАЛЕ КАШУБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Прежде чем проанализировать действие оппозиции начало/конец, скажем несколько слов о кашубах, которые в генетическом, лингвистическом и культурном отношении, по мнению многих специалистов, представляют собой микроэтнос, состоящий из потомков одной из ветвей полабских славян. Из истории кашубов известно, что сохранившаяся на сегодняшний день область распространения “кашубщины” представляет собой восточную периферию значительно бóльшей территории, подвергавшейся германизации в течение прошлых столетий.

На формирование кашубской языковой картины мира наложили отпечаток такие противоречивые факторы, как, с одной стороны, относительная изолированность кашубов от носителей других польских диалектов (благодаря проживанию на балтийском побережье и ориентированности на добычу рыбы как основного источника пропитания), с другой – сильное многолетнее влияние как польского языка и его диалектов, территория распространения которых граничит с Кашубами (кочевские, силезские говоры), так и прямого (намеренного) влияния немецкого языка и часто опосредованного проникновения чешского или лужицкого языков.

Особенности кашубского языка и картины мира в части восприятия начала и конца (бытия) мы рассмотрим на материале фразеологии, почерпнутой из лингвострановедческого словаря кашубских говоров Б. Сыхты [1]. Этот словарь представляет собой уникальное произведение славянской лексикографии, поскольку является подлинно лингвострановедческим и дает возможность читателю познакомиться с языком, фольклором, бытом, обычаями и историей кашубов.

Обращаясь к оппозиции жизнь/смерть, отраженной во фразеологии, мы сталкиваемся с множеством значений, характеризующих *начало* и *конец* человеческой жизни. В народных представлениях, нашедших выражение в устойчивых выражениях, просвечивает отношение к жизни как к континууму, уходящему корнями в период, предшествующий рождению индивидуума, смерть в них описывается через характерные действия или процессы, включая состояние ушедшего из земной жизни человека в контекст инобытия. Таким образом,

Семёнова Александра Всеволодовна – канд. филол. наук, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

умерший человек не только и не столько приходит к черте физического небытия, но одновременно продолжает участвовать в процессах и действиях как объект и даже как субъект.

Работая над массивом кашубской фразеологии, мы попытались создать ее идеографическую классификацию. При анализе фразеологических единиц (далее – ФЕ), характеризующих человека как живое существо, была выделена такая группа значений, как *ступени человеческой жизни*. В нее вошли ФЕ, характеризующие *биологические* этапы жизни человека *от зачатия до смерти*. Сопоставляя степень репрезентативности групп ФЕ со значениями, связанными с зачатием, рождением и смертью, с массивом фразеологизмов, относящихся к другим “ступеням” жизни человека, мы выяснили, что начало жизненного пути и приближение к его концу отражено в большом количестве ФЕ, в отличие от “середины пути”, т.е. взрослого состояния. Оказывается, что оно не столь значимо.

Так, среди ФЕ, отражающих “ступени человеческой жизни”, *беременность* характеризуют около 50 ФЕ, *рождение* ребенка – около 10, *детский возраст* и состояние “не взрослого” человека – 10, *юность* и, одновременно, достижение брачного возраста – 1, старость – 11, *приближение к смерти* и *смерть* человека – около 60.

В кашубском языке встречаются ФЕ, позволяющие сделать вывод о представлениях кашубов о продолжении бытия после того, как человек *oddaje Bogu dęxa* (отдает Богу душу). В этих ФЕ покойник производит много различных действий, отраженно повторяющих действия, совершаемые живыми. О параллелизме мира живых и загробного мира на восточнославянском материале пишет Е.Е. Левкиевская. В кашубском материале мы находим ФЕ, демонстрирующие параллелизм между действиями, совершаемыми живыми и мертвыми. Е.Е. Левкиевская показывает пространственный и акциональный параллелизм между народными славянскими представлениями о строении загробного мира – он устроен по типу мира живых [2]. В частности у кашубов, покойник может “грызть песок” (*gręzc p'ask*), что, с одной стороны, демонстрирует его непринадлежность к миру живых, так как он питается несъедобным веществом, с другой – демонстрирует способность совершать активное действие, связанное с одной из первейших повседневных потребностей живых. Таким образом, мертвый человек как бы продолжает производить характерные для живых действия, а смерть является одновременно концом жизни и ее неотъемлемой частью.

Семантика рождения и смерти выражается в кашубской фразеологии через различные коды, среди которых на первый план выходит телесный код. О телесном коде в славянской культуре как значимой составляющей, пронизывающей культуру на всех уровнях, пишет Н.В. Злыднева [3]. Телесному коду подчинены остальные типы значений и образов, лежащих в основе ФЕ. Природа является первопричиной рождения человека, она же “ведет на него наступление”, приближает его смерть, хотя это не единственный вариант смерти – человек может выступать не только как объект воздействия стихии, но и как субъект, что подтверждается множеством примеров.

Телесный код по отношению к ребенку и матери выражается в ФЕ подчеркнуто иносказательно, метафорично – через изменения в теле матери и ее внешности. Например, акцент делается на полноте женщины, ожидающей ребенка – *ХоЗіс z bąbnem* (ходить с барабаном), или характеристике беременности как болезненного, аномального состояния – *Xorovac na mlodę gnatę* (болеть молодыми

костями). Также характеризуется агрессивное воздействие на мать при зачатии – с упоминанием участия мужчины, либо в иносказательной форме, когда зачатую приписываются разнообразные причины, связанные с мужской агрессией и женской пассивностью – *Zěvcině oko podbic* (подбить девушке глаз), *Zěsko zmejstrovac* (смастерить ребенка). Эти выражения можно рассматривать на синхронном уровне как эвфемизмы, однако на диахроническом большинство из них отражает кашубские архаические представления или же способы номинации табуированных явлений.

Телесному коду во фразеологизмах с семантикой начала и конца жизни подчиняются другие коды, в частности код еды. Здесь следует упомянуть ФЕ, в основе которых лежит образ беременной женщины, как съевшей что-либо, пообедавшей: *Viс po ob'eZ'e* (быть после обеда – “быть беременной”). Так отражается семантика избыточности. В других ФЕ говорится о детях, у которых молоко и даже молозиво на губах “не обсохло” и которые “не заплатили матери за молоко”: *m'ec mlěko na broZe... na vargaX... na ząbaX* (иметь молоко на подбородке... бороде... на губах... на зубах – ‘быть молокососом’); *ješ mlěko kap'e z brodē* (еще молоко капает с подбородка); *ješ matce za mlěko n'e zapłacił* (еще матери за молоко не заплатил); *ješ matce za cęc n'e odrobił* (еще матери за грудь не отработал). Существуют ФЕ, основанные на коде еды, в которых умирающие “изображаются” как люди, которые не успели что-то съесть – *n'e dočekac są gv' ozdovēX kloskón* (не дожидаться рождественских klecek), и умерших, как “отбросившие ложку” – *oddac/odłožęc/puscęc/šmėrgnaç/řęcęc łěžką* (отдать/отложить/отпустить/швырнуть/бросить ложку – ‘умереть’).

При сопоставлении перечисленных выше ФЕ обнаруживается еще одна частная антитеза между жизнью и смертью по признаку избыточности/недостаточности. Будущая мать “слишком” полная, она много съела, тогда как мертвый человек не успел съесть что-либо, в чем и проявляется недостаточность.

Как следует из приведенных примеров, код еды является одним из центральных в анализируемой фразеологической подсистеме. Ее основа – характеристика человека на определенном этапе жизни через круг ситуаций, связанных с пищей и питанием. В этой группе ФЕ учитывается разнообразие метафорических переносов, являющихся для них основой. В частности, знакомая многим языкам, в том числе русскому и польскому, метафора, которую можно прочесть как “он такой маленький/молодой, как будто ребенок, который еще пьет молоко матери”, имеет много вариантов (прежде всего лексических), что свидетельствует о значимости характеристики человека по принципу взрослости–незрелости для кашубов. В этих ФЕ в основе противопоставления находится сравнение взрослого состояния человека как нормы и человека, находящегося в иных состояниях, не достигшего этой нормы. Свообразны ФЕ, характеризующие незрелость через неспособность (неготовность) заплатить (отплатить) матери за ее молоко. Предположительно, этот образ может быть заимствован из немецкоязычной среды с ее прагматизмом и отношением к получению денег как основному мерилу правильности выбранного рода занятий и способа деятельности, характеризующими иную ментальность.

Что касается смерти, то код еды здесь проявляется в разных ипостасях. С одной стороны, через прекращение еды и “отбрасывание” ложки как метонимического образа отказа от основного в сельском быту столового прибора. Отбросив ложку, человек полностью отказывается от еды, а в конечном итоге – от жизни, демонстрируя свою будущую принадлежность к миру мертвых. С другой

стороны, “бросание, швыряние” ложки воспринимается как активное действие, как будто добровольное, что ставит умершего в определенном смысле в один ряд с живыми, наделяет его способностью выражать свою волю и производить действие по своему желанию. Некоторые варианты этой ФЕ не предполагают волевого действия при сохранении покойным самостоятельности в его выполнении. Отрицание действия в ФЕ *n'e dočekac sa gwozdověX kloskóv* (не дожидаться рождественских клецек), характеризующей смерть человека, также демонстрирует непосредственную и обязательную связь земной жизни с питанием, создает впечатление, что тот, кого характеризует настоящее выражение, не смог/не успел исполнить нечто, чего желал. Название пищи указывает на рождественскую ритуальную трапезу; данный фразеологизм означает, что человек не дождался Рождества. Эта ФЕ также свидетельствует о таком важном аспекте, как семантика незавершенности, незаконченности календарного (и церковного) годового цикла, что также является нарушением нормы по принципу недостачи.

Другой код, актуальный в данном контексте, – код природы. Больше всего таких ФЕ связано с *беременностью*. Женщина может быть представлена в качестве объекта, когда ветер и мороз становятся “причиной” беременности, также как и укусы пчел и змей: *pšćót kogos kōsīt/pšćotě kogos pogrěztě* (пчела (ее) укусила, пчелы (ее) покусали), *žnija kogo kōsěta* (змея укусила); *mróz kogo sXvacit* (мороз схватил). Женщина, представленная как субъект, сама “проходит”, например, “через капусту”. Общее основание сравнения в этих образах – “раздувание” укушенной змеей или пчелой области по аналогии с полнеющей во время беременности женщиной. А.В. Гура указывает на непосредственную связь змей и пчел с семантикой деторождения, сексуальной символикой и комплексом мифов, связанных с браком, происхождением детей [4. С. 279, 460–461].

Смерть связывается в ФЕ с природными явлениями – травой, песком, землей, по отношению к которым мертвые либо активны – *jaXac do muravsk'ěgo* (идти к “муравскому”, сравни рус. трава-мурава); *jić pod pažěca* (идти под траву, которая обычно растет на дворе и на кладбище), либо пассивны, “стихии” на них “наступают” – *zem'a kogos pŕěciga* (земля кого-либо притягивает). Данная ФЕ означает постепенное приближение к смерти, что говорит о надвигающемся на человека физическом уничтожении. Что касается ФЕ, в которых человек сам двигается в сторону места упокоения, то здесь очевидно совмещение планов умирания как состояния субъекта и предания его земле, при котором он выступает как объект.

Также для этих ФЕ характерен код движения: *ȳocón vĕtovit* (аист выловил) – говорится о рождении ребенка; *ȳocón nad kominem lâtâ* (аист над трубой летает) – ‘в семье ожидается прибавление’; *padnōc na sv'at* (упасть на свет) – ‘родиться’; *kogos ješ bočón nosit v ogon'e...* (кого-то еще аист носил в хвосте, когда...) – кого-то еще не было на свете в какое-то время (т.е. этот человек не старше определенного возраста); *z žabamě v stav'e ... v blōtku... v rov'e sa zabav'ac* (с лягушками в пруду... в луже... в овраге играть) – человека еще не было на свете, когда...

Фразеология метафоризирует все состояния, буквально называется только живот или даже, точнее сказать, пузо/брюхо беременной женщины. В беременности слабо представлена семантика ожидания появления младенца (некоторой *зыбкости*: *ȳec v naZeji* “быть в надежде”) – чаще акцентируется облик женщины. Начало бытия также подменяется описанием облика будущей матери.

Ребенок не может быть активным деятелем, тем более в социальном плане, поэтому детство слабо маркируется, находится в “слабой позиции” по сравне-

нию с зачатием и беременностью (в основном это ФЕ, связанные с незрелостью, маленьким ростом, молоком как пищей ребенка).

Можно обратить внимание также на ФЕ, характеризующие неудачное, “неправильное” окончание беременности или бесплодие. Они связаны со ступенями жизни человека, но их можно было бы отнести к классам, связанным с темой здоровья. В этих ФЕ семантика неудавшейся беременности передается через коды, выделенные нами среди значений других ФЕ, обозначающих ступени человеческой жизни, что еще раз демонстрирует общность образных оснований для большинства ФЕ, характеризующих различные сферы жизни: *jit za keř* (идти за куст) – потерять ребенка (непроизвольное прерывание беременности); *jit za p̄lot* (идти за забор) – потерять ребенка. В этих выражениях явно реализуется код движения. Выражение *n'euroZajna k̄ton'ica* (неурожайная колода, пень, сравни “бесплодная смоковница”) – ‘бесплодная женщина’ основано на *kode природы*. *Zrob' ic sob'e zle* (сделать себе плохо) – потерять ребенка, не выносить ребенка – это иносказание, в котором табуированная тема не раскрывается говорящим.

Аист, приносящий ребенка на хвосте и летающий над трубой, игра ребенка до рождения в луже (болотце) указывает на связь человека с природой до рождения. Также оказывается, что его откуда-то приносят или он приходит сам. Таким образом, человека производит на свет не другой человек, а сама Природа. Напротив, при умирании происходит прекращение движения, маркируется последнее движение, которое более не повторяется – после него наступает неподвижность. В этой воспроизведенной в ФЕ ситуации проявляется еще одна частная антитеза из числа тех, что лежат в основе оппозиции конца и начала жизненного цикла человека, а следовательно, жизни и смерти. Акцент в этих ФЕ делается на отторжении самых необходимых предметов и резких жестах, демонстрирующих отстранение, удаление от привычных жизненных процессов и действий: *p'ērdq ver'ōc* (отставить зад), *vēcignqč/vēprostovac kopēta* (вытянуть/выпрямить копыта), *zacēsnač dupq* (закрыть/зажать зад). На формальном уровне образованию значений, связанных со смертью, способствует приставки со значением удаления (*vě-*) и замыкания (*za-*).

В отношении образов, связанных со смертью, важной представляется активизация оппозиции верх/низ – голова и ноги перестают двигаться, отверстия тела закрываются, прекращается обмен – взаимодействие с окружающим миром.

Следует обратить внимание на то, что для фразеологии характерно смешение сакрального и светского – в образах ФЕ Евангелие соседствует с конкретной действительностью, реалиями народной жизни. Происходит смешение источников образов и представлений различных уровней. В ФЕ зачастую умирание представлено значительным количеством ФЕ, что позволило рассмотреть реализацию этого процесса отдельно от значений, связанных с жизнью. Например, отмечены ФЕ, базирующиеся на поэтическом сравнении: *žicě zaXoZi v kims jak slin'ce* (жизнь заходит в ком-то, как солнце). Некоторые образы в ФЕ восходят к библейской традиции: *vzerac do Abrāma* (смотреть на Авраама) – быть тяжело больным. Данная ФЕ содержит аллюзию на близость человека к другому ярусу мира, к раю: лоно Авраамово – синоним рая. Обратим внимание на ФЕ, указывающие на близость человека к смерти: *z kogos ju próXno sēp'e* (из кого-л. уже гнилушки сыплется), *jetu sa do bótón p'āsk sēp'e* (ему в сапоги уже песок сыплется) – так говорится о дряхлом человеке (сравни рус. “песок сыплется”). В этих примерах функционирует *природный код*. *V ostatně skōře XoZec* (в по-

следней коже ходить) – то же значение выражено в терминах *телесного кода*. *Klepac do sv'atěgo P'otra* (стучаться к святому Петру) означает приближение к смерти.

Сакральные имена в ФЕ, относящихся к семантической группе “смерть”, характеризуют смерть только в позитивном ключе, когда она воспринимается как переход в пространство рая. *Ožen'ic sa z b' aťol'ze zelon'ol'ze zlin'sk'im/z murav'ol'z muravskō* (жениться на белой, на зеленой, на траве) – здесь можно говорить об отражении языческих представлений о тесной взаимосвязи и взаимопереходе смерти и брака, которые соотносятся с обрядом инициации. *Dostac drevn'ani křiž* (получить деревянный крест), *dostac p'ovolan'ě* (получить призвание, приглашение) – ‘умереть’. В этих ФЕ проявляются бытовые реалии и элементы похоронного обряда. *Komus nie potrzeba doktora, le ksędza* (кому-либо не нужен врач, а [нужен] ксендз) – ‘кто-либо скоро умрет’. Здесь присутствуют бытовые реалии, а в противопоставлении упоминаются религиозные практики – человек должен очистить душу перед уходом в иной мир. *OdZėkovac sa z tim sv'atol'z tim žėcim* (поблагодарить этот свет/эту жизнь) – ‘умереть’ – эту ФЕ следует рассматривать как этикетную формулу.

Итак, из ступеней человеческой жизни “зрелость” во фразеологии не маркирована, преобладает семантика конца и смерти. Непосредственно конец и смерть называются редко – все выражается через активное действие или процесс. Крайние “полюса” человеческого земного пути – “дитя” и “старик” – также характеризуются разнообразными и многочисленными группами ФЕ, демонстрируют состояния, отличные от “нормы”, – ведь именно обыденность не маркирована во фразеологии, важнейшей чертой которой является эмоциональная окрашенность. В социальной и повседневной жизни человека зрелость сближается с понятием “нормы”. Как было сказано, в языке, особенно во фразеологии, всегда маркируется отклонение от “нормы”, различные “крайности”. Поэтому “удельный вес” фразеологических реализаций того или иного концепта говорит не о значительности/незначительности данного явления в жизни социума и каждого человека, но о восприятии его как “здоровой” нормы или обыденного явления.

Значения, связанные с концом или началом, выражаются не только через “совершенное” действие – человек может и не успеть его совершить (как было показано выше), а через набор функций, например, в связи с *кодом движения* или *зрения* – мертвому засыпают глаза землей и он не видит. Также он не ходит и, как говорилось ранее, не ест и не работает.

Так как беременность и зачатие также представляют собой табу, их значения выражаются через образы, связанные с болезнью, – подбитый глаз, язва на ягодице, болезнь молодых костей.

Хотя множество ФЕ связано с темой смерти и конца, тема жизни разлита во всей фразеологии. Все действия, состояния, эмоции связаны с ее проявлениями. Она многообразна и текуча и описывается как “иное” или “предшествующее смерти”, которая является логическим ее продолжением, но не антиподом. В кашубской фразеологии смерть естественна, при этом она одновременно сильно табуирована, что видно из многих иносказательных форм. Конец жизни воспринимается творчески и с юмором в очень разнообразных по форме ФЕ. Таким образом, смерть является маркированным членом смысловой оппозиции жизнь/смерть.

Итак, мы рассмотрели темы смерти и жизни через оппозицию начало/конец и пришли к выводу, что ФЕ ничего не сообщают собственно о жизни – эта информация закодирована в антитезе начала и конца. Онтологические категории жизни и смерти записаны в этой устойчивой антитезе, благодаря чему происходит абстрагирование от конкретных проявлений бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław, 1967–1976. Т. 1–7.
2. *Левкиевская Е.Е.* Пространство потустороннего мира в народных представлениях восточных славян // Славяноведение. 2006. № 6.
3. *Зльіднева Н.В.* Введение // Телесный код в славянских культурах. М., 2005.
4. *Гура А.В.* Символика животных в славянской традиции. М., 1997.

© 2008 г. Ю. В. ЛОБАЧЕВА

ЮГОСЛАВЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ В 1917–1918 годах СЕРБСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЮГОСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ

Программа югославянской интеграции сербского правительства, предполагавшая освобождение сербов, хорватов и словенцев, населявших югославянские области Австро-Венгрии, и их государственное объединение с Королевством Сербией, была официально представлена в Нишской декларации, принятой Народной скупщиной 7 декабря 1914 г. [1. С. 10]. Вместе с тем только после поражения Сербии в октябре 1915 – начале 1916 г. югославянский вопрос был им открыто поставлен перед правительствами Антанты [2. С. 371].

В 1917 г. военнополитическая программа и деятельность сербского руководства были обусловлены, прежде всего, ходом военных действий и отношением к Сербии великих держав. В решении вопроса о судьбе Австро-Венгрии союзники Сербии склонялись к проведению реформ в монархии. Российский посол в Париже А.П. Извольский со ссылкой на сведения, полученные от министра иностранных дел Франции А. Рибо, писал в МИД России весной 1917 г.: “По мнению г. Лансинга¹, совершенное разрушение Австро-Венгерской монархии не желательно в видах установления прочного мира и спокойствия в Европе, так как выделенное из нее германское ядро присоединится к Германии и усилит последнюю; поэтому лучше преобразовать Австро-Венгрию на началах возможно большей самостоятельности входящих в нее народностей. Вам известно, что подобные же мысли высказывались и отчасти продолжают высказываться в Англии и Франции. Хотя питавшиеся здесь к Австро-Венгрии симпатии со времени войны значительно ослабели, тем не менее возрождение их всегда возможно, и есть указания на то, что в последнее время здесь опять началась, главным образом в католических кругах, пропаганда в пользу отдельного мира с Австро-Венгрией. Против этих происков выступил на днях весьма энергично в своей газете г. Эврэ, что во всяком случае свидетельствует о том, что сказанная пропаганда не лишена значения” [3. Ф. 134. Оп. 473. Д. 189а. 1917 г. Л. 50]. Информация о сепаратных переговорах Австро-Венгрии с Антантой стала известна руководству Сербии, находившемуся на острове Корфу. Теперь сербского премьер-министра Николу Пашича беспокоили и прохладное отношение союз-

Лобачева Юлия Владимировна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Роберт Лансинг – в 1915–1921 гг. государственный секретарь США.

ников к сербскому правительству, и перспектива заключения мира без участия Сербии. И, чтобы “завоевать доверие Запада”, премьер отправился в Париж и Лондон, а “сербские дипломаты развернули пропаганду идеи возрождения Сербии” [4. С. 194–196].

Также существенно повлияла на политику сербского правительства, в частности на его позицию по югославянскому вопросу, а следовательно, и на развитие югославянского движения в целом, Февральская революция в России. Ранее Пашич полагал, что “именно Россия (надежды возлагались на Николая II. – Ю.Л.) сможет в конце войны поставить перед союзными державами австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в каком виде) и защитит при этом жизненные интересы Сербии” [2. С. 372]. Теперь же ситуация кардинально изменилась. Пашичу пришлось пойти на сотрудничество с Югославянским комитетом², в лице которого и был найден новый союзник для реализации программы югославянского объединения [2. С. 372; 7. Р. 123].

В мае сербское правительство пригласило представителей Югославянского комитета для совместных совещаний на остров Корфу. Результатом конференции, проходившей с 15 июня по 20 июля 1917 г., стало подписание 20 июля Н. Пашичем и председателем Югославянского комитета Анте Трумбичем Корфской декларации³ [3. Ф. 135. Оп. 474. Д. 288. 1917 г. Л. 29, 48; 8. С. 791–792; 9. Р. 642–649]. В ней выражалось стремление югославян, опирающееся на принцип свободного самоопределения народа, к объединению “в свободном, национальном, независимом государстве”, созданном на основе демократических принципов. Назовем некоторые из них. 1) “Государство сербов, хорватов и словенцев, известных под именем южных славян или югославян, будет свободным, независимым королевством с единой территорией и единым гражданством. Оно будет конституционной, демократической, парламентской монархией во главе с династией Карагеоргиевичей; 2) Все три народных имени – сербы, хорваты и словенцы – полностью равноправны на всей территории Королевства; 3) Оба алфавита – кириллица и латиница – также полностью равноправны и могут свободно использоваться на всей территории Королевства”; 4) Свобода вероисповедания. 5) “Территория Королевства сербов, хорватов и словенцев охватывает все территории, на которых компактно проживает трехименный народ”. Югославянские земли необходимо освободить от власти Австро-Венгрии и объединить с Сербией и Черногорией в одно государство. 6) В интересах свободы и равноправия народов Адриатическое море будет открыто для всех. 7) “Все граждане на всей территории равноправны и равны перед государством и законом”. 8) Избирательное право едино для всех и реализуется прямым и тайным голосованием по округам. 9) “Конституция, которую после заключения мира примет Учредительное собрание, избранное на основе общего и равного, прямого, тайного голосования, станет основой жизни государства, источником всей власти и права... Конституция и другие законы, принятые Учредительным собранием, вступают в силу после их утверждения королем” [10. С. 322–324].

² Югославянский комитет – политическая организация хорватских, сербских и словенских эмигрантов из Австро-Венгрии, выступавших во время Первой мировой войны за государственное объединение югославянских народов. Формально образован в апреле 1915 г. Подробнее, см. например, [5; 6. Р. 93–108].

³ Полный текст Корфской декларации см., например, [1. С. 96–99; 10. С. 321–324].

Корфская декларация имела целью продемонстрировать единство участников югославянского объединительного движения и “поставить пред правительствами стран Антанты австро-венгерский вопрос уже от имени нового политического тандема” [2. С. 372].

Однако существовали и другие причины появления этого документа. В частности, ход военных действий и вступление в войну США на стороне Антанты [11. Р. 313].

Она также стала ответом на “Майскую декларацию” – заявление лидера Словенской народной (клерикальной) партии Антона Корошеца о необходимости объединения на основе национального принципа и хорватского государственного права всех словенских, хорватских и сербских земель Австро-Венгрии в самостоятельный государственный организм под скипетром Габсбургов (что соответствовало триалистическим планам переустройства монархии), с которым он выступил 30 мая в австрийском рейхсрате от имени Югославянского клуба⁴ [1. С. 94].

Это выступление ослабило позицию Югославянского комитета и усилило разногласия среди его членов [9. Р. 642]. Оно же подтолкнуло сербское правительство и политическую эмиграцию к поискам компромисса и совместным действиям – нельзя было допустить, чтобы большая часть австро-венгерских югославян поддержала Югославянский клуб, а югославянский вопрос был решен на основе “Майской декларации” [12. С. 233; 13. Р. 217]. Корфская декларация может быть расценена и как превентивный шаг сербского руководства и Комитета в виду возможности проведения реформ в Австро-Венгрии [2. С. 373; 6. Р. 100].

Кроме того, Пашич беспокоился, что Югославянский комитет, рассматривавшийся им в качестве орудия сербской пропаганды, выйдет из-под контроля [6. Р. 101]. (В начале 1917 г. Комитет, морально и материально поддерживаемый югославянскими переселенцами из Америки, снова начал претендовать на руководящую роль среди эмигрантов. Это, в частности, проявилось при обсуждении вопроса о проведении добровольческой агитации в Южной Америке в первые месяцы 1917 г.) Он понимал, что подписание совместного соглашения вовлекло бы Комитет в более тесное сотрудничество с сербским правительством. По оценке Г. Стоукса, Корфская декларация стала искусным дипломатическим успехом Пашича в переговорах с политической эмиграцией [6. Р. 101]. В обмен на признание династии Карагеоргиевичей, подразумевавшее целостность Сербии, он согласился на принципы демократии, гражданские права и конституцию. Пашич сохранил за Сербией право на роль державы-освободительницы и самостоятельность в реорганизации государства после войны. Он достиг нескольких краткосрочных целей, сделав Комитет своим должником, ограничив свободу его действий и обеспечив себе возможность проявлять инициативу в действительно важных вопросах [6. Р. 101].

Вместе с тем, подписание Корфской декларации не устранило разногласий между сербским премьером и эмиграцией [12. С. 238]. Уже само их отношение к документу различалось. Югославянский комитет считал, что было достигнуто основополагающее соглашение с Сербией. Пашич же решил на переговоры

⁴ В состав Югославянского клуба австрийского рейхсрата, образованного 29 мая 1917 г., вошли словенские, хорватские и сербские депутаты югославянских областей Цислейтании (словенских земель и Далмации).

под влиянием обстоятельств и после подписания Декларации игнорировал ее, кроме тех случаев, когда ему нужно было продемонстрировать сотрудничество с Комитетом [6. Р. 100]. Трумбич настаивал на вручении ее текстам державам Антанты в виде официального документа, представляющего основные цели Сербии и Комитета в войне, а сербский премьер не хотел брать на себя каких-либо обязательств. Полагая, что “декларация является всего лишь рекомендацией, которую правительство может принять или отклонить по собственному усмотрению”, он “отказался от ее обсуждения в Народной скупщине, так как это могло привести к принятию парламентом решения, имеющего силу закона” [12. С. 238]. После переговоров на Корфу Пашич отправился на конференцию по балканскому вопросу, которая проходила в Версале. Вместо того, чтобы официально представить соглашение державам, на что надеялись югославянские деятели, он лишь неохотно устно изложил ее содержание [6. Р. 101]. Державы Антанты, в свою очередь, придерживались старой позиции по вопросу о судьбе Австро-Венгрии [3. Ф. 170. Оп. 512 / 1. Д. 511. 1917 г. Л. 106].

Понимая, что США могут существенно повлиять на послевоенное устройство мира, сербское правительство в 1917 г. более активно попыталось получить поддержку администрации Вудро Вильсона. В частности, оно рассчитывало на помощь американского правительства в организации добровольческого движения [3. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4031. 1917 г. Л. 26].

Кроме того, Сербии удалось получить финансовую помощь нового союзника [9. Р. 651]. “Финансовая помощь Америки выразилась в трехмесячных авансах, по миллиону долларов в месяц. Первый трехмесячный взнос получен, и ведутся переговоры о новых авансах. Деньги от этих займов должны быть употреблены под самым строгим контролем, исключительно на связанные с войною издержки, военные заказы, помощь пленным сербам и населению Королевства. Один из поступивших миллионов долларов будет израсходован по соглашению со здешним американским представителем”, – докладывал в МИД Б.П. Пелехин, поверенный в делах России в Сербии, в октябре 1917 г. [3. Ф. 135. Оп. 474. Д. 288. 1917 г. Л. 104].

Более того, для ознакомления американских властей с военно-политической программой Сербии и обеспечения с их стороны политической поддержки в будущем было решено отправить за океан особую сербскую миссию. Рассматривался также вопрос поездке в Америку представителей Югославянского комитета⁵. В июле Н. Севастопуло, поверенный в делах России в Париже, телеграфировал в МИД: “Здесь сербский посланник Веснич конфиденциально сообщил мне, что его правительство посылает его в Америку во главе специальной миссии” [3. Ф. 134. Оп. 473. Д. 189а. 1917 г. Л. 217]. А в октябре 1917 г. Пелехин сообщал следующее: “Вероятно, в ближайшем времени выедет в С.А.С. Штаты Чрезвычайная сербская миссия, которая повезет президенту собственноручное письмо королевича-регента. Внешняя задача миссии – выразить благодарность за переход Америки в ряды союзников, за широкую поддержку Сербского Красного Креста и за недавно оказанную Сербии финансовую помощь. Практическою же целью будет вступление в сношения с югославянами в С.А.С. Штатах и, в особенности, с промышленниками в видах обеспечения будущих хозяйственных нужд Сербии. Во главе Чрезвычайной миссии будет постав-

⁵ Подробнее о сербской миссии в США см., например, [14. С. 43–73].

лен посланник в Париже Веснич, за сим в ней примут участие один или два бывших министра торговли, представители от армии, духовенства, санитарного ведомства и технические делегаты. Мысль о делегации от югославянского комитета временно отложена, так как С.А.С. Штаты, ненаходящиеся в войне с Австро-Венгрией, лишены возможности официально принять вместе с сербами лиц, состоящих теоретически подданными Монархии” [3. Ф.135. Оп. 474. Д. 288. 1917 г. Л. 104].

Следует заметить, что, поскольку в тот момент США не склонялись к поддержке распада Австро-Венгрии, то открытая пропаганда югославянского объединения была бы неразумным шагом. Прибывший в США Веснич не поднимал вопрос о государственной интеграции югославян в публичных выступлениях, однако затронул его в частных беседах о военных целях Сербии с Р. Лансингом и другими официальными лицами (27 декабря), а также 5 января с полковником Эдвардом Хаузом. Причем, когда Хауз (по указанию В. Вильсона) показал ему предварительный текст знаменитых “14 пунктов”, чтобы узнать его мнение, Веснич написал на полях черновика возражение против одиннадцатого пункта, касавшегося народов Австро-Венгрии. Однако его мнение не было учтено [9. Р. 651–652]. (В то же время речь Веснича, произнесенная 5 января 1918 г. в Американском Сенате, вызвала недовольство и разочарование Комитета, поскольку в ней говорилось исключительно об интересах Сербии (о чем Трумбич сообщил в письме престолонаследнику Александру от 29 января) [15. Кпј. 1. S. 60]).

Добавим, что осенью 1917 г. по договоренности с сербским правительством член Комитета Хинко Хинкович отправился в США, а в 1918 г. Югославянский комитет организовал поездку туда своего представителя Богумила Вошняка [16. Р. 188; 17. S. 287–288].

Очередной важной вехой в развитии югославянского движения стали “дипломатические” события начала 1918 г.: речь Д. Ллойд-Джорджа 5 января 1918 г. в Палате общин и выступление В. Вильсона 8 января с программой “14 пунктов”. Суть их позиции по национальному вопросу в Австро-Венгрии заключалась в признании необходимости предоставления югославянам автономии [15. Кпј. 1. S. 14; 18. Р. 138], что очень обеспокоило членов Комитета и побудило Трумбича к решительным действиям. 11 января появилось “Заявление Югославянского комитета” по поводу речи Д. Ллойд-Джорджа, в котором говорилось, что “причины недовольства угнетенных народностей Австро-Венгрии, которые – как это оправданно подчеркнул британский премьер – уже давно создавали угрозу всеобщему миру, нельзя устранить надеждой на некую весьма проблематичную демократизацию Австро-Венгрии на основе их самоуправления” [15. Кпј. 1. S. 24].

Трумбич также обратился за содействием к руководителям Сербии. 10 января он предложил сербскому правительству инициировать проведение “общего собрания” в Лондоне или Париже с участием престолонаследника, представителей сербской скупщины, Югославянского и Черногорского комитетов, организаций эмигрантов в Америке, омадины⁶, армии и добровольцев, которое бы продемонстрировало национальные стремления югославян [15. Кпј. 1. S. 23]. 12 января Трумбич советовал престолонаследнику и Пашичу изложить прави-

⁶ Югославянская объединенная омадина – организация югославянской революционной молодежи, нелегально созданная на Видовданском конгрессе в Вене в 1914 г.

тельствам Антанты свою точку зрения по поводу упомянутых заявлений Вильсона и Д. Ллойд-Джорджа, опираясь на Корфскую декларацию [15. Кнж. 1. S. 27]. 22 января в очередном послании Александру он выразил недовольство Комитета по поводу того, что сербское правительство не вняло его рекомендациям, в том числе и о созыве “общей скупщины” [15. Кнж. 1. S. 46–47]. Впоследствии он неоднократно поднимал вопрос об организации “общей скупщины”, но, как и в январе, безрезультатно.

Пашич же, несмотря на то, что заявления союзников произвели на него “самые плохие впечатления”, подстроился под новые обстоятельства. Официально в ноте союзным правительствам по поводу речи Д. Ллойд-Джорджа от 17 января, ссылаясь на принцип самоопределения и равноправность народов, он требовал объяснить, почему югославянские национальные стремления не учтены [15. Кнж. 1. S. 37–40]. Неофициально – давал понять, что, хотя Сербия продолжает выступать за распад Габсбургской империи и выполнение Корфской декларации, он готов к переговорам. Его минимальным требованием было присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины [9. P. 654]. 22 января премьер дал соответствующие инструкции сербскому посланнику в Вашингтоне Любомиру Михайловичу для информирования американского правительства [15. Кнж. 1. S. 44–45].

Подобные же инструкции были направлены Н. Пашичем сербским дипломатам в Париже и Лондоне. Выполнены они не были. Но об этих шагах сербского правительства стало известно Югославянскому комитету, что послужило поводом к очередному обострению отношений [9. P. 654]. «Югославянские деятели, полагавшие, что отделение Боснии и Герцеговины от Австро-Венгрии привело бы лишь к ослаблению в ней славянского элемента, и, следовательно, к уменьшению шансов на благоприятный исход в их борьбе за автономию югославянских областей в рамках империи в случае ее сохранения, упрекали Пашича за то, что колебнувшись в сторону “Великой Сербии”, он нарушил югославянскую солидарность» [2. С. 374].

В то же время Комитет продолжал активную агитационную деятельность в интересах сербов, хорватов и словенцев в Европе и Америке. В 1918 г. А. Трумбич надеялся на возможность изменения позиции Италии в отношении югославян [6. P. 101]. В конце 1917–1918 г. при содействии редактора газеты “The Times” Г. Уикхэм-Стида Трумбич встретился с некоторыми итальянскими политиками, включая главу итальянского правительства Витторио Орландо [6. P. 102; 19. P. 239–241, 247]. Результатом стало соглашение Трумбича с Андреа Торре, председателем специального комитета итальянского парламента, подписанное 7 марта 1918 г. Торре приехал в Лондон для переговоров с Трумбичем с целью заключить соглашение необходимое для проведения собрания представителей угнетенных народов из Австро-Венгрии. Только под влиянием историка и общественного деятеля Р.В. Сетон-Уотсона и особенно Уикхэм-Стида председатель Югославянского комитета пошел на это соглашение. По договору югославы признавали легитимность итальянской политики национального объединения, а итальянцы – югославянские стремления к объединению и независимости. Вопросы, касающиеся территорий, должны были решиться после войны на основе национального принципа и с учетом жизненных интересов обоих народов [6. P. 102; 19. P. 248–251].

По сути это соглашение ничего не решало, а лишь признавало несовместимость целей обеих сторон. Но этого было достаточно, чтобы в Риме состоялся Конгресс угнетенных народов (8–10 апреля 1918 г.) [6. P. 102]. На нем, в частно-

сти, присутствовали чешские, словацкие, румынские и югославянские (от Югославянского комитета, сербской скупщины, Югославянской дивизии на салоникском фронте) представители, итальянские политики, а также Сид и Сетон-Уотсон [19. Р. 265–266]. В одной части документа, который принял конгресс, повторялось соглашение Торре–Трумбич, а в другой – было провозглашено право славянских народов на свободу, политическую и экономическую независимость и содержался призыв к общей борьбе против Австро-Венгрии как главного препятствия в реализации их национальных стремлений [15. Кнж. 1. С. 172].

Этот конгресс вызвал воодушевление славян Австро-Венгрии и имел пропагандистский успех [6. Р. 103]. Возможно, его решения в некоторой степени повлияли на постепенное изменение отношения правительств Антанты к национальным движениям и их позиции по “австро-венгерскому” вопросу. Следует отметить и определенную роль в этом процессе пропагандистской деятельности Л. Михайловича и Югославянского комитета [16. Р. 193–194; 15. Кнж. 1. С. 196–198, 209–210, 211–217].

21 апреля Италия признала Чехословацкий национальный совет как правительство *de facto* [9. Р. 658]. 29 мая американское правительство сделало заявление о том, что стремления чехо-словаков и югославян к свободе вызывают его искреннюю симпатию. 3 июня в Версале представители Франции, Италии и Англии сделали подобные заявления в отношении чехо-словаков и югославян, а за поляками признали право на объединение и государственную независимость. 28 июня последовало заявление американского правительства о том, что “все ветви славянского народа должны быть полностью освобождены от немецкой и австрийской власти” [15. Кнж. 1. С. 203, 204, 220].

Изменение мнения союзников относительно решения национального вопроса в Австро-Венгрии в апреле–июне 1918 г. существенно повлияло на позицию сербского правительства. Теперь, когда дезинтеграция Австро-Венгрии могла стать реальностью, Пашич снова вернулся к югославянской программе⁷.

Югославянский комитет, в свою очередь, также решился на более активные действия. В июле А. Трумбич пытался организовать второй конгресс угнетенных народов Австро-Венгрии в Париже, но это намерение успехом не увенчалось [15. Кнж. 1. С. 223, 225, 234].

Не принесло результатов и его стремление добиться официального признания Комитета со стороны сербского руководства. Сербское правительство придерживалось позиции единственного представителя интересов югославян и руководителя югославянского движения. В августе Уикхем-Сид и Сетон-Уотсон попытались вмешаться в отношения сербского правительства и Югославянского комитета, защищая интересы последнего. Но это лишь усугубило конфликт между ними [9. Р. 658–661].

⁷ Заметим, что чуть раньше (28 марта) он одобрил идею проведения конгресса представителей поработанных народов Австро-Венгрии [15. Кнж. 1. С. 144]. 30 марта в “Декларации сербского правительства” о внешней политике и целях в войне говорилось о свободной и объединенной Югославии [15. Кнж. 1. С. 151]. 27 апреля премьер в речи в скупшине заявил, что национальный идеал югославян выражен в Корфской декларации, а их желанием является освобождение и объединение [15. Кнж. 1. С. 178]. Кроме того, Пашич и Воислав Йованович, возглавлявший прессбюро при сербской миссии в Вашингтоне, официально выразили удовлетворение по поводу заявления Лансинга 29 мая [20. С. 176].

Кроме того, в течение нескольких месяцев Трумбич добивался признания союзниками Сербии Комитета в качестве официального представителя югославян Австро-Венгрии. Он понимал, что без такого признания Комитет не сможет повлиять на образование югославянского государства. Однако и здесь его усилия оказались тщетными [6. P. 103–104].

Следует отметить, что развитие ситуации на фронтах в сентябре, а также ответ В. Вильсона на мирные предложения Австро-Венгрии 18 октября, где речь уже шла о полном освобождении чехословаков и югославян [1. S. 179], способствовали упрочению позиции Сербии.

27 сентября Пашич заявил парижским газетам о необходимости признания союзниками права Сербии освободить своих братьев и объединиться с ними в единое независимое государство [15. Knj. 1. S. 303–304]. В октябре он еще несколько раз выступил перед прессой по поводу объединительной программы Сербии и решения югославянского вопроса [15. Knj. 1. S. 349, 357–259, 366–367]. Так, 17 октября в его заявлении газете “The Times” утверждалось, что сербское правительство следует Корфской декларации, его цель – освобождение югославян, обеспечение для них права самоопределения, чтобы они сами решили, хотят ли они объединиться с Сербией на основе Декларации или образовать свои государства [15. Knj. 1. S. 365–366].

Так и не получив признания Комитета со стороны сербского правительства, Трумбич в конце октября обратился за поддержкой к югославянским деятелям в Австро-Венгрии [15. Knj. 2. S. 425–427]. Заметим, что развитие военной и международной ситуации способствовало более решительным действиям последних. 5–6 октября было сформировано Народное вече сербов, хорватов и словенцев в Загребе, провозгласившее себя представителем всех югославян Австро-Венгрии. 29 октября хорватский сабор заявил о разрыве связей Королевства Хорватии, Славонии и Далмации с Австро-Венгрией и создании суверенного Государства словенцев, хорватов и сербов (Государство СХС). Затем словенский Национальный совет принял решение об отделении Словении от Австрии и вхождении ее в Государство СХС. 31 октября Государство СХС вышло из войны [2. С. 375–376]. 1 ноября Народное вече сообщило Югославянскому комитету и правительствам Антанты, что оно уполномочивает Комитет представлять Государство СХС на международной арене [9. P. 664].

Разногласия же сербского правительства и руководителей югославянской эмиграции усилились после Женевской конференции, проходившей 6–9 ноября 1918 г. В совещаниях также участвовали представители Народного веча в Загребе (подробнее см.: [9. P. 666–671]). Результатом трудных и длительных переговоров стало подписание “Декларации” 9 ноября, в которой говорилось о объединении югославян в единое государство, которое на внешнем уровне будет представлять “общее министерство сербов, хорватов и словенцев”, а внутренними делами на каждой территории будут продолжать управлять “правительство королевства Сербии” и “Народное вече в Загребе” до тех пор, пока Учредительное собрание объединенных сербов, хорватов и словенцев не примет конституцию, определяющую устройство государства [1. S. 236–237]. Однако позже решения конференции были отвергнуты и сербским руководством, и большинством Народного веча [2. С. 379].

В конце войны международное влияние Югославянского комитета упало окончательно [4. С. 321–322]. Народное вече, непризнанное со стороны великих держав, также оказалось в тяжелом положении из-за отсутствия собственных

вооруженных сил, для сопротивления итальянской агрессии, и государственного аппарата, чтобы справиться с внутренним хаосом [2. С. 376–377]. В результате представители югославянских земель бывшей Австро-Венгрии вынуждены были принять решение об объединении с Сербией. 1 декабря Александр Карагеоргиевич провозгласил создание Королевства сербов, хорватов и словенцев...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920.
2. *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии // На Путиях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов к. XVIII – н. XX вв. М., 1997.
3. Архив внешней политики Российской Империи.
4. *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. М., 1975.
5. *Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925.
6. *Stokes G.* The Role of the Yugoslav Committee in the Formation of Yugoslavia // Stokes G. Three Eras of Political Change in Eastern Europe. New York, 1997.
7. *Banac I.* The National Question in Yugoslavia. Ithaca; London. 1984.
8. *Екмечић М.* Стварање Југославије, 1790–1918. Београд, 1989. Д. 2.
9. *Petrovich M.* A History of Modern Serbia, 1804–1918. New York, London, 1976. Vol. II.
10. Дипломатска преписка српске владе 1917 год. Збирка докумената. Београд, 1984.
11. *Djordjevic D.* The Yugoslav Phenomenon // The Columbia History of Eastern Europe in the Twentieth Century. New York; Oxford, 1992.
12. *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968.
13. *Pavlowitch S.* A History of the Balkans, 1804–1945. London; New York, 1999.
14. *Krizman B.* “Srpska ratna misija” u SAD (decembar 1917 – februar 1918) // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1968. Br. 1–2.
15. Грађа о стварању Југословенске државе. Београд, 1964.
16. *Prpic G.* The South Slavs // The Immigrants' Influence on Wilson's Peace Policies. Lexington, 1967.
17. *Vošnjak B.* U borbi za ujedinjenu narodnu državu. Ljubljana; Beograd; Zagreb, 1928.
18. Documents of American History. Englewood Cliffs, 1973.
19. *Seton-Watson H., Seton-Watson Ch.* The Making of New Europe. R.W. Seton-Watson and the last years of Austria-Hungary. Seattle, 1981.
20. *Павловић В.* Штампa САД о Србији // Научни скуп Србија 1918 године и стварање југословенске државе. Београд, 1989.

© 2008 г. М. В. ОСЛОН

ЗАКОН КРИЖАНИЧА В ЯЗЫКЕ Ю. КРИЖАНИЧА

Славянская акцентная парадигма (а.п.) *b* восходит к балтославянскому неподвижному акцентному типу и соответствует литовской а.п. 2. Для праславянского состояния слов а.п. *b* традиционно восстанавливаются формы с ударением, сдвинутым на один слог вправо от корня: **osà*, вин. **osò* (*a*-основы) и **grěxъ*, род. **grěxà* (*o*-основы). Но в ряде случаев ударение остается на корне и отражается в виде нового акута¹. Обычно это объясняется оттяжкой со слабого редуцированного (или отсутствием на него сдвига), например, **grěxъ* (или **grěxь*), **grěšъnikъ* (или **grěšъnikъ*). Имеются также позиции, в которых не наблюдается сдвига по каким-то иным причинам, сравни наст. вр. глаголов на *-i-*: 1 л.ед. **nošò*, но 2 л.ед. **nòsīši*². Осмысление природы а.п. *b* связано с реконструкцией различных сдвигов и оттяжек, приведших в итоге в одних случаях к ударению на один слог правее корня, а в других – к новоакутовому ударению на корне.

Итак, а.п. *b* своим появлением обязана сдвигом ударения на слог вправо с краткостного или циркумфлектированного доминантного слога. Некоторые окончания, “в которых слог с доминантным акутом находится в ауслaute” [2. С. 15], должны были быть ударными уже в праславянский (или балтославянский) период (сравни им.ед.ж. **ženā*, 1 л.ед.наст. **mogò*). Затем эти окончания сократились (как и в балтийском).

Перечислим случаи, где на всей славянской территории в а.п. *b* представлен накоренной новый акут (см. табл. 1). Если в них усматривать сохранение исконного накоренного ударения без сдвигов вправо, то это положение следует признать праславянским (напрямую отождествляя, таким образом, славянский новый акут и балтийский доминантный циркумфлекс). Во всех этих формах за корнем как будто следует долгота неясного происхождения, так или иначе заведительствованная во многих славянских диалектах [1. С. 22].

Кроме этих случаев нового акута, имеется еще одна группа позиций, в которых ряд славянских диалектов показывает накоренное ударение. Речь идет о “законе Крижанича”. Его действие заключается в том, что при наличии двух долгот подряд в словах а.п. *b* ударение остается на корне в виде рефлекса, неотличимого от нового акута. В наиболее чистом виде это проявляется в говоре са-

Ослон Михаил Владимирович – аспирант РГГУ.

¹ Ниже термин “новый акут” мы применяем обобщенно, независимо от его отождествления с балтославянским циркумфлексом или его объяснения оттяжкой.

² Обзор истории этого вопроса см. в [1. С. 65].

сущ. на на -jā		*vòlā ³ *strāžā
наст. вр. глаголов	итеративы (а.п. b ₁)	*nòsīši *slūžīši
	инхоативы (а.п. b ₁)	*tòpnēši *zēbnēši
	на -e-	*mòžēši
	на -je-	*čèšēši *pīšēši

мого Ю. Крижанича, сравни краткосложное *vòl*: *волòв*, *волм̃*, но долгосложное *krāl̃*: *krāl̃ев*, *krāl̃ми* (*krāl̃ы*).

Важно выяснить, является ли это положение результатом поздней оттяжки со второго долгого слога на первый, или же в первом слоге представлено исконное несдвинутое праславянское новоакутовое ударение. Рассмотрим все позиции, где наблюдается это явление, ограничиваясь лишь одним диалектом (говором Ю. Крижанича), не прибегая, тем самым, ко внешним сравнениям.

Акцентная система Крижанича

Говор Крижанича имел как минимум три типа ударения: долготное, ср. *klétva* [*klétva*], и два краткостных, ср. *brát*, *sòm*. Краткостные ударения чередуются в конце слов в зависимости от синтаксического окружения, но различаются слабо (поэтому мы в транскрипции пишем [*brát*], [*sòm*]). При наличии предударной долготы в слове конечное краткостное ударение часто не обозначается, ср. *glāva* наряду с *glāvā* [*glāvā*]. В двух из трех привлекаемых к исследованию трудах – “Обясньенје виводно” (далее – ОВ) [3] и “Граматично изказанје” (далее – ГИ) [4] предударная долгота обозначается последовательно, в “Политике”⁴ (далее – Пол.) [5] же она практически отсутствует. В случаях, когда “общая” орфография Крижанича заметно искажает его (реконструированное) старохорватское произношение⁵, для ясности будет даваться полная или частичная транскрипция.

Новый циркумфлекс и вторичные долготы

В ряде славянских диалектов на месте старого акута в определенных условиях появляется особое долготное ударение, названное “новым циркумфлексом”, так как его современный рефлекс фонетически не отличим от славянского циркумфлекса [1. С. 21]. У Крижанича несколько таких позиций:

1. Формы род.мн. с нулевым окончанием, возникшим из и.-е. **-ōm*, сравни *rúba* [*rība*] (а.п. *a*), но *rúb* [*rīb*] < **rjǫbǫ*.

³ В русском это слово засвидетельствовано и с конечным ударением (в Чудовском Новом Завете), но это может быть результатом местного развития.

⁴ К сожалению, нам было доступно только ее издание, изобилующее опечатками, в особенности в плане обозначения ударений.

⁵ Реконструкцию мы здесь опускаем, но она довольно однозначно вытекает из анализа различных написаний Крижанича и, в особенности, его собственных объяснений.

Распределение акцентов

схема	клитики	место акцента в слове		
		<u>1</u> _ _ <u>1</u> _ _ <u>1</u>
1	ǀ	[...]	<i>bīt</i>	
2	ǀ	[...]	<i>grād</i>	
3	(ǀ) ǀ	[...] [...] ◇ [...]	<i>bōgom</i> <i>vēl si</i> <i>ū gradu</i>	<i>rukāmi</i> <i>dobrō bo</i> <i>ot tīhe</i> <i>prostogā</i> – <i>ot zlā</i>
4	(ǀ) ǀ	[...] [...] ◇ [...]	<i>sēlskim</i> <i>dāl bih</i> –	<i>promīneno</i> <i>gradē se</i> <i>ot šūmnih</i> <i>zemļē</i> – <i>sā zlīm</i>
5	_ ǀ	[...] [...] ◇ [...]		<i>zāmōrje</i> <i>hārvātī bo</i> – <i>licē</i> – –
6	_ ǀ	[...] [...] ◇ [...]		<i>rūkū</i> – – –

2. Притяжательные прилагательные на *-*vj-*, ср. *rūbūi* [rībji] < **rūibьjь*, *bābūi*, *ntūčūi*⁶.

3. Членные формы производных прилагательных, сравни *māli* [māli] < **mālъ-jь* от *māl* [māl] < **mālъ* (а.п. *a*).

Первая позиция объединяет всю сербохорватскую и словенскую области, сравни шток. *krāva*, *krāvā*, словен. *kráva*, *krāv*. Остальные – словенскую и часть сербохорватской, сравни словен. *rībji*, *bābji*, *krāji*, но шток. *рїбљи* и т.д. Все эти позиции характеризует наличие какой-то особой долготы в следующем за корнем слоге. В позициях 2 и 3 имело место стяжение при участии сверхкраткого. Можно предположить, что в результате получилось что-то вроде долгого ера, после чего эта избыточная долгота частично передалась предыдущему слогу: **rūibьjь* > **rūibjьь* > *rībji*; род.мн. **mālъ-jixъ* > **mālъ-ix* > *mālih* (Криж. *māliux*).

Ясно, что появление нового циркумфлекса на месте старого акута в словах а.п. *a* так или иначе связано с изменениями сверхкратких. Аналогичное явление, хотя, вероятно, иного (более позднего) происхождения, у Крижанича представлено и в остальных акцентных парадигмах. В тех же самых позициях в а.п. *b* и *c* наблюдается долготный рефлекс независимо от праславянского количества корня:

1. Род.мн.: *жѣн* [žēn] < **žēnъ* (или **ženъ*) от *женá* (а.п. *b*); *нōг* < **nogъ* от *ногá* (а.п. *c*). Здесь, по-видимому, мы имеем дело с “классическим” (т.е. ретракционным) славянским новым акутом, ср. шток. *жѣнā* (в отличие от более старого шток. *krāvā*). Такое же удлинение происходит в окончаниях *-ov* (распространенном из *u*-основ), ср. *синōв* < **synōvъ* и по аналогии *градōв*. В остальных позициях налицо именно новый циркумфлекс, а не новый акут.

2. Притяжательные: *кōзѣи* от **kozā* (а.п. *b*); *бōжѣи* от *bōgъ* (а.п. *c*).

⁶ Исключение: *дивичѣи*, от *дивѣца*. Возможно, это слово более позднего происхождения или несвойственно говору Крижанича.

3. Членные формы прилагательных: *dôbriъ* [dôbri] от *dôber* [dôbar] < **dôbrъ* (а.п. *b*), род.ед.м. *dôbrá*, *dôbrogôd* [dôbrogâ]⁷; *prôstъ* от *prôst* [prôst] < **prôstъ* (а.п. *c*) (с удлинением в подвижной односложной форме), ж. *prôstá*, род.м. *prôstogôd*.

4. Собираательные на *-je* с приставками *незгôдъje*, *безрêдъje* < **безъ-рêдъje* (такие приставочные имена вторично неподвижны)⁸.

Во всех перечисленных случаях ударение стоит на корне (в односложных формах – на первой из двух долгот), независимо от акцентной парадигмы производящего. Таким образом, неизменяемые прилагательные, различаясь в нечленных формах (а.п. *a*: *mál*, *mála*, *málo*; а.п. *b*, краткосложные: *dôber*, *dôbrá*, *dôbrô*, долгосложные: *mûdêr*, *mudrá* [mûdrâ], *mûdro*, а.п. *c*, краткосложные: *prôst*, *prôstá*, *prôsto*, долгосложные: *svêt*, *svêtá*, *svêto*), полностью слились в одном типе склонения членных форм.

Очевидно, что стяжение с участием сверхкраткого приводит к долготе в предыдущем слоге (новый циркумфлекс). Судя по всему, оно произошло до падения еров, т.е. удлиняло корневой слог, только если он непосредственно предшествовал стягивающимся слогам. Взглянем на членные формы (чл.ф.) прилагательных с односложной основой: от *jûz* < **jûgъ* (а.п. *a*) образовано прилагательное **jûzъ-ьп-ъjъ*, которое у Крижанича всегда выступает в членной форме и без удлинения, ср. *jûznaia* [jûzna], *jûznoi* и т.д. Аналогично *jesûk* (а.п. *a*): *jesûчноъ*, *jesûчние*.

Итак, появление нового циркумфлекса на месте старого акута в ряде форм слов в словах а.п. *a* отражает, видимо, весьма ранний процесс. У Крижанича по крайней мере в одном случае новый циркумфлекс проявляется и в перетяжке на начальный слог, ср. *velûk*, *velûka* (а.п. *a*), но чл.ф. *vêliки*, *vêliка*. Удлинение же перед стяжением (или долгим ером) в словах остальных двух акцентных парадигм, вероятно, представляет собой более новое явление. В этом случае не происходит перетяжки на начальный слог, ср. *bogát*, *-o*, *-a*, чл.ф. *bogátъ* (а.п. *a*); *visôk*, *visokô*, *visoká*, чл.ф. *visôкиъ*, *wisôkaia* (а.п. *b*).

Кроме того, наблюдается удлинение в формах множественного числа слов среднего рода, ср. *sêla* при *selô* (об этом см. ниже).

Имелось также чисто фонетическое (заместительное) удлинение гласных перед сонантами в закрытом слоге перед павшим ером, ср. **sîlъna* > *sîlna* при **sîlъnъ* > *sîlen*, **sêlъskъjъ* > *sêlsки* (но **brâtrъskъjъ* > *brâtsки*). Перед новым окончанием тв.мн. *-mi* слов мужского рода (вместо *-i* < *-y*) это удлинение происходит лишь спорадически (если происходит), ср. *цápmи*, *stwórmi*, из чего можно сделать вывод, что замена падежного окончания произошла, когда удлинение уже не действовало. Судя по всему, оно происходило только в ударных слогах, ср. краткий предупредительный в тв.мн. *орлû*, прил.чл. *зорнûй*⁹. Оно отсутствует

⁷ По виду членные, но конечноударные формы типа *dôbrogôd*, *dôbrômû* употребляются как нечленные и сохраняют конечное ударение старых нечленных форм *dôbrá*, *dôbrû*, также используемых Крижаничем.

⁸ Это же, возможно, имеется и в бесприставочных собираательных типа *zêrnie*, *rêrie*, *vesêlje*, но в этих случаях долгота неотличима от удлинения в закрытом слоге перед сонантом (см. ниже).

⁹ В исключительных случаях вроде императива *nâjmû*, *zâjmû*, *pôjmû* (только с этим глаголом) долготу, видимо, следует объяснять аналогией с личными формами настоящего времени, ср. *nâjмем*, *pôjмем* и т.д., где заместительное удлинение было в ударном слоге, хотя в прочих формах приставка краткая, ср. *nâjel*, *pôjel*. Сокращение приставок в глаголах было морфологическим, ср. имя *nâjem* [nâjâtm].

также после долготного слога (например, в приставке). Речь идет именно о запрете на удлинение, а не об устранении корневой долготы¹⁰, что можно установить по сокращению приставки и сохранению долготы корня там, где она исконна, ср. *начáлник* (от *начáло* [начéлѡ]), *придѣвник* (от *придѣвам*, вторичный имперфектив). В иммобилизованных приставочных именах краткость первична (ср. *зáкѡн*, *зáкѡна*). То же самое видно и в суффиксальных образованиях, где суффикс не удлиняется после долготной приставки, ср. *крáльѣвскѣй*, но *волѡвскѣй* и др. (см. табл. 3).

Таблица 3¹¹

тип слова	после краткого	после долгого	производящее
приставочные сущ. на <i>-je</i>	<i>невѣрje</i>	<i>прѣвѣрje</i>	<i>вѣра</i>
прилагательные на <i>-n-</i>	<i>невѣрни</i>	<i>ѣзвѣрноь</i>	<i>ѣзвѣр</i>
существительные на <i>-nik</i>	<i>покѡрник</i>	<i>беззáкѡнник</i>	<i>зáкѡн</i>
существительные на <i>-nica</i>	<i>покѡрница</i>	<i>нáрáмница</i>	
существительные на <i>-*ъk-</i>	<i>побѣрки</i>	<i>зábáвка</i>	<i>зábáва</i>
превосходная степень на <i>paj-</i>	(мѣньши)	<i>нá́мѣньши</i>	<i>мѣнье</i>

Подобный запрет, вероятно, имелся на удлинение после долготы перед стяжением конечного *-*ъje*, но с колебаниями, ср. *безрѣдje*, но *ѣзрѣдje* при *ѣзрѣд*, *бездѣшje* при *бездѣшен* и др.

Имеется еще несколько типов удлинения (зв.ед. а.п. *b*, ср. *сѣстро* и др.), но их рассмотрение не входит в наши цели, поскольку они не имеют прямого отношения к закону Крижанича и многие из них, вероятно, не являются чисто фонетическими.

Сокращенные долготы

Основные позиции сокращения праславянских внутренних долгот:

1. Перед старым акутом (праславянское сокращение): “перед былой срединной подударной акутированной долготой праславянские долготы сократились” (формулировка Л.А. Булаховского в [1. С. 84]): **rǫkǫti* > **rukǫti* > *рукáми* при *рѣкà*; **gǫlvǫtǫ* > **glavǫtǫ* > *главáт* при **gǫlvǫ* > *глáвà*; **mǫldǫca* > **mladǫca* > *младíца* при *млáд*, *млáдíх*. Это сокращение не происходит в приставках неподвижных имен с краткостным корнем, независимо от их исконного количества, ср. *зábáва*, *нáрѡд*. Эти имена подверглись иммобилизации, и краткостное ударение корня было, видимо, обобщено (судя по всему, довольно поздний процесс). В глаголах же все приставки сократились, ср. *зábáвим* (в корне старый акут), *принѣсел* [priněsəl] (новый акут краткостей). Заметим, что сокращение происходило и в словах с акутированными суффиксами, образованных от производящих а.п. *b*, ср. *крáльíц* [kralʲit͡s] < **krǫlʲit͡s*, *крáльíца* < **krǫlʲit͡sa*, из чего следует, что в них ударение стояло на суффиксе уже в праславянском.

¹⁰ Как сказано, в частности, в [1. С. 142].

¹¹ См. более подробную таблицу в [1. С. 142] с учетом внесенных нами поправок, т.е. спорadicности удлинения в новом твор.мн. на *-ti* и толкования данного явления как запрета на удлинение.

Таблица 4

форма	часть речи	долгий	краткий (или односл.)
род.ед.ж.	сущ. на -а-	<i>рӯкѣ</i>	<i>женѣ</i>
	прил.	<i>дрѣгѣ</i>	<i>добрѣ</i>
твор.ед.ж.	сущ. на -а-	<i>глѣвѣм</i> <i>рӯкѹ</i>	<i>земльѣм</i> <i>земльѹ</i>
	местоим. (прил.?)	?	<i>својѹ</i> <i>всѹ</i>
твор.ед.м.	прил.	<i>чѣрнѣм</i>	<i>добрѣм</i> <i>злѣм</i>

Таблица 5

(подчеркнуты формы с неожиданной долготой в корне)

	ед.	мн.
им.	<i>рӯка</i>	<i>рӯке</i>
вин.	<i>рӯку</i>	
род.	<i>рӯкѣ</i>	<i>рӯк</i>
дат.	<i>глѣви</i>	<i>рукѣм</i>
твор.	<i>рӯкѹ</i>	<i>рукѣми</i>
мест.	<i>рӯкѹ</i>	<i>рукѣх</i>
зват.	<i>глѣво</i>	

2. Перед долготным ударением (кроме нескольких морфологических позиций, см. ниже), ср. **gōrdēxъ* > *gradēx* [*gradih*], **gōrdišъ* (или **gordišъ*) > *gradīш*.

3. Заударные долготы, ср. *рѹбар* < **rŭbārъ* при *овчѣр* < **ovъčārъ*.

4. Все долготы левее предупредного слога.

5. Все клитики.

Исходя из приведенных наблюдений можно установить относительную хронологию удлинений и сокращений.

Две долготы подряд

Крижанич сообщает, что два “долгих” ударения могут стоять только на двух последних слогах. Это бывает только в нескольких морфологических позициях (см. табл. 4), причем в этих же позициях на конце выступает “высокое” ударение, если предпоследний слог краткий (или слово односложно).

Это единственные позиции наличия в одном слове двух долгот. Очевидно, что “высокое” ударение не может стоять после “долгого” и претерпевает в этом случае некоторое тональное преобразование. Фонологически такие формы можно считать конечноударными с ударением, соответствующим “высокому”. Во всех остальных случаях в говоре Крижанича в слове может быть только одна долгота.

Как сказано выше, перед долготным ударением долготы должны были сократиться. Все слова с двумя долготами относятся к а.п. с, следовательно, ударение в них исконно падало в этих формах именно на окончание. В ед.ч. три из пя-

(подчеркнуты формы с накоренным ударением)

	а.п. <i>b</i>				а.п. <i>c</i>	
	односложная основа		основа с ером			
	кратк.	долг.	кратк.	долг.	кратк.	долг.
им.	<i>вòл</i>	<i>к^ра́ль</i>	<i>к^оне́ц [-ãс]</i>	<i>н^име́ц [-ãс]</i>	<i>бòг</i>	<i>г^ра́д</i>
род.	<i>вола̀</i>	<i>к^ра́льа́</i>	<i>к^онца́</i>	<i>н^исца́ [-ã]</i>	<i>бо̀га</i>	<i>г^ра̀да</i>
дат.	<i>волу̀</i>	<i>к^ра́льу [-ÿ]</i>			<i>бо̀гу</i>	<i>г^ра̀ду</i>
твор.	<i>к^онье́м</i>	<i>к^ра́лье́м</i>			<i>бо̀гом</i>	
мест.	<i>к^опу́</i>	<i>к^ра́льу [-ÿ]</i>			<i>бо̀гу</i>	<i>г^ра̀ду</i>
им.	<i>волѝ</i>	<i>к^ра́льи [-ÿ]</i>	<i>к^онци́</i>	<i>н^имци́</i>	<i>стро́уи</i>	<i>г^ра̀ди</i>
род.	<i>воло̀в</i>	<i>к^ра́льев</i>	<i>к^оне́ц [-ãс]</i> <i>о̀тсе́в</i>	<i>н^име́ц [-ãс]</i> <i>н^исцев</i>	<i>бо̀гов</i>	<i>г^ра̀дов</i>
дат.		<i>к^ра́льем [-ëт]</i>	<i>о̀тсе́т</i>	<i>н^исцем [-ëт]</i>	<i>стро́ием</i>	<i>г^ра̀дом</i>
твор.	<i>во́лми́</i>	<i>к^ра́льи</i> <i>к^ра́льми</i>	<i>к^онци́</i>	<i>н^имци</i>	<i>бо̀гми</i>	<i>г^ра̀дми́</i>
мест.	<i>к^ону́е́ч [-ih]</i>	<i>к^ра́льи́х</i>	<i>к^онци́х</i>	<i>н^имсе́ч [-ih]</i>	<i>до́ме́ч</i>	<i>г^ра̀дех</i>

ти конечноударных форм должны были сохранить исконную долготу, так как за ней следовало краткостное ударение (сокращенный конечный старый акут). В конечноударных формах мн.ч. долгота сократилась перед старым акутом, создавая контраст между долготой в ед.ч. и краткостью во мн.ч. Таким образом, в формах род.ед. и твор.ед. долгота, судя по всему, вторична и заимствована из других падежных форм ед.ч.

Признав эти случаи аналогическими, попытаемся выяснить, в каких условиях в предке говора Крижанича возникали две долготы подряд, чтобы проверить, действительно ли во всех таких случаях ударение стоит на первой из двух долгот, т.е. во всех ли таких случаях действует закон Крижанича.

Позиции действия закона Крижанича

1. Падежные формы слов а.п. *b*, в которых восстанавливаются долготные флексии: род.мн. на *-òv* (и *-ãC < -*ǝCǝ*), твор.мн. на *-mī* (и *-ī < -*y*), мест.мн. на *-ih* (мужского рода). Здесь наблюдается строгое распределение: краткосложные показывают ударение на флексии, долгосложные – на основе. В словах а.п. *c* закон Крижанича не действует, так как перед ударными долготными окончаниями корни сократились (см. табл. 6).

Действие закона Крижанича наблюдается во всех без исключения словах указанного типа. Необходимым условием для его действия является наличие двух долгот подряд, причем уже после падения еров. Это явствует из того, что ему подчиняются слова с павшими сверхкраткими, что видно, в частности, в производных со сверхкратким доминантным суффиксом. Они относятся к а.п. *b*, независимо от парадигмы производящего слова (а.п. *b* или *c*). Так, закону Крижанича подчиняются все образования на *-*ьсь*, ср. *о́тац*,

		им. ед. и мн.	род., тв., мест. мн.
кратко- сложные	без беглой гласной	<i>лѣв, левѣи вѣдл, волѣи вѣдр, вѣдрѣи кѣднь, коньѣи мѣч палѣишѣи (вар. палѣиши) топорѣи пѣстѣл свидѣк</i>	<i>левѣв, левѣи волѣв, волѣи вѣдрѣв, вѣдрѣи, вѣдрѣч кѣдньѣи, кѣдньѣв, кѣдньѣи, кѣдньѣч мѣчѣи палѣишѣв, палѣишѣи топорѣи, топорѣч пѣстѣлѣи, пѣстѣлѣи свидѣкѣв, свидѣкѣч</i>
	с беглой гласной в основе	<i>пѣсѣл, пѣслѣи орѣл, орлѣи огѣнь, огньѣи овѣн, овнѣи</i>	<i>пѣсѣлѣв, пѣслѣи орѣлѣи, орлѣи огньѣи овнѣв</i>
	с еровым суффиксом	<i>конѣц, конѣцѣи отѣц, отѣцѣи новѣц, новѣцѣи</i>	<i>конѣцѣи, конѣцѣи, конѣцѣч отѣцѣи, отѣцѣв, отѣцѣи, отѣцѣч новѣцѣи</i>
долго- сложные	без беглой гласной	<i>латѣни грѣх, грѣхи крѣль, крѣльѣи трѣдѣ, трѣдѣи блѣдѣ, блѣдѣи нѣт, нѣтѣи хервѣт, хервѣтѣи господѣр, господѣри</i>	<i>латѣнов грѣхов, грѣхи крѣльѣв, крѣльѣи, крѣльѣч трѣдѣв, трѣдѣч блѣдѣи нѣтов, нѣтѣч хервѣтов, хервѣтѣи, хервѣтѣч господѣров, господѣри</i>
	с беглой гласной в основе	<i>вѣгер, вѣгри ѣрем, ѣрѣи ѣрок, ѣрки нѣжем</i>	<i>вѣгров, вѣгри ѣрѣмов, ѣрѣи ѣрки нѣжтов</i>
	с еровым суффиксом	<i>нѣмѣц, нѣмѣцѣи свѣтец пѣсѣц, пѣсѣцѣи добѣток, добѣтѣи</i>	<i>нѣмѣцев, нѣмѣци, нѣмѣчѣч свѣтѣцев пѣсѣцев добѣтков</i>

*отѣц*¹², *отѣв*, но *свѣтец* [svě̃t̃ac], *свѣтцев*, на *-*ѣкъ*, ср. *добѣток* [-ãk], *dobítkow* (примеров мало, так как большинство слов с этим суффиксом, в том числе все краткосложные, вторично неподвижны), а также слова с ером в праславянской основе, ср. *орѣл*, род.мн. *орѣл* [orãl], твор.мн. *орлѣи*; *пѣсѣл* [posãl], *пѣсѣлѣв*, со. . . *пѣслѣи*, но *ѣрем* [-am], *ѣрѣмов*, *ѣрѣи* (см. табл. 7).

Рассмотрим имена на *-*ѣсь*. У Крижанича они могут относиться к а.п. *a* (от производящих а.п. *a*) и а.п. *b* (от производящих а.п. *b* и *c*). На какой-то стадии передвижения акцента (вправо с краткого доминантного), производные от а.п. *b* и от а.п. *c* слились в одном акцентном типе (а.п. *b*). Это слияние следует считать закономерным, так как оно имеет место также в производных на *-*ѣкъ*. В результате эти производные перераспределились по долготе или краткости корневого слога, подпав под действие закона Крижанича (см. табл. 8).

¹² В этих формах, данных Крижаничем как пример “хорватского” диалекта, представлено сербохорватское отражение еров (обычно в текстах вместо /a/ < *ѣ, *ѣ он пишет буквы ‘e’ или ‘o’).

	от а.п. <i>a</i>	от а.п. <i>b</i> →	←	от а.п. <i>c</i>
1	<i>stǎrǝsь, stǎrǝca</i>	<i>kǒnǝsь, kǒnǝca, kǒnǝcǝxь</i> <i>sŭđǝsь, sŭđǝca, sŭđǝcǝxь</i>		<i>gǒnǝsь, gǒnǝca, gǒnǝcǝxь</i> <i>svĕtǝsь, svĕtǝca, svĕtǝcǝxь</i>
2		<i>konǝsь, konǝca, konǝcǝxь</i> <i>sŭđǝsь, sŭđǝca, sŭđǝcǝxь</i>		<i>gonǝsь, gonǝca, gonǝcǝxь</i> <i>svĕtǝsь, svĕtǝca, svĕtǝcǝxь</i>
3				
4	<i>stǎrac, stǎrca</i>	<i>konǎc, koncǎ, koncĭh</i> <i>gonǎc, goncǎ, goncĭh</i>		<i>sŭđǎc, sŭđcǎ, sŭđcĭh</i> <i>svĕtǎc, svĕtcǎ, svĕtcĭh</i>

При данной интерпретации закон Крижанича выглядит как поздняя оттяжка ударения назад, иначе пришлось бы восстанавливать два разнонаправленных процесса примерно в одно и то же время: **svĕtǝca > *svĕtǝcǎ* и **svĕtǝcǝxь > *svĕtǝcǝxь*.

2. Членные формы прилагательных. Как сказано выше, у непроизводных прилагательных членные формы всегда имеют накоренное долготное ударение. Точно так же ведут себя членные формы страдательных причастий на *-en-* и *-an-*, имеющих в нечленных формах наконечное ударение. В их членных формах ударение долготно и стоит на суффиксе, как будто оно оттянуто с окончания на удлинённый суффикс, ср. *речѣн, речѣнѣ, речѣнѣ*, род.ж. *uczinyenĭje* [-ĕ], но чл.ф. *reczĕni, reczĕnogo, izreczĕnim* и т.д. (так во всех падежных формах).

Прилагательные же, образованные с помощью сверхкратких суффиксов, ведут себя иначе. Разберем прилагательные с суффиксом *-ьн-*. Этот суффикс рессивен, поэтому данные прилагательные имеют все три акцентные парадигмы. От а.п. *a*: *вѣрен*; от а.п. *b*: *бѣден* [*bidǎn*], *бѣдно* (на краткосложные нет примеров); от а.п. *c* краткосложные: *гѣден, гѣдно, гѣднѣ* и *гѣдна* и долгосложные: *дѣвен* [*dĭvan*], *дѣвно*.

Поведение членных форм а.п. *a* тривиально: они сохраняют колонное краткое ударение на корне (старый акут), ср. *рѣтное* [*rǎtno*], *бесѣдных*, *прѣведен*¹³. В чл.ф. а.п. *b* и *c* наблюдается довольно четкое распределение по количеству корня: краткосложные получают долготное ударение на первом слоге окончания, ср. средний род: им.ед. *krestnǒe*, род. *krestnǒgo* [*kǝstnǒga*], дат. *krestnǒmi*, твор. *krestnĭm*, ср.мест. *krestnǒm*, мн.им. *krestnǎia*, женский род: *zĭivotnǎia*, вин. *zĭivotnŭju*; долгосложные – накоренное ударение, ср. *дѣвнѣ, дѣвном(у), бѣднѣ* [-*a*], *бѣдного, бѣднѣ* и др. То же относится к а.п. *c*, ср. краткосложные: *воднѣ, роднѣ, воднѣ, воднѣ, воднѣ, воднѣ* и др., долгосложные: *лѣшнѣ, лѣшного, мѣсноје* [-*o*], *дѣвнѣ* и др. (при исключении *ручнѣ, ручнѣ* от *рука, рѣку*).

В праславянском членные формы прилагательных а.п. *c*, очевидно, получали ударение на окончании: **dǎlʒьnѣ-jѣ > *dǎlʒьnѣ-jѣ > *dǎlʒьnѣ-i*. Если в таких формах ударение в итоге оказалось на корне в результате фонетического процесса, то мы, видимо, имеем здесь дело не с чем иным, как законом Крижанича. При-

¹³ Ср. также *нарѣднѣ*, ср. мн. *нѣрѣдна* от иммобилизованного *нѣрѣд*.

Прилагательные на *-*ьл-* от производящих а.п. *b*

	производящее	нечленные формы	членные формы	глагол на <i>-i-</i>
краткосложн.	<i>krést</i>		<i>krestnôe</i> ¹⁴	<i>керстѣм</i>
	<i>живѣт, живѣтѣ</i>		<i>живѣтнѣу</i>	
долгосложные	<i>рѣка, рѣку</i>		<i>рѣчнѣ</i>	
	<i>бѣда, вин. мн. bidí</i>	<i>бѣден, бѣдно</i>	<i>bĕdniy</i>	<i>бѣдим</i>
		<i>дѣвен, дѣвно</i>	<i>dĕvniy</i>	
	<i>krasí (род.) ?</i>	<i>крѣсен, krasní</i>	<i>krĕsnom</i>	<i>крѣсѣм</i>
	<i>грѣх, грѣхи</i>	<i>грѣшен</i>	<i>grĕshnomu</i>	<i>грѣшѣм</i>
колебание (?)	<i>tugá, tugú, род. tŭgŭ</i>	<i>tŭžno</i>	<i>tŭžniy</i>	<i>tŭžim se</i>
	<i>блѣд, блѣдѣ</i>	<i>блѣднѣ, блѣдно</i>	<i>blĕdniye (ж.род.ед.)</i>	<i>блѣдим</i>
		<i>скѣден, skudná</i> <i>скѣдно</i>	<i>skŭdna (ж.им.ед.)</i>	<i>скѣдѣм</i>

Таблица 10

Прилагательные на *-*ьл-* от производных а.п. *c*

	производящее	нечленные формы	членные формы	глагол на <i>-i-</i>
кратко- сложные	<i>вѣз, вѣзу (мест.)</i>		<i>вѣзнѣ</i>	<i>вѣзим (а.п. b)</i>
	<i>водѣ, вѣду</i>		<i>воднѣ</i>	<i>воднѣм</i>
	<i>рѣд, рѣдом (твор.)</i>		<i>роднѣ</i>	<i>родѣм</i>
	<i>зѣру, зѣрѣ (род.)</i>		<i>зорнѣ</i>	
	<i>ногѣ, ногѣ</i>		<i>ножнѣ</i>	
	<i>земльѣ, зѣмльѣ</i>		<i>земнѣ</i>	
	<i>нощ, нощѣ</i>		<i>нощнѣи</i>	
долгослож- ные	<i>глѣвѣ, глѣву</i>		<i>глѣвнѣ</i>	
	<i>дѣшѣ, дѣшу</i>		<i>dĕshniy</i>	<i>дѣшѣм</i>
	<i>дѣво</i>	<i>dĕven, dĕvno</i>	<i>dĕvniy</i>	<i>dĕvim se</i>
	<i>дѣлг, дѣлги</i>	<i>dŏlžen, dŏlžno, dolžná</i>	<i>dŏlžnogo</i>	<i>dŏlžim</i>
		<i>tĕsen, tĕsno, tesná</i>	<i>tĕsnoje</i>	<i>tĕsnim</i>

чем условия для его действия создались после падения еров, иначе не получилось бы двух долготных слогов подряд. Таким образом, в действии закона Крижанича в данном случае можно усматривать только оттяжку влево с долгого слога на долгий. Для такой реконструкции, естественно, необходимо предположить, что сокращение перед долготным ударением после падения еров уже не действовало.

В краткосложных же формах условий для действия закона Крижанича не было. В них краткость корня, судя по всему, сохранилась благодаря наличию между ним и стянувшимся окончанием еще не павшего ера. Это отличает суффиксальные прилагательные от непроизводных, которые в членных формах

¹⁴ Но и один раз *krĕstnoe*. Из русского?

всегда имеют долготный корень. В них после удлинения корня непосредственно перед стянувшимся окончанием должны были возникнуть два долготных слога подряд, что создало условия для действия закона Крижанича (см. табл. 11):

Таблица 11

	от а.п. а	от а.п. b		от а.п. с	
		кратк.	долг.	долг.	кратк.
1	<i>māl̥-jь</i>	<i>dōbr̥-jь</i>	<i>mōdr̥-jь</i>	<i>svēt̥-jь</i>	<i>prost̥-jь</i>
2	<i>māl̥-i</i>	<i>dobr̥-jь</i>	<i>mōdr̥-jь</i>	<i>svēt̥-jь</i>	<i>prost̥-jь</i>
3	<i>māl̥-i</i>	<i>dobr̥-i</i>	<i>mōdr̥-i</i>	<i>svēt̥-i</i>	<i>prōst̥-i</i>
4	<i>mālī</i>	<i>dōbrī</i>	<i>mūdri</i>	<i>svētī</i>	<i>prōstī</i>
5	<i>māli</i>	<i>dōbri</i>	<i>mūdri</i>	<i>svēti</i>	<i>prōsti</i>

	от а.п. а	от а.п. b		от а.п. с	
		кратк.	долг.	долг.	кратк.
1	<i>rāt̥-n̥-jь</i>	<i>k̥rst̥n̥-jь</i>	<i>bēdn̥-jь</i>	<i>dēl̥žn̥-jь</i>	<i>rod̥n̥-jь</i>
2		<i>k̥rst̥n̥-jь</i>	<i>bēdn̥-jь</i>	<i>dēl̥žn̥-jь</i>	<i>rod̥n̥-jь</i>
3	<i>rāt̥n̥-i</i>	<i>k̥rst̥n̥-i</i> ¹⁵	<i>bēdn̥-i</i> ¹⁵	<i>dēl̥žn̥-i</i>	<i>rod̥n̥-i</i>
4	<i>rātnī</i>	<i>k̥rstnī</i>	<i>bēdnī</i>	<i>dēl̥žnī</i>	<i>rodnī</i>
5	<i>rātni</i>		<i>bīdni</i>	<i>dēl̥žni</i>	

3. Некоторые формы глаголов на -i-. Исконные три акцентные парадигмы преобразуются в несколько групп в зависимости от акцентных валентностей основы и форманта -i-. Глаголы а.п. а дают стабильные рефлексы с постоянным краткостным ударением на корне (отражающим праславянский акут), ср. *mírим*, инф. *mírим* < **měriti*.

Глаголы а.п. b разбиваются на три группы. Долгосложные получают в наст. вр. новоакутовое ударение на корне. Сюда входят многочисленные деноминативы, ср. *сўдим*, *сўдїт*, *сўдил*, и несколько старых итеративов (?), ср. *слўжим*, *провлāчит*, *слўжил*.

Краткосложные глаголы а.п. b ведут себя двояко. Они разбиваются на две группы на основании соответствий форм Крижанича, словенского языка и староболгарских памятников [1. С. 421]. Меньшая группа получает накоренное ударение, ср. *носим*, *носїти*, *носїл*. Эта группа получила название праславянской а.п. b₁. По-видимому, сюда в основном входят старые итеративы (к ней же относятся долгосложные итеративы а.п. b, хотя у Крижанича они ведут себя как и все остальные долгосложные глаголы а.п. b). Другая, более крупная группа регулярно получает в словенском и у Крижанича насуффиксальное ударение, ср. *котїм се*, и полностью сливается с а.п. с. Эти глаголы продолжают праславянскую а.п. b₂.

¹⁵ Здесь приходится предполагать перенос ударения на окончание для объяснения смешения а.п. b и с в членных формах прилагательных. Впрочем, то же самое явно произошло в существительных с еровыми суффиксами (см. выше).

(жирной рамкой обведены формы с накоренным ударением)

	а.п. b_1		а.п. b_2		а.п. c	
	краткосл.	долгосл.	долгосл.	краткосл.	долгосл.	краткосл.
инф.	<i>водѣит</i>	<i>провлѣчит</i>	<i>хвѣлит</i>	<i>творѣит</i>	<i>чинѣит</i>	<i>ловѣит</i>
импер.	<i>водѣи</i>		<i>хвѣлите</i>	<i>творѣи</i>	<i>чинѣи</i>	
l-прич.	<i>водѣил</i>	<i>слѣужил</i>	<i>хвѣлили</i>	<i>творѣил</i>	<i>чинѣил</i>	<i>годѣило</i>
прич. прош.	<i>водѣвши</i>			<i>творѣвши</i>	<i>чинѣвши</i>	
аорист	<i>водѣх</i>		<i>сѣдихом</i>	<i>творѣх</i>	<i>чинѣх</i>	
имперфект	<i>водѣахи</i>	<i>лѣублѣаsze</i>		<i>творѣахи</i>	<i>чинѣахи</i>	<i>ковѣахи</i>
1 л. ед. наст.	<i>водѣим</i>	<i>лѣубѣим</i>	<i>хвѣлим</i>	<i>творѣим</i>	<i>чинѣим</i>	<i>ловѣим</i>
прич. наст.	<i>водѣец</i>	<i>лѣубѣци</i>	<i>хвѣлец</i>	<i>творѣец</i>	<i>чинѣец</i>	<i>ловѣец</i>
прич. страд.	<i>водѣжен</i>	<i>лѣублѣен</i>	<i>хвѣльен</i>	<i>творѣен</i>	<i>чинѣен</i>	<i>ловѣьен</i>

Глаголы а.п. c у Крижанича, в основном, конечноударны (об исключениях см. ниже), независимо от исконной долготы гласного. Что естественно, так как эта долгота сокращалась точно так же, как в подвижных существительных, ср. исконно долгосложные: *градѣим*, *градѣит*, *градѣил*; краткосложные: *клонѣим*, *склонѣли*.

В перечисленных типах выделяется группа форм, имеющих накоренное ударение. Кроме а.п. a (где все формы таковы), сюда входят личные формы наст. вр. (во всех лицах и числах), причастия наст. вр. и страдательного причастия глаголов а.п. b_1 и долгосложных глаголов а.п. b_2 . Все остальные формы конечноударны (см. табл. 12). В формах глаголов а.п. b_1 накоренное ударение ожидаемо (см. табл. 13), а вот в личных формах наст. вр. и причастиях наст. вр. долгосложных глаголов а.п. b_2 явно наблюдается действие закона Крижанича. Оговорка: в рамках нашей трактовки накоренное ударение страдательных причастий долгосложных глаголов а.п. b_2 (ср. *хвѣльен*), в которых суффикс краткосложен, следует, видимо, признать аналогическим (извлеченным из настоящего времени или являющимся результатом слияния с долгосложными глаголами а.п. b_1).

К краткосложным глаголам а.п. b_1 относятся еще: *тѣчим*, *вѣлим*, *скѣчим*, *жѣним* (последний глагол явно отыменный, как и *пѣстим*).

Как сказано выше, краткосложные глаголы а.п. b_2 (отыменные) у Крижанича неотличимы от глаголов а.п. c . Различие между ними, собственно, устанавливается внешним сравнением, главным образом, по соответствиям в болгарском [1. С. 467], где глаголы а.п. b_2 имеют накоренное ударение (как в а.п. b_1), ср. болг. *кѣтя се*, в отличие от глаголов а.п. c с насуффиксальным ударением, ср. болг. *тѣошѣ*.

Здесь, однако, можно и не прибегать к внешнему сравнению. Коль скоро глаголы а.п. b_2 являются деноминативами, они должны наследовать акцентную парадигму порождающих имен. Взглянув на последние, легко установить, что у Крижанича глаголы, по внешним соответствиям относимые к а.п. c , за редкими исключениями образованы от имен а.п. c , а глаголы, относимые к а.п. b_2 , образованы от имен а.п. b или а.п. c (см. табл. 14). Важно отметить, что в этом случае порождающие а.п. c , в основном, относятся к мужскому роду, т.е. могут продол-

а.п. b_1 (подчеркнуты нерегулярные формы)

наст. 1 л. ед.	прич. страд.	имя действия
<i>вѣдим</i>	<i>вѣджен</i>	
<i>вѣзим</i>	<i>вѣжен</i>	<i>вѣженје</i>
<i>гѣним</i>	<i>гѣнѣн</i>	<i>гѣнѣнје</i>
<i>лѣвим</i>	<i>лѣмльѣн</i>	<i>лѣмльѣнје</i>
<i>мѣлим</i>	<i>мѣльѣн</i>	<i>мѣльѣнје</i>
<i>нѣсим</i>	<i>нѣшен</i>	<i>нѣшенје</i>
<i>хѣдим</i>		<i>хѣдженје</i>
<i>пѣстим</i>		<i>пѣщенје</i>
<i>прѣсим</i>	<i>прѣшен</i>	<i>прѣшенје</i>
<i>тѣвим</i>	<i>тѣдмльѣн</i>	<i>тѣдмльѣнје</i>

жать балтославянские имена мужского рода а.п. b (согласно правилу Иллич-Свитыча) или относиться к а.п. d в других диалектах (здесь мы не будем вдаваться в проблематику а.п. d)¹⁶.

К краткосложным глаголам а.п. b_2 относятся также: *голѣим* (*гѣл*, *голи*), *дождѣим* (*дѣждь*, *дождѣу*), *дворѣим* (*дѣвр*, *дѣврѣу*), *злѣим* (*злѣа*, *злѣи*) и др.

К краткосложным глаголам а.п. c относятся также: *дѣѣим*, (*о*)*глобѣим*, (*по*)*клонѣим* (*но* и (*по*)[*кл*]*ѣним*), (*у*)*корѣим*, (*по*)*крѣѣим*, (*за*)*коснѣим*, (*на*)*пѣѣим*, (*у*)*топѣим*, (*о*)*трошѣим* (*се*), (*за*)*звонѣим*, (*об*)*рѣѣим* *се*, (*на*)*росѣим*, (*о*)*слобѣѣим*, (*ѣ*)*ловѣим* и др.

В этом типе имеются несоответствия, ср. (*о*)*брѣменѣим* (*брѣме*, *брѣмена*), (*за*)*корѣнѣим* (*кѣрен*, *кѣрена*) и некоторые другие, а глагол *морѣим* в болгарском относится к а.п. c .

У долгосложных глаголов а.п. c корневая долгота сокращена во всех формах, кроме императива 2 л.ед. (всего пара примеров), что ожидаемо, так как там старый акут сократился в исходе слова, тем самым устранив условия для праславянского сокращения перед акутом (примеры без сокращения: *чѣни*, *учѣни*, но с сокращением: *градѣи*). В формах же а.п. b_2 – наст. вр. (ср. *хѣлим*) и в причастии наст. вр. (ср. *chwâlec*) долгосложных глаголов мы имеем дело с двумя долготами подряд, что создает условия для действия закона Крижанича.

В именах действия на *-enje*, образованных от страдательных причастий, колебания носят системный характер. Вот что Крижанич пишет, говоря о различных способах написания рефлекса прасл. *-*stj-* ([šć] в его говоре): “*От Пѣст, Напустѣити: пѣшиѣ. Напѣшѣенје, Напѣшѣѣенје*” [3. С. 45°], из чего может следовать, что долгосложные подвижные глаголы а.п. c (в данном случае *пустѣим*) регулярно давали колебания в ударении при образовании отглагольного имени. И действительно, эти имена от долгосложных глаголов от а.п. c (а также от а.п. b)

¹⁶ Ср. также *вѣз*, *вѣзу*, *wozêch*, (а.п. c и/или, возможно, в других диалектах а.п. d , см. [2], от которого мог быть образован глагол *вѣзим* (а.п. b_1), могший быть как итеративом, так и деноминативом.

(подчеркнуты неожиданные формы)

а.п.	производящее	наст. 1 л. ед.	прич. страд.	имя действия
b ₂	г ^о вор (с?)	говори́м	говоре́н <u>igowóren</u>	говоре́нје <u>igowórenje</u>
	коса́ми	коси́м	коше́н	коше́нје
	кре́ст	кесты́м		krescënia
	ло́же (с)	ложы́м	<u>побóжен</u> <u>podložén</u>	
		разори́м	razorèн	razorènie
	о́стер, óstro, ostrogó	(за)остры́м	обостре́н	
	пло́д, пло́да (с)	плоды́м се		
		пестры́м	упестре́н	
	свидо́к, свидо́кѡв	свидочи́м		
	селѡ, селѹ	сели́м се	населье́н	селье́нје
	со́л, со́ли (с)	прео-соли́м	солье́н	солье́нје
	стро́у, стро́уи (а)	стры́м	istroèн	стрые́нје
		топы́м	топлье́н	
	(с)твори́м	творèн	творèнје	
торá, торóт	(у)мори́м	уморе́н	уморе́нје	
с	че́ст, че́сти	(у)часты́м	czescëн	
	гѡд, гѡда, godôw	(у)годи́м		угоже́нје
	гѡст, гѡста, gostôw	(у)госты́м		goscënie
	гроза́, грѡзу	(за)грозы́м (се)	гроже́н	гроже́нје
	лѣст, лѣсти, lestmî	(пре)лесты́м		
	мѣст, ср. помѣст	(по)месты́м се		
	сло́во, сло́ва	благослови́м	благословèн	благослов(ль)е́нје
	вѣсел, weselá	весели́м (об-)		
	прѡст, прѡсто, прѡстá	(о)просты́м	опроши́чен	проши́ченје
ро́д, рѡду	(у)роды́м	рожде́н		

могут иметь оба ударения, причем накоренное в них последовательно проводится только в “Объяснении...” [3] (см. табл. 15). В краткосложных, видимо, колебаний почти нет, однако ср. *ломльѣнје* (что соответствует причастию *ломльѣн*, больше примеров насуффиксального ударения нет, при нормальном *мѡльѣнје*, *хѡдженје* и др.). По-видимому, положение, отраженное в текстах Крижанича, свидетельствует о начальной стадии слияния глаголов а.п. *b* и а.п. *c* глаголов на *-i-*.

Что касается долготы в суффиксе *-ѣнје*, в нем, возможно, представлено закономерное удлинение перед сонантом в слоге перед павшим ером (или это удлинение перекрывает более раннее удлинение перед стяжением).

К долгосложным глаголам а.п. *b*₁ относятся также: *свѣтим*, *ми́сим*, а к долгосложным глаголам а.п. *b*₂ – *бѣлим* (*bêl*, *beló*, *belá*), *(у)гньѣздим* (*gnyezdó*), *(из)лѣчим* (*lîk*, *lîkot*), *(со)блáзим*, *(с)кльѣчим* (*кльѣчи*), *(о)крѣжим* (*крѣг*, *krigót*, но род. *krûga*), *прáзим* (*прáзен*, *praznó*) и др.

а.п.	производящее	наст. 1 л. ед.	прич. страд.	имя действия	
				ОВ	ГИ и Пол.
b ₁	лъѹб̄	лъѹбим	lyûblyen		
	вл̄ак, вл̄ака (с)	(за)вл̄ачим		завл̄аченје	завл̄ачѣнје
	сл̄ѹга, сл̄ѹге	сл̄ѹжим			wislužēnie
b ₂	хв̄ала, chw̄ali	хв̄алим	хв̄альен	хв̄альенје	chwalyēnya
	chulá, chulí	хѹлим	хѹльен	хѹльенје	
	wábtí	(э)в̄абим	в̄абльен	в̄абльенје	
	зн̄ак, зн̄ака (с)	(о)зн̄ачим	poznâczen	озн̄аченје	
	вр̄ата	вр̄атим (об-)	prîwrâczen	превр̄аценје	otwraçēnie
	кр̄аль, кр̄альá	кр̄альим			
	лѹк, лѹка (с)	(раз)лѹчим	отлѹчен	разлѹченје	прилѹчѣнју
	блѹд, блѹдѹ	(за)блѹдим	облѹжен		roblužēnie
с	сѹд, судá	(об)сѹдим	сѹджени		рассѹждѣнје
		(с)пустѹим	opuscēn, -ā	напѹщиценје	напушчѣнје
	дѹво	(за)дивѹим		удѹвльенје	удивльѣнју
	рѹка, рѹку	(за)ручѹим	parusczeni		поручѣнје
	чѹн, чѹном	(у)чинѹим	чиньѣн		чиньѣнје
	ѹк (?)	(на)учѹим	учѣн		учѣнје
	град̄, градá	(о)градѹим	граджѣн		граджѣнје
дѹл	(раз)дилѹим	дѹльѣн		дилъѣнје	

К долгосложным глаголам а.п. с относятся также: *глушѹим* (глѹх), *дарѹим* (д̄ар, *dâra*), *должѹим* (д̄блг, *dôlgi*), *сушѹим* (сѹх, *sûcho*), (дѹл), *душѹим* (дѹшá, *dûшу*), *густѹим* (гѹст, *gûsto*), *растѹим* (р̄аст, *râsta*), *смишѹим* (смѹх), *снижѹим* (снѹг), *златѹим* (зл̄ато) и др.

Впрочем, нескольким глаголам а.п. с соответствуют производящие а.п. b, ср. *гришѹим* (грѹх, *grîхи*, *grîшен*), *красѹим* (род. *krasí* [-ĕ], *krâсен*, *krasní*).

Часть глаголов, для которых на основании внешних соответствий и а.п. производящих восстанавливается а.п. с, имеют у Крижанича накоренное ударение, ср. *бл̄ажим*, *кр̄ипим*, *л̄иним се*, *п̄устим*, *сл̄ипим*, *ж̄ивим*, *тв̄ѣрдим*, *ц̄ѹлим*, *л̄ишим*. В некоторых случаях его, вероятно, можно объяснять аналогией с членными формами прилагательных, однако оно может быть и проявлением рано начавшейся (и далеко зашедшей в современных чакавских диалектах) тенденции к обобщению оттяжки с суффикса на гласные ě, i, u.

Таким образом, у долгосложных глаголов на -i- последовательно различаются акцентные кривые а.п. b₂ и а.п. с. Очевидно, что это различие связано с наличием или отсутствием двух долгот подряд. В формах глаголов а.п. b₂, видимо, имелись условия для действия закона Крижанича, в отличие от форм глаголов а.п. с, где корневая долгота должна была сократиться перед долготным ударением. Значит, тут произошло ровно то же самое, что в именах а.п. b (см. выше). Следует оговориться, что долготу в инфинитивах и l-причастиях глаголов а.п. b₂ в рамках такой трактовки необходимо признать аналогической: она должна бы-

производящее	глагол без -п-	глагол с -п-
<i>tĩsen, tĩsno, tesná</i>		<i>tĩsnĩm (tĩsnĩm)</i>
<i>gladní, glãd, glãdu, òd glãdu</i>		<i>glãdnĩm</i>
<i>lãden, lãдно (сокр.)</i>	<i>lãdim</i>	<i>полãdnĩm</i>
<i>сквѣрна</i>		<i>сквѣrnĩm</i>
?	<i>садĩm</i>	<i>сãdnĩm</i>

ла сократиться перед старым акутом, а затем быть восстановленной по аналогии с настоящим временем (подробности см. в [1. С. 87]).

Если верно, что в формах глаголов а.п. с корневая долгота фонетически сократилась непосредственно перед долготным ударением на тематическом гласном, вполне естественно было бы ожидать отсутствие сокращения в случаях, когда между корнем и тематическим гласным имелся еще один слог. Ведь в существительных с ером в суффиксах (как *свѣтец, свѣтцев*) и в членных прилагательных с суффиксом *-*ьп-* (как *дѹшнїнь*) сокращения перед долготными окончаниями не было. Более того, как мы предположили выше, благодаря сохранению долготы, такие имена, образованные от производящих а.п. с, получили накоренное ударение по закону Крижанича. И действительно, большинство глаголов на *-i-*, образованных от долгосложных прилагательных с суффиксом *-*ьп-* а.п. с, показывают накоренное ударение (примеров мало, см. табл. 16), что можно объяснить действием закона Крижанича. Так же, как в случае с именами, мы вынуждены здесь восстанавливать позднюю оттяжку (после падения еров).

Имеется несколько исключений: так же ведет себя *очѣrnĩm* (сравни *чѣrn*, дат.мн. *чѣrnĩm* без ера), а в ряде случаев все-таки наблюдаются конечноударные глаголы, образованные от прилагательных указанного типа, их всего два-три, ср. *разнĩm се* (впрочем, долгота корня в прилагательном *рãzen, raznò, рãznїх*, видимо, колеблется), *гãdnĩm* (при *гãдĩm*), ср. *гãdnãja*.

Однако представляется, что и в долгосложных глаголах а.п. с с рецессивным суффиксом *-*ьп-* мы наблюдаем то же явление, что и в рассмотренных выше именах с рецессивными суффиксами. Это еще раз наводит на мысль о фонетическом явлении оттяжки с долгого на долгий, отразившимся в действии закона Крижанича.

4. Страдательные причастия на *-*ап-*. От глаголов а.п. а причастие всегда получает накоренное ударение (тип А), ср. *бãjem: бãjam, дѣлам: здѣлан*. Причастия от остальных глаголов распределены по закону Крижанича: долгосложные имеют колонное долгое ударение на корне (тип D), а краткосложные – наконечное (тип В). Распределение не знает исключений (см. табл. 17 и 18).

Образованные от этих причастий глагольные имена на *-анje* с долготными корнями чаще всего получают насуффиксальное ударение, но имеется и немало примеров на накоренное ударение, соответствующее ударению причастия. Подобно именам на *-енje*, они получают накоренное ударение только в “Объяснении”, в остальных текстах ударение последовательно наконечное (кроме *вѣзанja*).

Таким образом, указанные страдательные причастия ведут себя так же, как и все остальные формы, в которых возникают две долготы подряд. В соответ-

(жирной рамкой обведены формы с накоренным ударением)

	краткосл.	долгосл.
инф.	<i>искáт</i>	<i>кáзат</i>
импер.	<i>јсцѝ [išc̣ĩ]</i>	<i>кáжѝ</i>
l-прич.	<i>iskàl</i>	<i>кáзал</i>
прич. прош.		<i>казáвши</i>
аорист		<i>кáзах</i>
имперфект	<i>iskâchu</i>	<i>казáхи</i>
1 л. ед. наст.	<i>јсцем [išc̣et]</i>	<i>кáжем</i>
прич. наст.	<i>јицуциѝ</i>	
прич. страд.	<i>исканà</i>	<i>кáзан</i>

Таблица 18

	1 л. ед. наст.	страд. причастие	имя действия, ударение:	
			на корне (ОВ)	на суффиксе
долгосложные	<i>пѝшем</i>	<i>пѝсан, написана</i>	<i>пѝсанја</i>	<i>писáнје, описáнје</i>
	<i>вѣжем</i>	<i>свѣзана, вѣзаних</i>	<i>вѣзанја (ГИ)</i>	
	<i>кáжем</i>	<i>кáзан, откáзана</i>	<i>изкáзанје</i>	<i>изказáнје</i>
	<i>зѝждем</i>	<i>зѝдан, созѝдана</i>		<i>зидáние, sozidánie</i>
	<i>дáвам</i>	<i>дáван</i>	<i>дáванје</i>	<i>wdawáние (дајáнје)</i>
	<i>мóрам</i>	<i>примóран</i>		
	<i>почѝтам</i>	<i>почѝтан</i>		<i>predpočitáние</i>
	<i>мѝшам</i>	<i>смѝшан, теѝзана</i>	<i>смѝшанје</i>	<i>теѝдáние</i>
	<i>ужѝвам</i>	<i>ужѝван, ужѝвана</i>	<i>ужѝванје</i>	<i>уживáнје</i>
	<i>влáдам</i>	<i>влáдан</i>		<i>владáнје</i>
	<i>спáвам</i>			<i>спавáнје</i>
	<i>рѝкам</i>			<i>изрикáнје</i>
	<i>пѝтам</i>	<i>опѝтан</i>	<i>пѝтанје</i>	<i>питáнје</i>
	<i>помѝнам</i>			<i>поминáнје</i>
<i>кáрам</i>	<i>покáран</i>		<i>карáнје</i>	
краткосложные	<i>јсцем</i>	<i>исканà</i>		<i>искáнје</i>
	<i>јемльем</i>	<i>јемáн</i>		<i>јемáнје</i>
	<i>војујем</i>	<i>звојевáн</i>		<i>војевáнје</i>
	<i>венчáм</i>	<i>wenczâp</i>		<i>венчáнје</i>
	<i>кончáм</i>	<i>okoncâp</i>		<i>кончáнје</i>
	<i>держѝм</i>	<i>deržan, deržani, obderžanà</i>		<i>держáнје</i>
	<i>тежѝм</i>	<i>изтежáн, obtežanà</i>		<i>изтежáнје</i>
<i>боѝм се</i>	<i>бојáн</i>		<i>бојáнје</i>	

ствующих долготных именах действия, по-видимому, имеются системные колебания. Можно предполагать, что в говоре Крижанича они факультативно подчинялись закону Крижанича.

Позиции, где закон Крижанича не действует (?)

1. В формах дв.ч. на *-*i* существительных на *-a* можно ожидать действие закона Крижанича. Крижанич этих форм сам не применяет и не рекомендует, но приводит несколько примеров, ср. мест.дв. при *двѣхъ жу...жену*, род.дв. от *двѣхъ жу...жену* (sic), мест.дв. *въ руку*. Определить, действовал ли здесь закон Крижанича, невозможно ввиду скудости данных. Вполне вероятно, что ударение этих форм Крижанич не знал.

2. В существительных на *-*ьникъ* закон Крижанича не действует. В словах, образованных от производящих а.п. *b* ударение стоит на корне, а в словах, образованных от производящих а.п. *c* – на окончании, ср. от а.п. *a*: *бесѣдник* от *бесѣда*, *сѣльник* от *сѣла* (с удлинением перед сонантом), от а.п. *b*: *кѣпник* от *кѣнь*, *конья* (с удлинением перед сонантом), *трѣдник* (от *трѣд*, *трѣда*), от а.п. *c*: *родник* (от *рѣд*, *рѣда*), *должник* (от *дѣлг*, *дѣлгу*). Эти существительные отличаются от существительных, например, на *-*ьсь* (дающих единый тип от производящих а.п. *b* и а.п. *c*) наличием в суффиксе гласного полного образования (и двух суффиксов подряд). В существительных на *-*ьникъ* а.п. *b* и а.п. *c* не слились. Можно себе представить следующую эволюцию в косвенных падежах:

**trǔdьnika* (м.б. > **trǔudьnika*) > **trǔdnika* > *trǔdnika*;

**kǔnьnika* (м.б. > **kǔnььnika*) > **kǔnььnika* > *kǔnnika*;

**rodьnika* > **rodьnikaā* > *rodnikā*;

**dǔlььnika* > **dǔlьььnika* > **dǔlьььnika* > *dǔlьььnika*.

В последних двух случаях (производящие а.п. *c*) нет условий для действия закона Крижанича. В им.ед. ударение должно было выровняться по косвенным падежам. Следовательно, в этой позиции и не следует ожидать действия закона Крижанича.

3. В существительных на *-*арь* закон Крижанича не действует, ср. *рѣбар* (от *рѣба*), *овчар* (от *овца*), *митар* (от *митѣ*), *месар* (от *мѣсо*)¹⁷. Здесь мы можем предложить лишь объяснение аналогией: а.п. *b* и а.п. *c* слились в едином конечнударном типе. Но в отличие от, например, мест.мн. **svěťьcěхъ* > **svěťcih* > *svěťcih*, ударение в словах на *-*арь* после падения еров стояло через слог от корня: **mýtārěхъ* > **mýtārěхъ* (слияние с а.п. *c*) > **mýtārih* > **mitārih* (по закону Крижанича). Далее необходимо предполагать выравнивание им.ед. по косвенным формам.

4. В существительных на *-*акъ* наблюдается то же положение, ср. *добрѣак*, *худѣак*, *слипѣак*, с тем, однако, отличием, что у нас вовсе нет примеров с накоренным ударением. Неясно.

5. Притяжательные прилагательные на *-*ин-* представляют особую проблему¹⁸. Дело в том, что в этом суффиксе после долготных корней у Крижанича представлено краткостное ударение, ср. *Лукин* от *Лука*, а после краткостных – долготное, ср. *женѣин* от *женѣ*. Действие закона Крижанича, таким образом, тут не наблюдается. Поскольку мы не принимаем положения о сокращении суф-

¹⁷ Эти образования подчиняются закону Крижаничу в словенском (но только от производящих а.п. *b*, см. [1. С. 137]).

¹⁸ Разные, противоположные друг другу объяснения см. в [1. С. 138; 2. С. 14].

фикса после долготного корня [1. 142] (а признаем лишь запрет на удлинение), то и этот случай мы объяснить не в состоянии.

6. Прилагательные с суффиксом *-*ък-* в членных формах ведут себя как производные, т.е. получают долготное накоренное ударение независимо от акцентной парадигмы нечленной формы (ср. *krâtkoga, tōnkaja* [tānka]). Эти прилагательные претерпели большую системную перестройку. В частности, в них утрачен старый неподвижный тип. При этом в а.п. *b* остались только прилагательные с корневой долготой (ср. *blъzok, krâtok*), а краткосложные перешли в а.п. *c*, (ср. *lêzok, krôtok*). Во всех прилагательных, восходящих к а.п. *c*, корень сократился (ср. *krînok, slâdok*). Таким образом, почти все первоначальные отношения в этом типе имен потеряны, и ожидать здесь действия закона Крижанича, видимо, не приходится.

7. Формы мн.ч. существительных среднего рода а.п. *b* не распределяются по закону Крижанича: практически все они имеют долготное накоренное ударение (при конечном в ед.ч.), ср. *dnō: dāna; veslō: vêsla; чйсло: чйсла, чйсел, чйслих* и др.¹⁹ Ударение здесь совпадает с формой род.мн., ср. *плѣц, sěl*, так же в формах с ером, ср. *vêsел, rêбер*. Это отличает их от форм род.мн. слов мужского рода, где при прояснении ера последний получает долготное ударение (новый акут), ср. *jarêm, otâц* и др. Впрочем, несколько конечноударных форм имеется в “Политике”, ср. *sukōn* (при *сукен*).

Неясно, чем вызвана оттяжка ударения с окончания. Вероятно, в окончаниях этих имен была какая-то особая долгота, перешедшая на корень. Нельзя, конечно, исключать действия какой-то аналогии. Впрочем, при малом количестве засвидетельствованных форм косвенных падежей трудно делать определенные выводы.

Относительная хронология

Мы восстанавливаем следующие фонетические преобразования (они касаются только количества гласных и места ударения):

- 1) сокращение перед внутренним акутом (конечный акут уже сокращен)²⁰;
- 2) оттяжка с конечных редуцированных²¹;
- 3) возникновение нового циркумфлекса – переход старого акута перед долготным ером в (особый) циркумфлекс (по крайней мере в формах род.мн., но не в формах со стяжением, где удлинение произойдет позже)²²;
- 4) сокращение перед долготным ударением (новым циркумфлексом, “новым акутом” любого происхождения, в том числе из балтославянского циркумфлекса);
- 5) правило Дыбо: сдвиг ударения вправо с балтославянских циркумфлекса и краткости, восходящих к доминантным слогам (рецессивные слоги несут в это время “славянский циркумфлекс” по правилу Мейе, т.е. фонологически безударны);

¹⁹ Возможно, конечноударные формы, приведенные в [2. С. 124], – результат неверного прочтения. Они либо могут быть формами род.ед., либо употреблены с ударением двойственного числа, ср. “*Невелѣм бо ... двâ бедра ... него двѣ бедра*” [4], “...*na swoia plecâ wzem...*” [5] при мн. *плѣца* [4]. То же, возможно, в “*nosit trî...bela perâ*” [5].

²⁰ Порядок первых трех изменений принят условно.

²¹ Балтославянская метатония? См. об этом [6].

²² Это можно воспринимать как сохранение долготы старого акута, который в остальных случаях сократился.

(подчеркнуты формы с аналогической долготой)

0	<i>grēsēxъ</i>	<i>volēxъ</i>	<i>gōrdēxъ</i>	<i>mālъ-jъ</i>	<i>prostъ-jъ</i>	<i>bēdbnъ-jъ</i>	<i>dālžbnъ-jъ</i>	<i>rodъbnъ-jъ</i>
1								
2			<i>gōrdēxъ</i>		<i>prostъjъ</i>		<i>dālžbnъjъ</i>	<i>rodъbnъjъ</i>
3								
4			<i>gordēxъ</i>					
5 →	<i>grēsēxъ</i>	<i>volēxъ</i>				<i>bēdbnъi</i>		
6				<i>mālъi</i>	<i>prostъi</i>	<i>[bēdbnъi]</i>	<i>dālžbnъi</i>	<i>rodъbnъi</i>
7				<i>mālъi</i>	<i>prōstъi</i>			
8								
9 ←	<i>grēhēh</i>				<i>prōstī</i>	<i>bēdni</i>	<i>dālžni</i>	
10	<i>grīhih</i>	<i>volīh</i>	<i>gradīh</i>	<i>māli</i>	<i>prōsti</i>	<i>bīdni</i>	<i>dālžni</i>	<i>rodni</i>

0	<i>xvālītъ</i>	<i>xvālītī</i>	<i>gōrdītъ</i>	<i>gōrdītī</i>	<i>tēsbnītъ</i>	<i>rŷbъ</i>	<i>rōkāmъ</i>	<i>rōkē</i>
1		<i>xvalīti</i>		<i>gordīti</i>			<i>rōkāmъ</i>	
2			<i>gōrdītъ</i>		<i>tēsbnītъ</i>			
3						<i>rŷbъ</i>		
4			<i>gordītъ</i>					
5 →	<i>xvālītъ</i>							
6					<i>tēsni</i>			
7								
8								
9 ←	<i>hvāli</i>				<i>tēsni</i>			
10	<i>hvāli</i>	<i>hvālīt(i)</i>	<i>gradī</i>	<i>gradīti</i>	<i>tīsni</i>	<i>rīb</i>	<i>rukām</i>	<i>rūkē</i>

0	<i>rŷbъjъ</i>	<i>božъjъ</i>						
1								
2			<i>nākāza</i>	<i>nākāzъ</i>	<i>zābāvъka</i>	<i>zāgōrъje</i>	<i>bezrēdъje</i>	<i>načēlъnikъ</i>
3				<i>nākāzъ</i>				
4				<i>nakāzъ</i>				<i>načēlъnikъ</i>
5 →								
6	<i>rŷbъ-i</i>	<i>božъ-i</i>				<i>zāgōrъje</i>	<i>bezrēdъje</i>	
7	<i>rŷbъ-i</i>	<i>bōžъ-i</i>					<i>bezrēdъje</i>	
8								
9 ←		<i>bōžъi</i>						
10	<i>rībъi</i>	<i>bōžъi</i>	<i>nākāza</i>	<i>nakāz</i>	<i>zābāvъka</i>	<i>zāgōrъje</i>	<i>bezrēdъje</i>	<i>načēlnik</i>

6) начало падения еров: стяжение групп ер + йот + гласный, приводящее к (избыточным?) долготам;

7) заместительное удлинение гласных (видимо, исключая сверхкраткие), непосредственно предшествующих этому стяжению – не после долготных слогов;

8) завершение падения еров; заместительное удлинение перед сонантами в ударном закрытом слоге перед павшим ером – не после долготных слогов;

9) закон Крижанича: оттяжка ударения влево с долгих слогов на долгие (обведено жирной рамкой в таблице 19);

10) сокращение заударных долгот; на этой стадии приходится реконструировать аналогическое восстановление корневых долгот в инфинитивах долго-сложных глаголов а.п. *b* и в некоторых формах имен а.п. *c* (например, род.ед. существительных на *-a*).

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. При появлении в предке чакавско-кайкавского говора Ю. Крижанича двух долготных слогов подряд, один из которых ударный, ударение в итоге почти всегда оказывается на первом из них.

2. Этот принцип действует не только в словах с корнями, восходящими к балтославянским доминантным слогам, но и в образованиях, для которых невозможно предполагать первично начальное ударение. Таким образом, если это один и тот же процесс, то мы имеем дело с оттяжкой ударения назад, а не с запретом на сдвиг вперед.

3. Данное преобразование имело место после (или во время) падения еров, так как отражается в словах, где раньше двух долгот подряд не было.

Итак, мы восстанавливаем две передвижки ударения: ранний сдвиг вправо (правило Дыбо) и позднюю оттяжку на слог влево (закон Крижанича). Восприятие закона Крижанича как запрет на сдвиг вправо на одной из стадий многоступенчатого “правостороннего дрейфа ударения” [2. С. 18], по-видимому, не может объяснить результатов его действия в конечноударных образованиях после падения еров, так как при таком подходе не обойтись без реконструкции обратного “дрейфа”.

Более того, утверждая, что закон Крижанича действовал после (или во время) падения еров (т.е. никак не раньше XI–XII вв.), мы должны отказаться от его отнесения к праславянской эпохе и поставить под сомнение правомерность отождествления сходных результатов его действия в различных диалектах с их генетической общностью. Вполне возможно, что это лишь проявление некоторых общих тенденций развития, так или иначе наметившихся в позднепраславянском диалектном континууме, но затем осуществившихся по-разному в разных областях после окончательно распада праславянского языка. Возможно также, что закон Крижанича начал действовать довольно рано и оставался в силе не один век, но это предположение напрямую не поддерживается материалом.

Привлечение данных из других славянских диалектов позволит уточнить картину и, в частности, проверить, согласуются ли эти данные с моделью, описанной в настоящей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дыбо В.А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. М., 2000.
2. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. Словарь. М., 1993.
3. Križanić J. Objašnjenje vivodno. Загреб, 1982.
4. Граматично изказанје об руском језику попа Јурка Крижанића / Издано О. Бодянским. М., 1859.
5. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
6. Николаев С.Л. Балто-славянская акцентуация и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКИТЫ ИЛЬИЧА ТОЛСТОГО СО СЛАВИСТАМИ РАЗНЫХ СТРАН (К 85-летию со дня рождения Н.И. Толстого)

15 апреля 2008 г. исполнилось 85 лет со дня рождения акад. Никиты Ильича Толстого (1923–1996). Более сорока лет, со времени подготовки IV (Московского) Международного съезда славистов (1958) и до конца своей жизни Н.И. Толстой был членом Международного комитета славистов и активным участником восьми съездов славистов: Москва, София, Прага, Варшава–Краков, Загреб–Любляна, Киев, София, Братислава. На протяжении всех этих лет он поддерживал коллегиальные научные и личные дружеские связи со многими выдающимися славистами мира – как с представителями старшего поколения, так и со своими сверстниками и молодыми учеными. В его архиве хранятся сотни писем от славистов разных стран. Небольшую подборку писем, относящихся к 60–70-м годам прошлого века, мы публикуем ниже.

Содержание писем к Н.И. Толстому, в ту пору еще сравнительно молодому ученому, весьма показательны не только для личности адресата, но и для научной деятельности и образа мыслей его корреспондентов, а также для славистической жизни тех лет в целом. Во многих письмах, помимо злободневных деловых вопросов, затрагиваются теоретические и методологические проблемы славистики, обсуждаются пути развития славистической науки, актуальные задачи сравнительного славянского языкознания, филологии и палеославистики. Будучи ответственным секретарем журнала “Вопросы языкознания”, Никита Ильич беспокоился о “портфеле” журнала, приглашал видных славистов присылать статьи для публикации, заказывал статьи на актуальные славистические темы и следил за их подготовкой и прохождением. Еще одна сквозная тема писем – книжные заботы. Никита Ильич регулярно снабжал научными новинками (особенно диалектными словарями и другими трудами по лексикографии и лексикологии) многих своих зарубежных коллег; почти во всех письмах авторы выражают ему благодарность за присланные книги. Но и сам он получал от своих коллег щедрые дары, пополнявшие его знаменитую библиотеку.

В. МАРЕШ¹ – Н.И. ТОЛСТОМУ

[открытка]

Прага, 18 мая 1960

Дорогой Никита!

Спешусь² принести Тебе (Вам?) мою глубокую благодарность за любезное письмо и присланную мне книжку “Тезисы докладов” с Твоей превосходной статьей³. Твой подход к проблемам показывает, что рассматриваемые вопросы [церковно]сл[авянского]. литературного языка не только желательны, но и возможно изучать с точки зрения структуры – понятие системы в филологии не ограничивается лишь “чистой лингвистикой”, системой фонем, морфем и т.д. Думаю только, прежде всего, что роль великоморавской и чешской редакций была гораздо важнее, чем чтоб мы могли не иметь ее в виду (не говорю при этом с узкой позиции чеха – я в этом направлении широкий славянин!). Постараюсь (боюсь, однако, обещать, так как работы много, много) написать на основе Твоей статьи малую заметку или в Славия или в Вопросы языкознания (было бы возможно??), которая была бы одновременно достойным ответом Тебе. (На днях собираюсь в Польшу, вернусь в конце июня и в связи с тем оканчиваю работу про славянскую деκлинацию.) Прими, Никита мой искренний, дружеский привет!

Твой Вячеслав

В. МАРЕШ – Н.И. ТОЛСТОМУ

[открытка]

Прага, 17 августа 1961 г.

Дорогой Никита!

Спасибо большое! Дело наших статей, касающихся одной проблемы истории древнеславянского языка, окончено. Надеюсь, однако, что наша совместная работа по этим вопросам этими статьями только начинается. Прими сердечный привет!

Твой Вячеслав⁴

В. МАРЕШ – Н.И. ТОЛСТОМУ

[открытка]

Прага, 18 января 1962 г.

Дорогой Никита! Желая Твоим родителям и Тебе лично, чтобы в Новом году все люди к Вам относились так искренне, как Вы относились ко мне! Спасибо Тебе, Ники-

¹ Франтишек Вацлав Мареш (1922–1994) – выдающийся чешский филолог и палеославист, ученик Б. Гавранека, В. Шмилауера и Й. Курца, исследователь праславянского языка и старославянских памятников, прежде всего великоморавской и чешской традиции, один из основных авторов и редакторов “Словаря старославянского языка”, издававшегося Чехословацкой академией наук, многолетний редактор журнала “Славия”, председатель Комиссии по церковнославянскому языку при Международном комитете славистов. С 1968 г. жил и работал в Вене. Иностраннный член Австрийской и Македонской академий наук, профессор Венского университета. С Н.И. Толстым его связывали не только общие научные интересы, но и многолетняя личная дружба.

² В письмах сохранены орфография, синтаксис и пунктуация авторов.

³ По-видимому, речь идет о работе: *Н.И. Толстой*. Древнеславянский язык как общий литературный язык южных и восточных славян // Тезисы докладов на Совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени. М., 1960.

⁴ На обороте выражается благодарность (по-чешски) за присылку отпечатка статьи: *Н.И. Толстой*. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. 1961. № 1, а также 46 отпечатков статьи В.Ф. Мареша “Древнеславянский язык в Великоморавском государстве”, опубликованной в “Вопросах языкознания” (1961, № 2).

та, за все... Уже месяц тому назад я вернулся на родину, а все-таки чувствую, что злато-главая Москва как-то близко и я счастлив, что моя работа ежедневно соединяет меня с старинной, общей нашей славянской письменностью и культурой. Именно этот постоянный контакт – это одно из моих величайших сокровищ.

Прошу кланяться от меня Твоим Родителям и принять мои сердечнейшие приветы!
Твой Вячеслав

P.S. На вопрос “Вопросов” отвечаю: статью удобнее всего было бы прислать в течение мая месяца с.г. Если это было бы слишком поздно (или если времени больше), прошу о уведомлении. В редакцию уже не пишу. Ты, прошу, сообщи.

В. МАРЕШ – Н.И. ТОЛСТОМУ

[открытка]

Прага, 29 ноября 1962 г.

Дорогой Никита!

Факт, что отправителем присланного мне выпуска ВСЯ, была редакция ВЯ, кажется свидетельствовать о том, что это произошло по Твоей инициативе. Если ошибаюсь, то во всяком случае прими мои искренние, дружеские приветы. Как мило прочитать Твою саламандру, кота Володи и словарь Р.М. Цейтлин!⁵

Всегда Твой Вячеслав

М. ГАНЦОВ⁶ – Н.И. ТОЛСТОМУ

Дорогие Светлана Михайловна и Никита Ильич!

Был глубоко тронут Вашим новогодним поздравлением и искренними добрыми пожеланиями. С своей стороны также поздравляю Вас с Новым годом и от всей души желаю здоровья, успехов в вашей творческой работе и долгих счастливых лет жизни.

Все больше думаю о том, что бы я мог дать Вам, Никита Ильич, для журнала или тома, посвященного Полесью. Я летом говорил Вам, в каких исключительно неблагоприятных для научной работы условиях я нахожусь: библиотека моя и весь архив мой сгорели во время войны. У меня нет даже под рукой почти ничего из того, что мне когда-то удалось напечатать. Живу я в сравнительно небольшом центре – Чернигове, где в библиотеках научной литературы почти нет. Но разговор с Вами придал мне столько бодрости и желания дать Вам для журнала хоть небольшую статью, что мысль об этом неотвязно преследует меня.

Тема как будто намечается: хочу провести небольшое сравнение в области лексики восточного украинского Полесья (в знакомых мне пределах) с белорусским, найдя, быть может, некоторые соответствия и в польских диалектах. Пока это будет лишь первой попыткой, которая, возможно, наметит путь к более широкому и исчерпывающему исследованию в этой области.

⁵ На обороте благодарность (по-чешски) Н.И. Толстому за присланный журнал “Вопросы славянского языкознания”. М., 1962. Вып. 6. В письме речь идет о статьях Н.И. Толстого, В.Н. Топорова и Р.М. Цейтлин, напечатанных в присланном выпуске.

⁶ Всеволод Михайлович Ганцов (1892–1979) – диалектолог и историк языка, ученик акад. А.А. Шахматова, один из ярких представителей украинской науки 20-х годов XX в. В 1929 г. он был репрессирован, более двадцати лет провел в лагерях и ссылке; реабилитирован в 1989 г. В 1956 г. В.М. Ганцов вернулся в родной Чернигов. Украинские диалектологи пытались привлечь его к научной работе, в 1965 г. Ф.Т. Жилко пригласил его на диалектологическую конференцию в Киев, где В.М. Ганцов выступил с воспоминаниями о науке двадцатых годов. Н.И. Толстой встретился с ним в Москве в том же 1965 г. и предложил ему опубликовать в “Вопросах языкознания” хотя бы небольшую заметку, чтобы тем самым открыть возможность для возвращения его имени в украинскую науку и славистику.

В конце этого месяца я предполагаю быть в Киеве. Там я несколько детальнее выясню этот вопрос для себя. Думаю, что времени для небольшой статьи много не потребует. Летом в Институте русск[ого] яз[ыка] Вы мне ориентировочно назвали срок для представления статьи – до конца 1965 г. Этот срок уже истек. Но если возможно продление, то сообщите мне, пожалуйста, крайний, допустимый по Вашему мнению, срок. От этого будет, конечно, зависеть и моя статья. Пока подробнее ничего сказать не могу, но сообщу Вам в близком будущем.

Благодарю Вас за проявленное ко мне дружеское отношение, а Светлану Михайловну за первую инициативу. Как это много для меня значило.

С искренним уважением и приветом *В. Ганцов*
[Чернигов] 9.I.1966 г.

В.М. ГАНЦОВ – Н.И. ТОЛСТОМУ

Дорогой Никита Ильич!

Я знаю, что до сих пор не оправдал Ваших надежд и вообще очень виноват перед Вами, не ответив и не поблагодарив Вас за присылку мне целого ряда изданий по славяноведению. Себе я не нахожу оправдания, а по отношению к Вам я всегда ношу в сердце чувство глубокой признательности.

1967 год был для меня исключительно неблагоприятным, а заканчиваю я его совершенно больным, вернее не оправившимся вполне после перенесенной болезни (гриппа).

В декабре месяце мне исполнилось 75 лет. Трудно строить планы в такие лета и в таком положении, как мое в настоящее время. Хотя я должен сознаться, что все еще думаю о возможности приобщиться в какой-то степени к научной деятельности. Мысленно я часто обращаюсь к проблемам, которые всю жизнь интересовали меня. Из них наибольший интерес вызывает во мне широко ведущаяся работа по подготовке издания Общеславянского лингвистического атласа и в частности укр[аинского] лингв[истического] атласа. С интересом слежу за хроникальными заметками в “Вопр[осах] Яз[ыкознания]”, а теперь и в “Мовознавстві”. Очень жалел, что не мог приехать во Львов в начале июня 67 г. Хотелось присутствовать на всесоюзном совещании по вопросу об общесл[авянском] лингв[истическом] атласе. Знаю, что с докладами там выступали и Вы и Р.И. Аванесов. Все же не хочется расставаться с надеждой что-нибудь еще сделать в этой области.

Очень жалею, что уже больше 2 1/2 лет (после нашей встречи в 1965 г.) не пришлось быть в Москве. В Киеве раза 3–4 в год бываю, но без значительной практической пользы для меня.

С искренним уважением и приветом признательный Вам *Вс. Ганцов*
[Чернигов] 30.XII.1967.

В.М. ГАНЦОВ – Н.И. ТОЛСТОМУ

Дорогой Никита Ильич!

Мне хочется продолжить свое письмо, не ограничиваясь лишь несколькими строками приветствия по случаю Нового года, написанными в ответ на Ваше поздравление.

Я всегда чувствую себя как бы виновным перед Вами после нашей встречи в Москве в 1965 году, после Ваших любезных высказываний по поводу моей прежней научной работы, проявленных по отношению ко мне знаков внимания и присылки целого ряда книг и оттисков.

Но у меня просто не было смелости. Несколько десятилетий прошло после моего полного отрыва от работы в Академии. За это время я потерял свою библиотеку, свой архив со всеми материалами, которые когда-то были собраны, сам потерял связь с большим научным центром, а очутился в Чернигове, хотя и родном моем городе, но городе, разоренном войной и лишенном научных библиотек, которые могли бы удовлетворить необходимую литературу. Мне всегда было больно, что я оказался лишенным воз-

возможности продолжать научную работу, хотя бы в тех ограниченных размерах, которые возможны в новых для меня условиях. Но сожаление об утерянном никогда меня не покидает, и надежда, что я еще смогу что-то дать науке, всегда живет во мне. Я знаю, что в настоящее время я являюсь одним из числа самых старых диалектологов и исследователей языка. Совсем недавно умер Викт. Влад. Виноградов. Смерть его была для меня совершенно неожиданной. Несколько раньше – весной прошлого года Институт русского языка Академии Наук потерял П.С. Кузнецова и В.Н. Сидорова. Все они были моложе меня.

Я не мог без волнения читать вышедший под Вашей редакцией сборник "Полесье" М. 1968. Хотя в основном статьи и материалы, вошедшие в него, относятся к Правобережному Полесью, но связь с ним Левобережного Полесья так ощутима, что для меня, который непосредственно знаком был лишь с этим последним, становилось ясным, насколько необходимо было бы распространить исследование на Черниговщину (Левобережное Полесье). Почти в каждой статье сборника встречаешь материал, который вызывает мысль о наличии непосредственных соответствий между Правобережным и Левобережным Полесьем. Да некоторые статьи и выходят за рамки Правобережного Полесья.

Я еще не оставляю надежды, что несмотря на свои годы и трудности, связанные с научно-исследовательской деятельностью, собственно с непосредственным собиранием материалов, я в предстоящем году, может быть, еще смогу в какой-то степени включиться в эту работу. Не знаю, удастся ли мне летом 1970 года побывать в Москве, а очень бы хотелось и лично повидаться с Вами.

Еще раз сердечный привет и выражение моего личного глубокого уважения к Вам.

Искренне Ваш *В. Ганцов*

[Чернигов] 21.I.1970.

В.А. МОШИН⁷ – Н.И. ТОЛСТОМУ

[Загреб] 27.IV.64.

Дорогой Никита Ильич, Христос Воскресе!

От всего сердца шлем Вам и Вашей милой семье наши поздравления к Светлому Празднику! Дай Господь встретить в радости и душевном мире. У нас пока по старому. Я работаю в Нар[одной] библиотеке в Белграде по систематическому описанию рукописей. Параллельно с этим недавно закончил с двумя молодыми большую работу – первый том Сербского Дипломатора (до Милутина включительно). Мечтаю о южнослав. палеографии, но как то все нет времени взяться за эту работу, хотя накопилось и материала много, и своих наблюдений и соображений. Подаю снова просьбу о поездке на Родину навестить родных и поработать с рукописями. Если все будет благополучно, надеюсь в сентябре или октябре посетить Вас. Передайте, пожалуйста, Вашим коллегам, особенно С.Н. Никитину⁸, Ирине Степановне Достян и В. Гудкову наши сердечные поздравления с радостным праздником труда и веры в светлое будущее мира!

Всего, всего доброго

Любящий Вас *В. Мошин*

⁷ Академик Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987) – историк и филолог, выдающийся представитель русской научной эмиграции на Балканах, исследователь средневековой южнославянской и византийской книжности, архивист и палеонтолог, историк Афона, протоиерей. Выпускник Загребского университета, директор архивов Югославянской академии в Загребе, работал также над описанием и изданием рукописей в Архиве Македонии, в Народной библиотеке в Белграде, преподавал в университетах Загреб, Белград, Скопье. Н.И. Толстой многократно в разные годы встречался с В.А. Мошиным как в Югославии, так и в Москве.

⁸ Должно быть: С.А. Никитину.

Дорогой Никита Ильич,

от всего сердца поздравляем Вас с наступающими праздниками и шлем Вам и всей Вашей милой семье наши самые искренние пожелания всего, всего доброго – здоровья, энергии, новых творческих успехов, и радостей в семейной жизни! Я начал работать в Скопле (Архив Македонии) и приезжаю домой раз в две недели. По началу очень много работы на новом месте – боюсь, что моя статья задержится еще на месяц-два.

Крепко обнимаю Вас Ваш В. Мошин

В.А. МОШИН – Н.И. ТОЛСТОМУ

[Скопье] 20.XII.1979

Дорогой друг, Никита Ильич,

Вам, Вашей милой семье и друзьям по Вашему Институту шлю самые сердечные поздравления к Новому 1980-му году с самыми лучшими пожеланиями здоровья, энергии и новых творческих успехов во славу родной науки.

Надеюсь в начале марта приехать в Москву и в Ленинград на 2–3 месяца, вероятно, с сотрудницей для научной работы. Я себя чувствую хорошо, но пишу наугад, т.к. не вижу ничего кроме мутных строк. Все же, как-будто, просветлело немного, и хочу еще попросить помощи у Ваших чудотворцев-окулистов. Мне особенно советуют ехать в Вену к профессору Бэку (в преклонных годах, вроде меня), но проф. Пашуто советовал просить помощи у проф. Гельмгольца в Москве.

Я все еще “служу” и мои власти считают нужным задержать меня на посту редактора “Памятников...”, что для меня, без глаз, представляется весьма туманным. Работы всякой незаконченной накопилось много, а все время требуют и новых статей. Спасибо моей “хозяйке” телевизионной режиссерше Мире Мих. Олениной – она мне и читает и пишет под диктовку. В последнее время как-то тянет к старославистике – фантазирую о проблеме создания первоначальной кир[илло]-меф[одиевской] грамматики, о которой источники не говорят, как и вообще о грамматических трудах до середины XIV века (в связи с греческой реформой <одно слово нрзб>). Контраст с фонетикой, которую св. Кирилл считал основной задачей для регламентации славянской письменности. О том и Храбр, и азбучные молитвы и т.д. А система грамматики ему, как “двоязычнику” представлялась самоочевидной по структуре живой речи (по аналогии с греческой). И он ее фиксировал на переводе евангелия, которое стало общим образцом системы морфологии, тогда как синтаксис был целиком скопирован по греческой системе. И в периоде фиксирования средневековых рецензий <?> у всех слав[янских] народов новая система была фиксирована также в текстах княжеских евангелий, которые писали дворцовые дьяки. Эти были – в практике зарождавшейся государственной жизни – первыми грамотными писцами, воспроизводившими живую речь. Они ее фиксировали и в княжеских евангелиях – так же как и в первом периоде, спонтанно. А только в XIV в. – под греческим влиянием <-> в период славянского “возрождения” стали появляться теоретические построения – патр[иарха] Евфимия, ресавской школы и т.д.

Извините, что увлекся.

Крепко, крепко обнимаю

С любовью Ваш Влад. Мошин

В. ДОРОШЕВСКИЙ⁹ – Н.И. ТОЛСТОМУ

[Варшава] 5.I.1967

Сердечно Вас благодарю, дорогой Никита Ильич, за Ваши столь приятно оформленные пожелания. От себя и от имени всех близких мне людей, т.е. от моей семьи и моих

⁹ Витольд Дорошевский (1899–1976) – крупнейший польский языковед, родившийся и окончивший гимназию в Москве (однокашник А.А. Реформатского), автор фундаментальных трудов по словообразованию, диалектологии, лексикологии и лексикографии, истории польского языка, инициатор и главный редактор 11-томного словаря польского языка.

сотрудников, горячо желаю Вам и Вашему семейству счастья, здоровья и всяческого преуспеяния в Новом году –

С приветом *В. Дорошевский*

PS. Заключительные слова моего предыдущего письма я писал Вам как внуку автора “За что”, но не написал этого *expressis verbis*, а теперь пишу, так как потом я усомнился: не покажется ли Вам мое письмо сентиментальным.

[на отдельном листке:]

Я недавно, неожиданно для самого себя, перевел стихотворение Пушкина “Движенья нет...”. Разрешите преподнести Вам этот перевод к Новому Году.

*Że nie istnieje ruch, dowodził mędrzec siwy.
Inny, nie rzekł szy nic, przeszedł mu przed oczami.
Zachwycił wszystkich ten argument błyskotliwy:
Możliwy zawsze w słowach błąd, – a wzrok nie mamy.*

*Mnie ten zabawny spór rzecz inną przypomina:
Po niebie w drogę swą codziennie słońce rusza
I w oczach naszych jest gdzie indziej co godzina.
A słuszny przecież upór był – Galileusza¹⁰.*

WD

P. МРАЗЕК¹¹ – Н.И. ТОЛСТОМУ

Брно 6. июня 1968 г.

Многоуважаемый, дорогой Никита Ильич!

С невероятным опозданием приношу Вам свою искреннюю благодарность за Ваш замечательный книжный подарок мне. Было это вызвано, между прочим, тем, что мы с женой побывали за границей (во Франции), потом тяжелой болезнью нашей 16-летней дочери (это был ужас – повторялось у нее осеннее заболевание) – да потом событиями общественного порядка у нас в Чехословакии. Дочь уже, слава Богу, здорова, надеюсь, что больше эта болезнь (гнойная капсула внизу под спиной) не будет повторяться.

Наши общественные дела сулят много надежд, понятно, при соблюдении строго социалистического пути и наших узов к союзникам, прежде всего к СССР. Авось будет больше демократии и свободы. Меня лично радует, что стало свободнее в духовной области, прекратилось гонение против церкви и т.д. Ну, далее увидим.

¹⁰ *Пушкин А.С.* Движение: (“Движенья нет, сказал мудрец брадатый...”) // *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения, 1817–1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. С. 432.

*Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.*

¹¹ Роман Мразек (1921–1989) – известный чешский славист и русист, доцент университета в Брно, специалист по русскому синтаксису и сравнительному синтаксису славянских языков, автор ряда фронтативных исследований русского и чешского языков, а также пособий по русскому языку для чехов. Н.И. Толстой ценил не только труды Р. Мразека, но и его прекрасный русский язык и изящный эпистолярный стиль.

С великой радостью жду славистского съезда в Праге, так как предполагаю, что мне будет дано повидаться со многими моими друзьями из-за границы, в том числе и с Вами. Обязательно хоть один раз прошу Вас быть моим гостем, где-нибудь в хорошем уголке старой “Златой Праги”. – Дорогой Никита Ильич, высылаю Вам поочередно 3 тома академической Истории чешской литературы; в три приема высылаю потому, что каждый том весит слишком много, чтобы пакет не получился сразу слишком тяжелый. Надо же мне, наконец, и с моей стороны возмещать Вам Ваши столь милые книжные подарки мне, да какие для меня бесценные!

Весной этого года работа у меня никак не клеилась, общественные дела не позволяли, нужно ведь перечитывать газеты, культурные журналы и проч. Т.П. Ломтев приглашает меня (вместе с колл[егой] Бауэром) в сентябре в Москву, там будет состояться какая-то международная конференция, пока еще не знаю, смогу ли съездить туда, денег у нас с женой в обрез, а проезд надо платить нам самим. – Как у Вас дочка растет, как Ваши дела, здоровье? С невероятной радостью жду встречи с Вами, дорогой Никита Ильич!

Всего Вам и семье хорошего, до свидания *Роман Мразек*

Н.И. ТОЛСТОЙ – Р. МРАЗЕКУ

[Москва] осень 1968 г.

Дорогой Роман Антонович!

Сердечно благодарю Вас за внимание, за книги, которые Вы мне прислали и которые мне были очень нужны, и за доброе письмо особенно, т.к. оно облегчило мою душу сознанием, что Вы живы-здоровы и трудитесь на благо славистики, как всегда.

Я с радостью вспоминаю нашу мимолетную встречу в Праге. Вы были так добры, человечны и благостны. Жаль только, что тогда в Праге, как и на всяком съезде, где “много встреч и много лиц”, все было на бегу. Не грустите о том, что Вы были чуть-чуть навеселе и без денег. Во-первых, и нам было с Вами весело, а во-вторых, как говорится в старославянских текстах, изучению которых мы посвятили свою жизнь, – “блаженны нищие...”.

За книги я Вам очень признателен. Они для меня – орудие труда. У Келлнера есть большой словарь восточноляшского диалекта, а я сейчас увлечен диалектной лексикой. “Общеславянский словарный состав” Фр. Копечного – драгоценность, которую нельзя было достать в книжном магазине и которая имеется у нас в России всего в двух-трех экземплярах. Эта книга мне тем более драгоценна, что она с дарственной надписью от автора. Поклон от всей души проф. Ф. Копечному и благодарность.

Единственно с книгой проф. В. Шмилауэра произошла маленькая неясность. Вероятно, я Вам плохо объяснил, что мне надо. Úvod do toponomastiky у меня есть – я его достал своевременно. Но у меня нет литографированного курса того же автора Přívůška slovanské toponomastiky, t. I–II. Praha, 1963 (две книги). Этих двух книг нет и в нашей институтской библиотеке и единственным обладателем их в Москве является В.А. Никонов. А между тем в этом литографированном издании Вл. Шмилауэр дает перечень (довольно обильный) славянских географических терминов, встречающихся в топонимике. Я сейчас (не помню, говорил ли я Вам об этом) написал небольшую книгу под названием “Славянская географическая терминология”. В будущем году, вероятно, она увидит свет, и я непременно Вам её вышлю. С этой литографированной книгой Шмилауэра не беспокойтесь и не спешите её доставать. Вообще пока, пожалуйста, мне больше книг не посылайте – я много получаю через книжный магазин и слежу за новинками. Я же со своей стороны Ваш большой книжный должник и готов доставать Вам всё что у нас выходит и что Вам нужно. Пишите об этом – я вышлю Вам книги с удовольствием.

Хотя и писать о себе всегда как-то нескромно, сообщу Вам всё же, что с осени начал читать курс старославянского языка в Московском университете, а с февраля начну спецсеминар по славянской диалектной лексикологии и лексикографии. Много готовлюсь к лекциям, перечитываю памятники, источники, материалы о Кирилле и Мефодии, о Моравской миссии, о делах далёких и близких.

Институт наш расширился – стал институтом славяноведения и балканистики. Пришел к нам большой отряд византинистов и мы им рады.

<...> Мои родители Вам кланяются и желают Вам и Вашей семье всяческого благополучия. Я, конечно, желаю того же самого.

Благодарю Вас за Ваши дружеские чувства.

Искренне Ваш *Н.И. Толстой*

Р. МРАЗЕК – Н.И. ТОЛСТОМУ

Брно, 29 августа 1969 г.

Дорогой Никита Ильич!

Вы были столь любезны и подарили мне один экземпляр Вашей замечательной книги, вышедшей из печати, о славянской географической терминологии. За этот подарок и за прекрасную дарственную надпись я Вам благодарен от всего сердца, большое Вам спасибо!

Вместе с тем разрешите мне поздравить Вас с выходом в свет этой весьма интересной компаративистской работы. Книгу я уже перелистывал и с удовольствием прочитал ее при первом удобном времени, тем более, что я стал уже довольно сведущим пассивным интерпретом всех современных славянских литературных языков, хотя бы только в области синтаксических конструкций и морфологического строя.

Никита Ильич, Вы можете быть счастливы, что вышла такая Ваша превосходная работа, которая столь полезна, нужна славистам всего мира и которая обогащает науку. Постараюсь переговорить с некоторыми нашими брновскими лексикологами и этимологами, может быть, кто-нибудь из них пожелает написать рецензию.

На днях, в течение всего августа, мне чаще, чем в другой раз, вспоминались мои друзья, с которыми мы повстречались в прошлом году по случаю шестого международного конгресса славистов. Минуты, проведенные в Вашей близости, останутся для меня незабываемыми.

Надеюсь, что Вы всей семьей провели хорошие летние каникулы, что порядочно отдохнули и что Ваши дела идут хорошо. Мне, по всей видимости, предстоит в будущем семестре лекторат русского языка на филологическом факультете университета в Вюрцбурге в Зап. Германии. Вместе с тем меня снова как-то тянет к моим друзьям-славистам в России, ведь я сильно нуждаюсь в русском разговоре, а то начинаю забывать этот красивый язык, речевую практику на нем.

Еще раз благодарю, шлю много самых теплых приветствий!

Уважающий Вас *Роман Мразек*

Л.В. КОПЕЦКИЙ¹² – Н.И. ТОЛСТОМУ

Прага, 9 сентября 1969 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Никита Ильич,

письмо Ваше прочитал в середине августа, когда возвратился с гор, и только теперь, по выяснении обстановки, спешу Вам ответить и прежде всего поблагодарить за великодушное отношение к моей статье. Думал вначале ее отправить (закончил ее оформление сегодня), но обстановка складывается так, что с оформлением моих документов, ве-

¹² Леонтий Васильевич Копецкий (1894–1976) – лингвист русского происхождения, выпускник Карлова университета в Праге, создатель авторитетной чешской школы русистики. На протяжении полувека занимался изучением лексики и грамматики русского языка, теорией и практикой преподавания русского языка чехам; вместе с крупнейшими чешскими лингвистами Б. Гавранек и К. Горалеком возглавлял коллектив составителей “Большого русско-чешского словаря” в шести томах (Прага, 1952–1964), участвовал в подготовке и издании целого ряда других чешско-русских и русско-чешских словарей. Перу Л.В. Копецкого принадлежат также теоретические труды по грамматике, семантике, теории лексикографии, методологии языкознания, методике преподавания русского языка, пособия по грамматике и стилистике.

роятно, будут готовы около 20, так что я решил ее привезти с собой. Злоупотребляя Вашей снисходительностью, я уместил свои соображения на 30 страницах, кое-что было бы можно поместить петитом. Если статья не подойдет или если что-нибудь в ней окажется неприемлемым, прошу не делать никаких скидок.

Был тронут Вашим вниманием помочь мне ориентироваться в Москве. Первоначально я должен был ехать по линии АН, что всегда проще было и удобнее. Но сложилось так, что я должен буду в начале октября уже быть здесь, а это проще сделать через мин-ство просвещения, поэтому так и оформляют мои бумаги. Уверяют, что все будет в полном порядке и беспокоиться не о чем... Увидим!

Хочу верить, что дома у Вас все устроилось, и матушка Ваша поправляется после перенесенных страданий. Легко себе представляю ту житейскую нагрузку, которую Вам пришлось и придется нести. Лишь бы Ваши сыновние усилия увенчались успехом, чего от всей души Вам желаю.

С Александром Васильевичем¹³ нахожусь в регулярной переписке и вот как раз сегодня получил от него из Лос Анжелоса письмо. Он просил о продлении ему бесплатного отпуска до конца будущего, для него юбилейного, года. Читает там несколько курсов; пишет русскую историческую грамматику на английском языке; встречается с Б.Г. Унбегауном и Романом Осиповичем Я[кобсо]ном, который обещал до конца этого года приготовить свою переписку с Н.С. Трубецким. Сейчас читал лекции о фонологии русских пословиц и поговорок. В Америке из славистов находится Лешка и Адамец; в Австралии – доценты Зимек (возвращается зимой) и Оливернус (выехал на три года).

В нашем ин-те готовим к изданию (в 1970 г.) материалы по субстантивной парадигматике м.р., продолжаем работу по чешско-русскому генеративному словарю, по описанию русского адъектива и глагольного управления. Все это охватывается единым намерением приблизиться к описанию русского словарного запаса. В далекой перспективе, которая уже для меня не реальна!

Еще раз сердечно благодарю Вас за оказанное мне внимание и шлю свои пожелания полного благополучия и успеха во всех Ваших начинаниях.

С глубоким уважением Ваш *Л. Копецкий*

Л.В. КОПЕЦКИЙ – Н.И. ТОЛСТОМУ

Прага, 27 марта 1970

Дорогой и глубокоуважаемый Никита Ильич, с ответом несколько задержался из-за выяснения обстановки в моих поисках словарей... Словарь Грушки, посланный Вам проф. Шмиляуром, Вы, вероятно, уже получили, и я очень рад, что сроки ожидания словарей значительно сократились. Насчет Бартоша также не так трагично, как первоначально казалось. Правда, один след, о котором я Вам не писал, но который мне представлялся надежным, был утерян, но сразу же появился второй, и я по нему упорно иду. Еще до Вашего письма я получил для Вас Грегора, который, оказывается, у Вас есть. Если Вам нужен второй экземпляр, я его Вам вышлю. Кроме того, получил книжку Франтишка Сверака "Карловицки наржечи", изданную в 1957 году, в которой список слов занимает 38 страниц из 172 страниц текста. На всякий случай я его Вам отправлю одновременно с письмом. Но и это не все: начали организовывать фотографирование словаря Грушки, которое я теперь остановлю, так как случайно разговорился на одном собрании у ректора со Шмиляуром, и тот мне все сделал. Бартош у него тоже есть, но он мне прямо сказал, что пока он не хотел бы с ним расставаться. Иначе Ш[миляур] милейший старик и без всяких уговоров для Вас был готов мою просьбу исполнить... Я очень рад. А Бартоша Вы получите!

Представил себе живо всю сложность Вашей лингвистической обстановки, фокус многочисленных лучей, которые надо согласовать, чтобы все шло гладко и не скрипело. В такие моменты, которые мы несколько в иной констелляции переживали также,

¹³ А.В. Исаченко.

когда из привычной цепи вынута звено и надо эту цепь снова восстановить, – нужна бесспорная фигура, бесспорная хотя бы в каком-нибудь одном аспекте. Нет ее, – и создается ощущение постоянной неустойчивости. Когда-то у нас все висело на Гавранке. Хорошо ли, плохо, но была центрирующая фигура: без него ни одна свадьба не обходилась. Так к этому привыкли. А вот из такого обихода выпал, новый фронт, правда, сомкнулся, можно двигаться дальше, а руководителя нет, демократический централизм не налажен, идем больше по линиям “бывших учеников”, “приятельских отношений”, случайных встреч и т.п. Конечно, и общая перестройка кафедр, кадровых составов и ученых советов и пр. и т.п. имеет здесь значение, но работе это, несомненно, помогать не может... С Вашими данными, определяющимися интересами и успехами следовало бы, конечно, задуматься над направлением, которое обеспечило бы максимум благоприятных условий для реализации всех Ваших планов.

Отрадно было читать, что так достойно предполагается закрепить на будущее память о В.В.¹⁴. Это тот случай, когда покойники организуют живых, особенно молодые силы. На наших молодых лингвистах я теперь ясно вижу, чего им в подготовке не хватало. Говорили мы об этом – вернее – переписывались мы об этом и с А.В. Молодежь плохо знает историю своей науки, и легко ее увлекают вещи, которые без шума, в ином направлении, намечены были давно. В этом смысле научная традиция при критическом к ней отношении играет роль предупредительной пометы, ведет к осторожности в заключениях и уже, несомненно, к скромности, которая так восхищала, например, меня, когда я много, много раз пересматривал и перечитывал незаконченный синтаксис Шахматова или его рецензии, например, на “Значение каморы” Васильева.

А Киев и его обстановка! Сколько воспоминаний – детских, юношеских, фронтовых, когда приходилось возвращаться на юго-западный фронт той первой войны, случайных и всевозможных вообще связано с этой “матерью городов русских”. Видел я его во всякое время года, в разных обстоятельствах – и всегда для меня он был из всех известных мне городов самым уютным, ласковым и... русским. Мечтаю еще хоть раз взглянуть на Владимирскую горку, на Днипро, на Подол...

Готовимся к лексикологической и лексикографической конференции в Смоленицах (Словакия). Состоится она в начале мая (4–7). Словаки этим удерживают традицию: первая такая конференция была в 1952 году. Вчера отдал для размножения тезисы своего реферата (“Актуальные вопросы лексикологии и лексикографии в свете современных лингвистических теорий”), а на следующей неделе должен отдать статью для возможно сборника этой конференции.

А.В. оканчивается срок пребывания в марте; он просил о продолжении до конца года, но этого, кажется, не разрешили. Как теперь будет, не знаю, хотя получил от него письмо всего неделю тому назад. Там он этого вопроса касался лишь вскользь, как будто надеялся, что все “образуется”: думаю, что вряд ли на это можно рассчитывать. Другая погода!

Следовало бы мне, дорогой Никита Ильич, начать письмо мое с большой благодарности за внимание и замечательные книги, которых здесь еще нет, и кто знает – будут ли. Ведь указатель к книге Н.Н. Дурново делал я в 1927 году. Тогда с покойником я довольно часто встречался. Ваши диалектологические изыскания и вообще диалектная лексика – мои неизменные интересы, хотя специально я этим и не занимался. Привил к ней у меня вкус мой учитель Д.К. Зеленин, а потом Поливка. Оба они в моей судьбе оставили след (ведь Д.К. сюда рекомендовал, а с П. я работал несколько лет, и след остался в описании сказок Новпольцева в Славии, тоже, кажется, в 1927 году). Словом, я Вам очень, очень благодарен за книги. Сам постараюсь сделать все, чтобы Б[артош] у Вас был.

¹⁴ Акад. В.В. Виноградов.

Не откажите передать мой глубокий почтительный привет всем Вашим дорогим в семье и принять от меня самые сердечные пожелания прочного здоровья, душевного расположения и полного благополучия.

В глубоком уважении Ваш *Л. Копецкий*

Л.В. КОПЕЦКИЙ – Н.И. ТОЛСТОМУ

Прага, 5 апреля 1970

Глубокоуважаемый и дорогой Никита Ильич, беспокою Вас своим письмом в связи с корректурами, которые я получил вчера, 4 апреля, в сверстанном виде. Меня удивило необыкновенное множество опечаток, а 11 февраля заказным я отправил корректуры в гранках и там ошибок было несравненно меньше. Я обеспокоен двумя обстоятельствами: получили ли вообще исправленные мной корректуры в гранках – во-первых, а во-вторых, достаточно ли будет одной правки сверстанной корректуры так плохо набранного текста. Нужно сказать, что в практике своей такой плохой корректуры я не видел даже здесь при наборе русского текста. Не знаю, чем это объяснить... Не откажите мне посоветовать, как провести контроль будущей правки.

Надеюсь, что письмо мое и книгу Вы уже получили, а я нетерпеливо жду ... Бартоша.

Получил на днях письмо от А.В., как всегда, интересное. Между прочим сообщает, что Б.Г. Унбегаун нашел три грамматики доломановского периода и их издал – одна Капиевича 1706 г., одна шведская и одна, основанная на Ададурове. У самого А.В. срок истек в конце марта; не знаю, получил ли он продолжение своего пребывания, о котором просил. Думаю, что нет. Как теперь будет, не знаю.

Мы готовимся на лексикографическую и лексикологическую конференцию в Смоленицах (Словакия); будет она 4–7 мая.

Примите от меня сердечный привет и не откажите передать его Вашим близким.

Сердечно преданный Ваш *Л. Копецкий*

Л.В. КОПЕЦКИЙ – Н.И. ТОЛСТОМУ

Прага, 17 мая 1973

Дорогой и многоуважаемый Никита Ильич, Премного Вам благодарен за такую богатую книжную посылку, которую я во всей исправности получил, и бросился читать замечательную книгу О. Балдиной, а по утрам, как это у меня по-стариковски заведено, проблемы карпатского языкознания. Они меня давно интриговали, особенно после моей поездки туда еще перед войной. Все остальное также очень интересно. Словом, еще и еще раз Вам благодарен за внимание, память и заботу обо мне. И не знаю уж, как смогу Вас за все это отблагодарить!

А лубочные картинки – это прелесть, для нашего поколения живая действительность, с ней мы знакомились на ярмарках, где за пять копеек можно было всегда иметь великого Петра в подобию кота, которого торжественно погребают мыши. Мы все это знали, сравнивали разные издания. Ко времени первой войны стало это как-то исчезать, а потом для этого не было уже времени и обстановки.

Семиотикой я стараюсь заниматься, ее глобализм меня всегда тянул.

Живу пока в полном здравии и усиленно продвигаю взятые на себя обязательства. Их много, и надо спешить...

Из продукции последнего года посылаю Вам кое-что предварительно, но на подходе мой доклад прошлогодний о теоретических предпосылках двуязычной славянской лексикографии. В машинописном виде, без исправлений, он попал уже в Москву, но не хотел Вам такой посылать, надеясь на скорое издание сборника прошлогодней конференции. Он вскорости выходит, и я буду рад Вам его послать. Также еще в этом семестре выйдут как лекции Типы склонения русских существительных во всем объеме. В мае ожидаем для факультета Очерки по советскому страноведению, в которые кое-что также написал, дал концепцию и был редактором. Параллельно перерабатываю свою мор-

фологию, от которой отделию фонетику. Та получит обработку у другого автора, специалиста по фонетике, моего б[ывшего] ученика З. Оливерюса.

Вот так пока на старости лет и развлекаемся, может быть по легкомыслию, так как пора бы и успокоиться.

Был здесь по делам словаря, для которого я в свое время создавал концепцию (как своего рода лексикографический эксперимент для построения словаря “генеративного” с установкой на построение текста, перевода мысли в слово) А.М.Б.¹⁵ От редакции я отказался, а потом и вообще от всего дела отошел. А.М.Б. состоит редактором русской стороны словаря. Помогает ему Шилина Г.А. (Лилич) и Карская в Ленинграде.

Новости наши Вы, вероятно, все знаете. Кроме того в воскресенье едут в Москву на очередное заседание грамматической секции Славянского комитета Лешка и Кржижкова. Они Вам, вероятно, о житье нашем расскажут. Теперь это второе поколение русистов и несет на своих бедрах судьбы здешней лингвистики русской. Своего бывшего ученика и аспиранта доц. Грабе, представленного уже в профессора, я предупредил, что должны они хорошо работать, так как в общем получили приличное наследство во всех разделах русистики. Не видно что-то пока заметных новых шагов. Много об этом на своем месте говорил также им и А.В. Кстати давно что-то не писал. А Б.О.¹⁶ уже нет, что, конечно, Вам сообщили.

Хотелось бы верить, что у Вас все благополучно, что все в меру возможностей здоровы. Не сомневаюсь, что в связи с Вашей работой на кафедре МГУ у Вас, вероятно, очень много работы. А как продвигаются белорусские исследования? Это также тематическое направление, за которым слежу.

Дорогой Никита Ильич, передайте пожалуйста от меня Вашей милой семье, о которой постоянно вспоминаю с теплотой, от всей души пожелания всего светлого, душевного расположения и прочного здоровья. Того же и дальнейших успехов в Ваших исследованиях желаю и Вам в надежде, что они принесут Вам полное удовлетворение среди постоянных забот и волнений.

Еще раз большое, большое спасибо.

Обнимаю Вас, Душевно преданный Вам Ваш Л. Копецкий

Л.В. КОПЕЦКИЙ – Н.И. ТОЛСТОМУ

Прага, 9 июля 1973 г.

Дорогой и глубоко чтимый Никита Ильич, тронут был Вашим вниманием, ласковым отношением и книжным подарком, который заполняет теперь все мое свободное время, а своей этнографической тематикой уводит в далекое и более близкое прошлое ко временам Д.К. Зеленина и Ю. Поливки, с которыми был связан и по работе и по учебе. Давно это было, но вкус к сказке, народному быту, жизненной философии и природной диалектике остался. Вот и сейчас пробыл две недели в Словакии на горах известной Фатры с лунными пейзажами, “провалами”, роскошными лесами, а главное – деревушками и халупками, вписанными в окружающую природу. Помогал убирать сено двум старикам и с наслаждением слушал их неторопливый рассказ о довоенном, начала этого века, прошлом, об освобождении двукратном, о радикальных переменах в жизни, которые они как-то приспособили к тому главному, что составляет их ядро и надежный компас их общего жизненного направления. Хозяин мой и его веселая, бедовая старуха вывели в люди три сына (доктор, монтер и древоруб), дочь, выданную за мастера какого-то комбината и помогли выходить 11 внуков и внучек. Вообще весь район отличается чадолюбием и ласковым отношением к детям. В этой обстановке я и подумал, что в охрану окружающей среды должно входить бережное отношение к быту таких деревушек, которые сами найдут путь использовать все современные достижения, сохраняя то, что составляет основу их внутреннего бытия.

¹⁵ А.М. Бабкин.

¹⁶ Б.О. Унбегоун.

Между прочим не встречал там ни озлобления, ни спешки столь характерных для нашей цивилизации... Было это целебное пребывание.

Теперь я в усиленной работе по подготовке к переизданию моей морфологии: пере-страиваю субстантивную парадигматику и адъектив. Кроме того, много разных отзы-вов, которые связывают по времени.

Восхищен Вашей трудоспособностью и размахом работ, которые продолжают слав-ные традиции русской славистики. Мне ясно, что на фронте ее современном, у Вас там, подлинным представителем ее можете быть только Вы. Это так блестяще доказано бы-ло хотя бы работой о роли древнеславянского языка в славянском мире и статьей о фра-зеологии. И надо всячески приветствовать Ваши широкие планы по организации этно-графической работы в Белоруссии именно потому, что будут они покоиться на глубо-ком славистическом основании. Для этого нужны открытые славистические горизонты эпохи расцвета славянских изучений. От души желаю Вам на этом поле грандиозных успехов, достойных эпохи.

На конгресс в Варшаву, вероятно, не поеду: к делегации я, конечно, не отношусь, а побывать в Варшаве собираюсь в следующем году в связи со съездом там издательств словарных. В прошлом году такой съезд был здесь в рамках СЭВ, в следующем году бу-дет в Варшаве. Мой прошлогодний доклад о теоретических предпосылках двуязычной славянской лексикографии Вам не послан потому, что он выйдет в Сборнике осенью. Если издание задержится, вышлю экземпляр ротапринтовый.

Может быть, дорогой Никита Ильич, Вам что-нибудь нужно отсюда из книг. Мне было бы очень приятно исполнить Вашу просьбу и хоть чем-нибудь отблагодарить Вас за Вашу доброту.

Позвольте же пока самым сердечным способом выразить Вам мою признательность за все, что Вы для меня сделали. В моем возрасте и в моем положении я особенно чутко воспринимаю Ваше сердечное ко мне отношение.

Мой низкий поклон и пожелание благополучия не откажите передать Вашей ма-тушке.

Сердечный привет Светлане Михайловне и детишкам.

Вам, Никита Ильич, моя глубокая благодарность за все, братский горячий привет и пожелание неизменных успехов во всех Ваших начинаниях.

Обнимаю Вас. Преданный Вам Ваш *Л. Копецкий*.

Подготовка текстов и комментарии С.М. Толстой

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, № 6

Н.Н. СТАРИКОВА. Словенский исторический роман 1920–1930-х гг. Типология, генеалогия, поэтика / Отв. ред. Г.Я. Ильина. М., 2006. 192 С.

Монография Н.Н. Стариковой посвящена жанру исторического романа в словенской литературе, рассматриваемому в теоретическом, историческом и художественном аспектах. Данная тема представляется интересной и актуальной как с точки зрения развития жанра в целом, так и с учетом его места и роли в национальном литературном процессе. Исторический роман можно отнести к бесспорным художественным достижениям словенской литературы: до настоящего времени он остается одним из ведущих жанров в словенской прозе. Развиваясь в общем русле национального литературного процесса, он во многом способствовал обогащению идейно-эстетического контекста литературы, обновляя собственную поэтику новыми художественными формами, пропагандируя идеи национального единения, политической и социальной консолидации, сопротивления внешней угрозе, патриотизма.

Историческая проза сыграла особую роль в становлении и развитии славянских литератур XIX–XX вв. Помимо влияния на эти литературы общеевропейских мировоззренческих и литературных установок (интерес к истории романтиков, внимание реалистов к смене социальных парадигм и т.д.), жанр исторического романа осмыслился славянскими писателями, начиная с эпохи национального возрождения, как конституирующий для национального менталитета. Именно в области исторической прозы литературы славянских народов в наи-

высшей степени реализовали свою “будительскую”, воспитательную функцию. Однако, несмотря на важность исторического романа для славянских литератур, далеко не во всех этих странах наука о литературе располагает обобщающими трудами, исследующими развитие жанра на протяжении длительных периодов. С этой точки зрения книга Н. Стариковой имеет несомненное научное значение и заполняет собой определенную “нишу” в европейской словенистике. Исследуемый в монографии период охватывает почти столетие: с середины 1830-х годов, когда осуществляются первые попытки художественного воплощения национальной истории, до начала Второй мировой войны.

Композицию монографии следует признать продуманной и четкой. Пять глав книги позволяют последовательно рассмотреть различные аспекты избранной автором темы. Во Введении автор представляет проблематику работы и состояние исследований по изучаемому вопросу. Период между Первой и Второй мировыми войнами чрезвычайно интересен и динамичен как для словенской литературы в целом, так и для словенской исторической прозы. В общественно-политической жизни начинают проявляться противоположные тенденции, обусловленные, с одной стороны, католической, с другой – марксистской идеологией, на словенскую культуру начинают одновременно влиять многие европейские философские, идейные, мировоззренческие направления (нищанство, пессимизм

Спенглера, фрейдизм, теория Вайнингера и т.д.), в литературу проникают элементы новых направлений (социального реализма, экспрессионизма, экзистенциализма), которые существенно преобразуют картину словесности межвоенного периода. Одним из важнейших изменений становится процесс «плюрализации», который подразумевает равноправное сосуществование различных эстетических направлений, что проявляется как на уровне литературных родов и видов, так и литературных жанров. В первой половине века, характеризующейся историческими катаклизмами, на передний план выходит исторический роман, начинающий синтезировать новые типы, этот жанр становится ведущим в прозе и остается востребованным до третьего тысячелетия.

Первая глава – «Своеобразие исторического романа. К вопросу о типологии жанра» затрагивает принципиальные теоретические вопросы. Автор опирается на работы русских, словенских, европейских ученых, в первую очередь на понятия «хронотопа» М. Бахтина, «жанровой доминанты» Ю. Тынянова и принцип саморазвития литературы, сформулированный Ю. Лотманом. Она констатирует, что появление исторического романа могло означать существенное изменение жанрового хронотопа, поскольку история и современность вступали в прямой контакт друг с другом, взаимно проникая и преобразовывая друг друга. К «жанровым доминантам» исторического романа автор относит историзм мышления и художественного воссоздания жизни, документализм, своеобразие поэтики. В рамках этих доминант и формируются жанровые особенности, положенные в основу различных типологий исторического романа. В главе дан обзор существующих типологий и предложен авторский типологический подход к жанру, основанный на типе проблематики и характере основного конфликта. В зависимости от типа проблематики и характера исторического конфликта, трансформированного в конфликт художественный, в качестве ведущих типов исторического повествования в словенской литературе XX в. Старикова различает историко-социаль-

ный, историко-биографический и историко-философский романы, которые на наиболее репрезентативных примерах анализируются в третьей, четвертой и пятой главах монографии.

Вторая глава книги – «Особенности формирования словенской исторической прозы (1840–1910-е годы). Генеалогия жанра» носит обзорно-обобщающий характер и посвящена исследованию становления, формирования и развития словенского исторического романа. Автор представляет исчерпывающий обзор словенской исторической прозы (новелл, повестей, рассказов) в XIX в. Возникновение жанра она связывает с периодом романтизма и, прежде всего, с влиянием творчества Вальтера Скотта, а значение – с формированием национального самосознания. Уже в этот период историческая проза становится одной из самых главных форм прозаического творчества, обладающего своей спецификой. Следование приключенческой (авантюрной) и «готической» модели романа имело, как справедливо отмечает автор, свои последствия, в первую очередь в связи с тематикой: в центре внимания словенских прозаиков оказываются Средние века, местом действия – замки, они заимствуют мотивы рыцарских романов (герой, сражающийся с врагами, мотивы тайны, похищения, мщения). Помимо Средневековья словенских литераторов XIX в. привлекали эпоха Реформации и период крестьянских восстаний, их произведения носили национально-патриотический и дидактический характер. Важен был также религиозный угол зрения. Тип романа, для которого характерно соединение романтических и реалистических элементов и отсутствие углубленного психологизма, доминировал в литературе до конца XIX в.

Третья, четвертая и пятая главы посвящены анализу произведений, наиболее ярко характеризующих выделенные автором монографии типы исторического романа. В процессе осмысления каждого текста Старикова создает соответствующую «систему исследовательских координат», обращая внимание, прежде всего, на те аспекты содержания и формы, которые в данном случае представляются жанрообразующими. В третьей

главе – «Личность и эпоха. Историко-социальный роман И. Тавчара “Хроника усадьбы Высокое”» ее интересует соотношение “автор–повествователь (хронист)”, содержание главного конфликта романа, отражающего в системе личных отношений религиозное противопоставление протестантизма и католицизма, социальный анализ как основа типизации характеров, воплощение в системе персонажей сословного противостояния. Тавчар первым в национальной литературе использовал форму беллетризованной исторической хроники, его также можно с полным правом назвать новатором в самом широком европейском контексте развития жанра: вымышленный повествователь-хронист, от лица которого ведется рассказ в “Хронике...”, – фигура для классической европейской хроники нетипичная, это не монах-летописец и не знатный феодал, а простой крестьянин, обученный грамоте. Он записывает историю своей жизни в назидание потомкам, фактически это исповедь перед Богом и людьми, а не собственно последовательная дневниковая фиксация важнейших событий. Поэтому в качестве основного критерия отбора эпизодов использован фактор участия в них повествователя – он фиксирует то, чему был непосредственным свидетелем. Тавчар одним из первых в словенской литературе, попытался связать особенности внутреннего мира и психологии своих земляков с их исторической и социальной судьбой.

В четвертой главе – «Историческая биография. Драма поэта в “Романе о Прешерне” И. Ваште» рассматривается историко-биографический роман. В 1930-е годы, когда словенцы в новом государственном объединении (Королевстве СХС) постепенно теряли автономию, в обществе вновь возрастает интерес к национальной истории, прежде всего к ее великим героям, что способствует укреплению национального самосознания и национальной идентичности. Неудивительно, что в это время главным лицом словенской исторической биографии становится крупнейший национальный поэт первой половины XIX в. Франце Прешерн, личность которого символизирует для словенцев главные национальные черты. Внимание исследо-

вательницы привлекают соединение историко-документального и авторского начала и средства раскрытия психологии личности, сформированной конкретными эпохами. Динамичность повествования, как отмечает автор, создается благодаря двунаправленности сюжетных векторов. Один из них – центробежный – ведет повествование вширь, второй – центростремительный – направлен только на главного героя, его внутренний мир, столкновение “данного и желанного”, на изломе которого развивалось творчество словенского романтика.

Пятая глава – «Феномен Владимира Бартола. Универсальное и национальное в историко-философском романе “Аламут”» представляет анализ наиболее репрезентативного и до сих пор актуального исторического романа словенской прозы. Его действие развивается в средневековом Иране, однако история исмаилитской секты ассасинов и ее главы, в недрах которой зародился мировой терроризм, является для писателя поводом поразмышлять о важнейших европейских событиях накануне Второй мировой войны. Историческая тема здесь дает пищу для аналогий с современностью, причем ее актуальность не исчерпывается сопоставлением персидского прошлого и времени европейского диктатур между двумя мировыми войнами, но востребована и в нынешнем XXI в. Автор книги обращает внимание на жанровую “поливалентность” и художественное новаторство романа. Как интеллектуальный роман, синтезирующий черты романа исторического, философского, психологического, приключенческого, соединивший разные (элитарные и массовые) культурные коды, произведение Бартола, по мнению современных словенских исследователей, которое разделяет Старикова, можно рассматривать и в качестве предшественника постмодернистского романа. Автор монографии отмечает, что именно историко-философский роман является самым инновационным типом исторической прозы.

Заключительный раздел монографии обобщает выводы, сделанные в ходе исследования, и содержит краткий обзор дальнейшего развития словенской исторической прозы в XX в. Подобное построение

ние заключения ценно именно перспективностью научного взгляда на изучаемый жанр – от его истоков до нынешнего состояния. Оно доказывает, что поэтика исторического романа складывается как итог поисков словенской и европейских литератур. Словенский исторический роман, по мнению автора работы, с которым нельзя не согласиться, сыграл существенную роль в освоении литературой национально-исторического и художественного своеобразия через диалог с европейскими литературами и во многом способствовал художественному обогащению национальной литературы в целом.

Книгу заключают приложение, в котором впервые представлен полный список авторов и названий исторических новелл, повестей и романов на словенском языке, опубликованных в 1845–1940-х годах, и библиография использованной литературы.

По нашему мнению, монография Н.Н. Стариковой представляет собой крупный научный прорыв в современной

литературоведческой словенистике. Анализ конкретных произведений переплетается со всесторонним исследованием эпохи, в которую они создавались, с учетом ряда существенных факторов (исторических, политических, идейных, идеологических, социокультурных, историко-литературных, личностно-психологических и др.). Типологическая специфика словенского исторического романа доказана многочисленными примерами. До сих пор в Словении еще не было монографии, комплексно исследующей словенский исторический роман, поэтому книга Стариковой – работа не только высоконаучная, но и новаторская, имеющая важное значение как для изучения литературы и литературного процесса в целом, так и для изучения теории жанров, теории исторической прозы, словенской литературы, славянских литератур и европейской литературы XX в.

© 2008 г. Т. Вирк

Пер. со словенского Т. Комаровой

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “БОЛГАРИЯ И РОССИЯ – МЕЖДУ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ И ПРАГМАТИЗМОМ”

С 28 февраля по 1 марта 2008 г. в Софии проходила международная научная конференция “Болгария и Россия – между признательностью и прагматизмом”, организованная Институтом истории Болгарской академии наук (БАН) и Форумом “Болгария – Россия” в рамках празднования 130-й годовщины Освобождения Болгарии от османского ига и восстановления болгарской государственности, а также Года России в Болгарии. Научный форум собрал более 70-ти болгарских и российских исследователей. Российских ученых представляли сотрудники Института славяноведения РАН, Института российской истории РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова и других университетов страны. С приветственным письмом к участникам конференции обратился президент Республики Болгария Г. Пырванов. Заместитель председателя БАН академик *К. Косев* в своем выступлении подчеркнул, что в ходе освободительной русско-турецкой войны “идея о свободной и независимой Болгарии естественным образом сочетала в себе одновременно как признательность болгарского народа, так и прагматизм победителей”. На пленарном заседании были заслушаны приветственные выступления директора Института истории БАН чл.-корр. *Г. Маркова*, директора Института славяноведения РАН *К.В. Никифорова*, директора Института российской истории РАН *А.Н. Сахарова* (его обращение зачитал Н.Ф. Бугай). В откритии конференции участвовал посол

Российской Федерации в Болгарии *А. Потапов*. Российские гости привезли в дар своим болгарским коллегам новые российские научные издания и выразили глубокую благодарность организаторам конференции – председателю правления Форума “Болгария – Россия” г-же *С. Шаренковой*, а также руководству и сотрудникам Института истории БАН.

Работа конференции проходила в рамках двух “круглых столов”: “Рождение современного болгарского государства и Россия (1878–1934)”; “Болгария и Советская Россия/СССР в системе международных отношений. Узловые события XX века и общественное мнение в Болгарии и России”.

На первом “круглом столе” обсуждался широкий круг вопросов, связанных с воссозданием и оформлением болгарской национальной государственности после русско-турецкой войны 1878–1879 гг., с осмыслением роли российской дипломатии в этом процессе. Доклад *Д.И. Польшванного* (Ивановский ун-т) был посвящен влиянию наследия средневековой Болгарии на формирование государственной идеологии Княжества Болгария (1879–1886 гг.). Он подчеркнул, что оформление новой болгарской идентичности, начатое борьбой за обособление болгарской церкви от Константинополя, акцентировало этнические, конфессиональные и территориальные аспекты, оставляя конкретные черты государственности на втором плане.

В докладе сотрудников Института российской истории РАН *В.М. Хевролиной* и *А.В. Игнатьева* освещалась роль России в создании Болгарского национального государства. Авторы отметили, что она определялась в первую очередь собственными государственными интересами, однако свои задачи Россия могла решить лишь при содействии балканских народов и возрождении их государственности. Российскую политику на Западе неправомерно обвиняли в стремлении к захватам, а в самой России многие считали альтруистической. В действительности же она исходила из реальных интересов обеих сторон, которые на данном отрезке времени совпадали. В выступлении *И.Ф. Макаровой* (ИСл РАН) рассматривались представления болгар о России, циркулировавшие в народной среде в эпоху османского владычества. *М.М. Фролова* (ИСл РАН) осветила деятельность российских консульств в болгарских землях Османской империи после Крымской войны. *Т. Стоилова* (Институт истории БАН) в докладе о балканской политике России остановилась на двух основных направлениях в российском продвижении к Балканам: по линии официальных политических отношений России с Турцией, где имели место как военные конфликты, так и дипломатические решения множества конкретных проблем; неофициальные или полуофициальные отношения с подвластными султану балканскими народами.

Р.П. Гришина (ИСл РАН) в своем докладе “Россия – Сан-Стефано – Болгария” высказала мнение, что Сан-Стефано как болгарский “национальный идеал” носил мифический характер. Но, будучи не просто мифом, а идеей, практически невыполнимой в тех внешнеполитических условиях, в которые Болгария была поставлена самим же Сан-Стефанским договором, он тут же превратился еще и в политический мираж, деформирующий представление о действительности. Военные попытки достижения постоянно ускользающего “национального идеала”, которые не были достаточно обеспечены предварительной подготовкой, потребовали от болгарского народа невероятных сил и напряжения. *И. Тодев*

(Институт истории БАН) в своем выступлении с новых позиций осветил роль русского посланника/посла графа Н.П. Игнатьева в рождении современного болгарского государства. *В.И. Косик* (ИСл РАН) обратил внимание на сложный, часто конфликтный путь государственного строительства Болгарии, который во многом был обусловлен различиями во взглядах русских представителей в стране и болгар на вопросы внутренней политики и управления, а также партийной борьбой за власть в болгарской среде. *Л.В. Горина* (МГУ), говоря о деятельности профессора Марина Дринова на государственных постах в Болгарии во время Освободительной войны, охарактеризовала ее как “деятельность министра культуры”. В ее докладе анализировалось содержание разработанной ученым концепции культурного развития Болгарии и ее конкретное воплощение в 1878–1879 гг. в почти экстремальных условиях.

В совместном докладе *И.С. Рыбаченок* и *М.Ю. Анисимова* (ИРИ РАН) рассматривались цели, задачи и методы политики России на Балканах на рубеже XIX–XX вв. Авторы подчеркнули особенность балканской политики России, отличной по характеру от политики других держав, ее идеологическое обоснование религиозно-этническими факторами, опору на народные чувства симпатии к братьям – славянам. Выступление *С.И. Муртузалиева* (Дагестанский ун-т) касалось переселенческого движения горцев Северо-Западного Кавказа в Османскую империю, в том числе на болгарские земли, во второй половине XIX в.

Болгаро-российским церковным отношениям были посвящены доклады *Л. Любеновой* (Институт истории БАН) и *Т.В. Волокитиной* (ИСл РАН), в которых с привлечением новых архивных материалов были освещены малоизвестные и дискуссионные страницы весьма динамичного и сложного процесса, включавшего богатую палитру конфессиональных, культурных, экономических и политических отношений.

В докладах *Т. Готовской-Хенце* (Институт истории БАН) и *С. Эльдырова* (Институт балканистики БАН) через

призму нового международного феномена начала XX в. – неославистского движения – освещалась российская политика в Болгарии. Поставивший амбициозную цель реконструировать славянскую взаимность, неославизм делал ставку прежде всего на культурное сотрудничество, о чем свидетельствовала прошедшая с огромным успехом Русская книжная выставка 1910 г. в Софии. Первые шаги в развитии аграрной науки и образования Болгарии после Освобождения осветила в своем выступлении *Э.Г. Вартаньян* (Кубанский ун-т). *Г.Д. Шкундин* (МГУ) остановился на вопросе о сепаратном мире с Болгарией в ходе Первой мировой войны и связанной с ним российской военной стратегии и политике.

Значительное внимание на конференции было уделено “македонскому вопросу”, традиционно вызвавшему оживленную дискуссию. Различные его аспекты рассмотрели *Д.О. Лабаури* (Уральский ун-т, “Образ России в представлениях македонских болгар во второй половине 90-х годов XIX – начале XX в.”), *О.Н. Исаяева* (Саратовский ун-т, “Македония в проектах русской дипломатии, 1908–1913”), *А. Гребенаров* (Институт истории БАН, “ВМРО и Коминтерн – сближение с предначертанным исходом, 1923–1924 гг.”), д-р *С. Германов* (Македонский научный институт, “Македония в балканских и международных отношениях, 1919–1948 гг.”). На “добруджанском вопросе” сосредоточил свое внимание *В. Милачков* (Институт истории БАН, “Национально-освободительное движение болгар Добруджи в поле зрения Коминтерна, 1919–1940 гг.”).

В работе второго “круглого стола” освещался широкий круг проблем, связанных с советско-болгарскими отношениями, анализировалось общественное мнение в Болгарии и России относительно узловых событий XX в. Вопросам политических, дипломатических и военных отношений двух стран накануне и в годы Второй мировой войны посвятили свои выступления *Л.Спасов* (Пловдивский ун-т, “Сталин, Болгария и война”), *Е.Л. Валева* (ИСЛ РАН, «“Болгарская карта” в геополитической игре Москвы и Берлина, 1939–1941»), *Н.В. Васильева*

(Институт военной истории, «СССР и “славянская идея” в балканском измерении: традиция и политические реалии»), *Е.Н. Рудая* (ИРИ РАН, “Болгария и СССР после установления дипломатических отношений, 1934–1939 г.”) и *Т.С. Бушуева* (ИРИ РАН, “Военно-политические отношения СССР и Болгарии, 1930–1940-е годы”). *В. Тошкова* (Институт истории БАН) на примере Болгарии осветила наиболее драматичные моменты в “психологической войне” между США и СССР после 1945 г., проиллюстрировав на базе неизвестных ранее документов любопытные подробности политики Москвы и Вашингтона в Болгарии. Документальное подтверждение нашел тезис о “негласном” участии Кремля в спровоцированном разрыве дипломатических отношений между США и Болгарией в феврале 1950 г. (единственный случай среди советских сателлитов в Восточной Европе), а также о консультациях с советскими дипломатами при их восстановлении в марте 1959 г.

Некоторые сотрудники Института истории БАН осветили место и специфику Болгарии в системе сформировавшегося после Второй мировой войны советского блока: *Р. Богданова* (“Плохая слава самого верного сателлита (болгаро-советские политические отношения после Второй мировой войны)”), *Р. Тодорова* («Болгарские посольства в ГДР, Польше и Чехословакии и события в Берлине (июнь 1953 г.), Познани (июнь 1956 г.) и “Пражская весна” 1968 года»), *С. Миланова* (“Биполярный миф о свободе информации в конце 40-х годов XX века”). *Л. Стоянов* остановился на предложении Т. Живкова в 1973 г. превратить Болгарию в одну из советских республик. В рамках этой общей темы рассматривались как проблемы экономики (*Г. Никова*, “Экономические реформы в Восточной Европе в 60-е годы XX века и Болгария”), так и культуры (*В. Мигев*, “Болгарская художественно-творческая интеллигенция и польский кризис 1980–1981 гг.”; *А. Златева*, “Творческие союзы в Болгарии и первый официальный договор о культурном сотрудничестве 1954 г.”; *Н. Христова*, “Изменения в болгарской культурной жизни и ментально-

сти художественной элиты в 1987–1989 гг.”). Литературовед *З.И. Карцева* (МГУ) продемонстрировала, что в болгарской художественной прозе, как в зеркале, отразились радикальные перемены в жизни страны, наступившие после 1989 г.

Часть выступлений касалась развития советско-болгарских отношений в период перестройки. *Л. Ревякина* (Институт истории БАН) подчеркнула, что распад советского блока и развал СССР привели к замораживанию двусторонних отношений, которые начали выходить из стагнации лишь после 2002 г. Сегодня уровень взаимоотношений между Россией и Болгарией значительно ниже потребностей и возможностей обеих стран, однако, несмотря на различные проблемы, геополитические интересы диктуют необходимость более тесного сотрудничества. *И. Баева* (Софийский ун-т) в своем докладе “Болгария и Советский Союз/РФ перед вызовами нового мирового порядка после 1989 г.” остановилась на процессе выхода Болгарии из структур Восточного блока и ее переориентации на Запад, а также на современном этапе болгаро-российских отношений, на котором Болгария утверждается как часть “Новой Европы”, а Россия – как важный энергетический и геополитический фактор в евразийском пространстве. *И. Марчева* (Институт истории БАН) проанализировала особенности двусторонних отношений в эпоху гласности на базе новых архивных документов – протоколов встреч Т. Живкова с советскими руководителями, хранящимися в “Горбачев-Фонде”.

Отношение России к современному балканскому кризису осветил *К.В. Никифоров* (ИСл РАН). Докладчик подчеркнул, что должного понимания сути происходившего на Балканах в официальных кругах России в начале 1990-х годов не было и, соответственно, ее политика не могла быть адекватной. Фактически вытесненная с Балкан, Россия долгое время почти демонстративно не вмешивалась в дела региона. В последнее время она вновь активизировалась в связи с дискуссией вокруг статуса Косово. Расширение контактов с балканскими странами, связанное с новыми маршрутами поста-

вок энергоносителей, создает прочную основу для более тесного сотрудничества. Выступления д-ра *С. Анчева* (Софийский ун-т) и *П. Димитровой* (Институт истории БАН) были посвящены отношению общественного мнения Болгарии и России к событиям на Балканах в конце XX в.

Н.В. Коровицына (ИСл РАН) рассмотрела современное состояние восточноевропейского региона, опираясь на материалы международного журнала по социальным и политическим наукам “Восточноевропейские исследования”. Сложному и многопластовому характеру системы межнациональных отношений в СССР/РФ, в которую были втянуты как болгары, так и народы Кавказа, посвятили свои доклады *Н.Ф. Бугай* (ИРИ РАН) и *Н. Дюлгерова* (Варненский свободный ун-т).

С интересными докладами в научном форуме приняли участие сотрудники Национального исторического музея (София), болгарского Государственного агентства “Архивы”, а также территориальных государственных архивов городов Русе, Велико-Тырново, Ямбол, Смолян, Враца и Ловеч.

Выступления на конференции убедительно показали, что история взаимоотношений двух государств и народов на протяжении длительного периода являлась сложным переплетением элементов прагматизма и признательности, что, по сути, представляет собой прочную основу для дальнейшего развития российско-болгарского сотрудничества. Каждое заседание “круглых столов” заканчивалось оживленной дискуссией по затронутому кругу вопросов. Материалы конференции, внесшей немало нового в освещение болгаро-российских отношений XIX–XX вв., планируется издать отдельным сборником на двух языках (тезисы докладов болгарские коллеги успели опубликовать к началу работы форума). Работа конференции завершилась заседанием Комиссии историков России и Болгарии, на котором были намечены дальнейшие перспективы сотрудничества ученых обеих стран.

К ЮБИЛЕЮ СВЕТЛАНЫ МИХАЙЛОВНЫ ТОЛСТОЙ

Светлана Михайловна Толстая – профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения, зав. Отделом этнолингвистики и фольклора, иностранный член Сербской академии наук и искусств, исключительно успешно продолжает и развивает традиции московской этнолингвистической школы, основанной свыше 30 лет назад акад. Никитой Ильичом Толстым.

Научная деятельность С.М. Толстой на протяжении 47 лет связана с Институтом славяноведения (и балканистики) РАН (АН СССР). В 1968 г. после окончания аспирантуры Института Светлана Михайловна защитила кандидатскую диссертацию на тему “Начальные и конечные сочетания согласных в славянских языках” под научным руководством В.Н. Топорова, в 1993 г. – докторскую диссертацию “Славянская морфонология: основные понятия, аспекты и методы”. С начала 1990-х годов Светлана Михайловна успешно руководит работой над фундаментальным трудом московских этнолингвистов – изданием пятитомного этнолингвистического словаря “Славянские древности” (т. 1 – М., 1995; т. 2 – М., 1999; т. 3 – М., 2004; т. 4 – М., 2008), а также и многими другими коллективными изданиями и проектами Отдела этнолингвистики и фольклора (серия “Славянский и балканский фольклор”, сборники по изучению народной духовной культуры Полесья, проект “Категории языка народной культуры” по программе ОИФН РАН, новый проект “Время и пространство: семантика и символика” и др.). Научные работы коллектива этнолингвистов, руководимого С.М. Толстой, в течение последних шести лет ежегодно получают одобрение фонда, направленного на поддержку ведущих научных школ Президентом Российской Федерации.

Талантливый, трудолюбивый и в то же время необыкновенно скромный руководитель, Светлана Михайловна никогда никому не отказывает в помощи – будь то небольшая статья сотрудника Отдела или объемная монография по близкой ей тематике: внимательно читает, осторожно (почти незаметно для глаза) вносит карандашом правку, потом тактично и мудро беседует с автором. К ней приходят и приезжают многие коллеги, в том числе зарубежные слависты, за советом, помощью в решении научной или научно-организационной проблемы, в поиске контактов, поддержки, нередко просто для справки по научной литературе. Не помню, чтобы Светлана Михайловна кому-либо отказала в просьбе, несмотря на то, что это требует от нее огромной самоотдачи и постоянной концентрации внимания. Поэтому особенно ценно для отечественной славистики ее участие в комитетах и комиссиях, а также в редколлегиях российских и зарубежных журналов. С.М. Толстая – член Национального комитета славистов Российской Федерации, сопредседатель комиссии по этнолингвистике при Международном комитете славистов, член комиссии по фольклору при МКС, член Ученого и диссертационного советов Института славяноведения РАН, член диссертационного совета Института русского языка РАН, член редколлегий журналов “Живая старина”, “Известия Отделения литературы и языка РАН”, “Etnolingwistyka” (Польша, Люблин), “Balkanica” (Сербия, Белград) и др.

Научный кругозор Светланы Михайловны, особенно в той части, которая касается теории и истории славянского языкознания, поистине вызывает восхищение. На сегодняшний день список ее трудов составляет 650 единиц по лексикологии, грамматике, диалектологии, диалектной лексикографии, типологии славянских языков, по этнолингвистике и фольклору. Две авторские монографии – “Морфонология в структуре славянских языков” (М., 1998), “Полесский народный календарь” (М., 2005), столь противоположные по тематике исследования, отражают широту научных интересов Светланы Михайловны. На очереди еще один труд, находящийся в

печати, – монография “Семантические категории общеславянской лексики”, обобщающая многочисленные работы Светланы Михайловны и в этой области славянского языкознания.

Можно выделить многие приоритетные области исследований Светланы Михайловны, например культурная лексика и семантика, символический язык славянской культуры, однако важно подчеркнуть, что в ее поле зрения неизменно попадают все славянские языки и традиции. Показательно, что Светлану Михайловну как известного полониста ценят в Польше, вместе с тем – она и иностранный член Сербской академии наук и искусства, ее с особым вниманием как исключительно почетного гостя принимают на своих конференциях и симпозиумах украинские и белорусские лингвисты. Вклад Светланы Михайловны в этнолингвистику как комплексную дисциплину, изучающую факты традиционной народной культуры и фольклора через категории языка, посредством семиотических методов, высоко оценивают и лингвисты, и этнографы, и фольклористы. Ежегодно Отдел этнолингвистики и фольклора на имя Светланы Михайловны Толстой получает десятки приглашений участвовать в научных мероприятиях по языкознанию, этнографии и этнологии, фольклору. Так, при организации I Всероссийского конгресса фольклористов (2006 г.) Государственным республиканским центром фольклора Светлана Михайловна была приглашена в научно-экспертный совет конгресса, и во многом благодаря ее участию вышли в свет два серьезных сборника докладов, собравших цвет российской фольклористики. При подготовке съездов славистов, а также важнейших трудов – “Славянское языкознание”, представляющих сборники докладов российской делегации к съездам славистов, организаторы также неизменно обращались к помощи Светланы Михайловны. Сама она – участник семи международных съездов славистов (Варшава, Загреб, Киев, София, Братислава, Краков, Любляна).

Особое внимание в своем научном творчестве Светлана Михайловна уделяет любимому “детищу”, которое требует непомерных сил и энергии, – речь идет о фундаментальном коллективном труде – этнолингвистическом словаре “Славянские древности”. Как один из авторов концепции словаря, Светлана Михайловна, сначала вместе с акад. Н.И. Толстым, а после его кончины уже одна, много работает над теоретическими проблемами реконструкции древней славянской духовной культуры (см., например, [1]), над культурной семантикой и славянской этимологией [2], над особенностями языка культуры (см. [3]) и многие др.), над вопросами структуры, семантики и символики общеславянских фрагментов традиционной обрядности и верований (см. [4] и многие др.). Свыше 100 словарных статей написаны самой Светланой Михайловной в вышедших до сих пор четырех томах словаря “Славянские древности”.

Многие идеи С.М. и Н.И. Толстых о сохраняющихся культурных реликтах в славянских народных традициях зародились в ходе комплексного лингвистического и этнокультурного исследования Полесья. Светлана Михайловна участвовала в этих экспедициях с 1963 г., с незначительными перерывами активное обследование продолжалось до 1986 г., т.е. до Чернобыльской катастрофы. Сначала изучалась диалектная полесская лексика Белоруссии и Украины, затем, с 1974 г., – духовная культура и фольклор Полесья, а с 1980–1981 гг. начался сбор материалов для Полесского этнолингвистического атласа. Полесье как одна из архаических зон Славии представляет собой неисчерпаемый источник знаний о древнем состоянии славянской народной духовной культуры, поэтому сама работа над архивом и его электронной версией продолжает оставаться в поле активной деятельности Светланы Михайловны и возглавляемого ею коллектива сотрудников. Об итогах изучения Полесья Светланой Михайловной в 2006 г. был сделан блестящий доклад в Венском университете на кафедре славянской филологии; хочется надеяться, что этот доклад мы увидим опубликованным.

Работа над словарем “Славянские древности” под руководством Светланы Михайловны постепенно подходит к завершению, авторы трудятся над статьями для пятого тома. Вместе с тем, в течение всего периода работы над этим монументальным лексикографическим трудом уже вышли в свет краткие версии словаря, так называемые “малые” словари – “Славянская мифология. Энциклопедический словарь” (М., 1995) и его исправленная и расширенная версия 2002 г.; ответственным редактором этого нового издания стала Светлана Михайловна. Поскольку работа над “Славянскими древностями” встретила одобрение и поддержку всех ведущих славистов из разных стран, появились предложения об издании кратких энциклопедических словарей с участием С.М. Толстой и ее коллектива авторов в других славянских странах. Так появился солидный и красиво изданный словарь на сербском языке “Словенска митологија. Енциклопедијски речник”. (Beograd, 2001) (редакторы – С.М. Толстая, Л. Раденкович), получивший премию “Книга года” на Белградской книжной выставке. Это международное издание закономерно включает большое число южнославянских и балканских мотивов народной духовной культуры. Сербская, и шире – южнославянская, тема так или иначе пронизывает все науч-

ное творчество Светланы Михайловны (см. хотя бы некоторые ее работы по сербистике и балканистике [5]), что, конечно, во многом связано с ролью Никиты Ильича в ее жизни и жизни всего коллектива Отдела этнолингвистики и фольклора, учеников и сподвижников Никиты Ильича и Светланы Михайловны.

Ежегодно в Институте славяноведения, а начиная с 2006 г. в музее-усадьбе “Ясная Поляна” (совместно с Институтом), проводятся чтения памяти Никиты Ильича. По материалам двух юбилейных чтений вышли сборники докладов: двухтомник “Слово и культура” (Т. 1–2. М., 1998) и “Язык культуры: семантика и прагматика” (М., 2004, отв. редактор – С.М. Толстая). В одном из номеров журнала опубликована важная статья С.М. Толстой “Голстовские чтения в Институте славяноведения” (“Славяноведение”. 2007. № 2.), охватывающая первые 10 лет проведения этой конференции (1997–2006 гг.). В ней Светлана Михайловна, вдохновитель и организатор чтений, бережно хранящая все хроники и аннотации прошедших чтений, подробно и содержательно рассказывает о московской этнолингвистической школе, состоящей в основном из прямых учеников Н.И. Толстого, о работе коллектива, опубликовавшего за четверть века десятки сборников и монографий, сотни статей, рецензий, о сотрудничестве с другими славистическими школами, близкими по духу и идеям (в частности, это польские этнолингвисты Люблинского университета под руководством Е. Бартминского, а также и многие, многие другие). Все шире к работе этой ежегодной конференции Светлана Михайловна привлекает молодых сотрудников и аспирантов Отдела. Важную роль в подготовке таких специалистов сыграла преподавательская деятельность Светланы Михайловны: в 1998–2003 гг. на филологическом факультете МГУ она читала курсы “Славянская этнолингвистика”, “Славянская народная антропология”; на протяжении не одного десятка лет она успешно руководит аспирантами в Институте славяноведения и МГУ.

Традиции этнолингвистической школы хранятся и передаются из поколения в поколение; этому во многом способствуют научный опыт и глубокая мудрость Светланы Михайловны Толстой, которую коллектив Отдела от души поздравляет с юбилеем и желает новых выдающихся достижений в славистике.

© 2008 г. А.А. Плотникова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. М., 1989.
2. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. М., 2002. № 1(3); Толстая С.М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2003; Толстая С.М. Культурная семантика и этимология // *Studia Etymologica Brunensia*. 3. Praha, 2006.
3. Толстая С.М. К понятию функции в языке культуры // Славяноведение. 1994. № 5; Толстая С.М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996; Толстая С.М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999; Толстая С.М. Категория признака в символическом языке культуры // Признаковое пространство культуры. М., 2002.
4. Толстая С.М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М., 1997; Толстая С.М. Символические заместители человека в народной магии // Судьбы традиционной культуры. Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998; Толстая С.М. Счет и число в народной традиции: семантика, оценка, магия // Семиотика и информатика. М., 2002. Вып. 37; Толстая С.М. Христианство и народная культура: механизмы взаимодействия // Годышник Филозофского факультета у Новом Саду. 2006. Бр. XXXI.
5. Толстая С.М. Из наблюдений над сербскими заговорами // Етно-културолошки зборник. Сврљиг, 1999. Књ. 5; Толстая С.М. Балканский обычай “вторичного погребения” в общеславянской перспективе // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. М., 1999; Толстая С.М. “Ако се деца не држе”: магические способы защиты новорожденных от смерти // Кодови словенских культуры. Београд, 2002. Бр. 7. Деца; Толстая С.М. О лингвистических воззрениях Йована Раича // Славянский вестник. Вып. 2. К 70-летию В.П. Гудкова. М., 2004.

К ЮБИЛЕЮ ВАЛЕРИИ ВАСИЛЬЕВНЫ УСАЧЕВОЙ

Вся научная жизнь Валерии Васильевны Усачевой связана с Институтом славяноведения, куда она пришла сразу после окончания Московского университета. Коллеги и ученики Валерии Васильевны ценят в ней высокопрофессионального филолога, продолжателя лучших традиций отечественной славистики, прошедшего диалектологическую школу Самуила Борисовича Бернштейна, работавшего бок о бок с такими выдающимися учеными, как В.М. Иллич-Свитыч, В.А. Дыбо, Н.И. Толстой. Большой опыт полевых исследований в Карпатах, составление и комментирование карт “Карпатского диалектологического атласа”, работа над сравнительно-этимологическим словарем славянских ихтионимов сделали ее специалистом высокого класса, а ее труды – образцом основательности, точности и надежности. В.В. Усачева – один из редких в наше время славистов, способных работать на всем лингвистическом и этнокультурном пространстве Славии, одинаково глубоко проникая в язык и традиционную культуру всех славянских народов.

Научная библиография В.В. Усачевой составляет более 200 позиций. Это статьи по славянской диалектологии (о лексическом составе севернорусских говоров, о группировке юго-западных украинских говоров, о польских диалектах карпатского ареала, о лингвогеографических аспектах лексической семантики, об ареальных характеристиках славянских ихтионимии) и истории славянских литературных языков (аспекты сравнительного изучения словообразовательных систем литературных славянских языков и диалектов; роль лексикографических трудов периода национального возрождения в развитии славянских литературных языков; развитие словацкого литературного языка в историко-культурном аспекте), исследования в области славянской метеорологической и ботанической лексики, этнолингвистические работы, посвященные этнографическим и фольклорным элементам в славянских обрядах и магических ритуалах, словесным формулам в народной медицине славян, легендам и поверьям о растениях, мифологическим представлениям славян о растениях.

Монография В.В. Усачевой “Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации” (2003), ставшая итогом ее многолетних кропотливых разысканий, получила высокую оценку славистов разных стран и стала настольной книгой этимологов и лексикологов. Обращение Валерии Васильевны к славянской духовной культуре было органическим продолжением исследований диалектной лексики: к материалу обрядов, верований, мифологии были применены надежные методы сравнительно-типологического анализа и лингвистической географии. Ее статья (по существу небольшая монография) о карпатском и балканском ползанике (сакральном посетителе дома на Рождество) стала классическим примером этнолингвистического исследования, в котором богатые языковые и этнографические материалы взаимно “поддерживали” и объясняли друг друга. В дальнейшем участие Валерии Васильевны в составлении словаря “Славянские древности” обеспечило этому коллективному труду высокий уровень разработки таких важных областей славянской духовной культуры, как этноботаника, земледельческие обряды, народная медицина.

Особая область интересов Валерии Васильевны – история славистики. Ее статьи и доклады о выдающихся славистах прошлого учат нас почитательному отношению к научной традиции, к нашим предшественникам. В работах, посвященных славистическому источниковедению, В.В. Усачева обращает особое внимание на такие значимые, но до сих пор недостаточно изученные сферы научной деятельности известных славистов, как этнографические интересы Ю.И. Венелина, изучение традиционной духовной культуры украинцев Я.Ф. Головацким и его вклад в украинскую лексикографию, участие В. Гнатюка в процессах национального возрождения украинцев Закарпатья, вклад Л. Штура в славянскую фольклористику, проблемы духовной культуры болгар в эпистолярном наследии К. Шапкарева, фольклорные интересы Я. Коллара, духовная культура народов карпатского региона в трудах П.Г. Богатырева, народная словесность в творческом наследии П.И. Шафарика, методика изучения Ф.Л. Челаковским славянских пословиц. Отдельные работы В.В. Усачевой посвящены И.И. Срезневскому, Ф. Потушняку, С.И. Ожегову.

Коллеги, друзья и ученики В.В. Усачевой поздравляют ее с юбилеем, желают ей доброго здоровья и успешного продолжения научной деятельности и надеются, что еще долго будут работать с ней и учиться у нее.

ПАМЯТИ ЮРИЯ ИВАНОВИЧА ШТАКЕЛЬБЕРГА (1925–2008)

3 марта 2008 г. скончался известный историк-славист кандидат исторических наук Юрий Иванович Штакельберг. Потомственный петербуржец, он родился в семье вузовских преподавателей: отец был химиком, мать – биологом, и это повлияло на его формирование как ученого. Пережив страшную блокадную зиму, в 1944 г. Ю.И. Штакельберг поступил в Ленинградский государственный университет на исторический факультет, который окончил экстерном по специальности “История западных и южных славян” в 1948 г. В том же году он был арестован по делу ленинградских студентов и осужден на 25 лет. Восемь лет он провел в лагерях Западной Сибири и был комиссован в 1956 г. как инвалид по зрению, без снятия судимости, с запретом проживать в столице и крупных городах. Соответствующие ограничения были наложены и на его трудоустройство. Местом работы Ю.И. Штакельберга стала артель инвалидов, которая “сдавала его в аренду” различным организациям. В 1957–1959 гг. он работал в Староладожской экспедиции Института археологии АН СССР, а с 1960 г. – в системе коллектора массовых и научно-технических библиотек “Ленкниги”. На научные занятия, которые составляли основной смысл всей его жизни, у Юрия Ивановича оставались только свободные дни и часы. Реабилитирован он был только в начале 1960-х годов.

С конца 1950-х годов на протяжении многих лет Ю.И. Штакельберг тесно и бескорыстно сотрудничал с Институтом славяноведения РАН. Он знал около десяти иностранных языков, в том числе и польский. В сферу его профессиональных интересов входило изучение истории польского освободительного движения, и в первую очередь, истории Январского восстания 1863 г. В 1967 г. Юрий Иванович защитил кандидатскую диссертацию на тему “Фонды личного происхождения в хранилищах Советского Союза как источник для изучения восстания 1863 года” (его научным руководителем был И.С. Миллер). Штакельберг являлся также автором многих статей, которые были опубликованы в сборниках по истории российско-польских революционных связей. Его работы всегда отличались скрупулезным подходом к использованию исторических источников, значительная часть которых благодаря именно его трудам была впервые введена в научный оборот, тонким источниковедческим анализом, особым вниманием к вспомогательным историческим дисциплинам. Главный труд, вышедший из-под пера ученого, написан в области сфрагистики и издан в Польше: “Повстанческие печати 1863–1864” (Варшава, 1988). Это фундаментальное исследование по истории печатей, которыми пользовались временные органы власти, возникшие во время восстания 1863 г. Издание прекрасно иллюстрировано. Оно потребовало очень широких по объему и чрезвычайно тщательных архивных поисков, преодоления сложных вопросов технического характера, связанных с воспроизведением иллюстративных материалов. Монография была высоко оценена польскими коллегами и сохраняет свою научную значимость по сию пору. За эту книгу, за вклад в изучение истории Польши Ю.И. Штакельберг был награжден польским орденом.

Ю.И. Штакельберг оставил значительный след в науке как публикатор исторических источников. Он активно участвовал в работе по изданию многотомной совместной советско-польской публикации “Восстание 1863 года. Материалы и документы”. Юрий Иванович издал, детально прокомментировав, такой ценный источник, как дневник революционера-“шестидесятника” П.И. Огородникова (*Dziennik więźnia*. Warszawa, 1986). Всего Ю.И. Штакельбергом опубликовано более 50 исследований и публикаций документов, в том числе в польских изданиях.

Исключительное трудолюбие, систематический подход к изучению проблемы, добротная основательность всегда были присущи работам Ю.И. Штакельберга. Именно эти качества помогали ученому и в составлении огромной уникальной картотеки персоналий участников польского освободительного движения середины XIX в. До последних дней жизни, имея уже расстроенное здоровье и полностью утратив зрение, он не оставлял научных занятий, в которых его поддерживали друзья и коллеги. Юрий Иванович обладал высокой интеллигентностью, редким даром доброжелательного общения. Мы всегда будем помнить о Ю.И. Штакельберге, талантливым ученом и прекрасном человеке.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2008 ГОДУ

СТАТЬИ

А га п к и н а Т.А. Прецедентное время восточнославянских заговоров. С. 3–8	№ 6
Б е л о в а О.В. Легенды пограничья: проблемы описания и каталогизации. С. 14–18.....	№ 6
Б е н д и н А.Ю. Феномен “упорствующих” как проблема веротерпимости в Северо-Западном крае. С. 3–17	№ 4
Б у л а х т и н М.А. К вопросу о взаимоотношениях политических партий в Галиции в начале XX века. С. 18–26	№ 4
В а л е н ц о в а М.М. Похоронная обрядность в словацкой традиции. С. 25–30	№ 6
Г и п п и у с А.А. К проблеме редакций “Повести временных лет”. II. С. 3–24	№ 2
Г о л у б о в с к и й Д.А. Семантика поклонов и поцелуев в “Повести временных лет” и Киево-Печерском патерике. С. 50–61	№ 5
В и н о г р а д о в В.Н. Русско-турецкая война 1877–1878 годов: власть и общество. С. 3–11 ...	№ 5
В о л о б у е в В.В. Владислав Гомулка и подавление “Пражской весны”. О некоторых взглядах польского партийного лидера на реформы в Чехословакии. С. 41–47	№ 3
З е л е н к о в а А. Штефан Крчмери и словацкая теория стиха в чешско-словацком контексте XX века. С. 62–70	№ 5
К а р т а м ы ш е в а Е.П. “Неблагополучные” умершие в славянской и скандинавской традициях: “заложные” покойники и “оживающие мертвецы”. С. 55–61	№ 2
К о р ы т к о в с к а я М., П е т р о в И. Исследование синтаксических явлений в болгарских дамаскинах. С. 12–31	№ 5
Л о б а ч е в а Ю.В. Югославянское движение в Европе в 1917–1918 годах. Сербское правительство и Югославянский комитет. С. 67–75	№ 6
Л у к и н П.В. “Варварская Европа” и современные проблемы изучения раннесредневековых славянских обществ. О новой книге К. Модзелевского. С. 25–40.....	№ 2
М а к а р о в а И.Ф. О влиянии конфессионального сознания на этническую историю болгар (XV – начало XIX века). С. 41–54.....	№ 2
М а р ь и н а В.В. Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской республике документам и материалам чешского журнала “Soudóbe dějiny”). С. 22–40	№ 3
М и л т е н о в Я. Лексический критерий как способ атрибуции преславских текстов (на материале славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария). С. 41–49.....	№ 5
М и т р о в и ч М. Югославская действительность в анонимных посланиях Йосипу Броз Тито (1956–1966 годы). С. 48–59.....	№ 3
М е л ь т ю х о в М.И. Один эпизод из истории взаимного передвижения германских и советских войск в период польского похода 1939 года. С. 37–46	№ 1
М о р о з о в С.В. Польско-чехословацкие отношения и конвенция об определении агрессора 3–4 июля 1933 года. С. 29–36	№ 1
Н о с к о в а А.Ф. Сталин, польские коммунисты и создание Польского комитета национального освобождения (по новым документам архивов России). С. 3–21.....	№ 3
О с и п о в а М.А. <i>Успех, удача</i> и жизненный мир русской культуры. С. 52–59	№ 6
О с л о н М.В. Закон Крижанича в языке Ю. Крижанича. С. 76–96	№ 6
П и л ь к о Н.С. Политика нацистской Германии по отношению к немецкому национальному меньшинству в Словении в конце 1930 – начале 1940-х годов. С. 47–57	№ 1
Р о м а н е н к о С.А. “Хорватская весна” и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов. С. 60–75	№ 3
Р у д н и к - К а р в а т о в а З. Смягчение языковой нормы в польских масс-медиа (словообразовательные инновации конца XX века). С. 71–76	№ 5
С е д а к о в а И.А. Приглашение: слово, формула, ритуал (на материале славянских традиций). С. 9–13	№ 6

Семенова А.В. Начало и конец жизненного пути на материале кашубской фразеологии. С. 60–66	№ 6
Софронова Л.А. Предпочтения историко-культурных эпох. С. 44–51	№ 6
Туполев Б. М. Курт Рицлер о “Срединной Европе” в начале Первой мировой войны. С. 23–28	№ 1
Узенёва Е.С. Материалы к изучению традиционной культуры Средней Словакии. С. 19–24	№ 6
Федер В. Выражение оригинала или выражение списка? С. 32–40	№ 5
Чёха О.В. Греко-славянские параллели в области традиционной культуры: луна в лечебной магии. С. 31–43	№ 6
Чуркина И.В. Винко Клун – словенский корреспондент “Русской беседы”. С. 27–36	№ 4
Шимов Я.В. Последний австрийский император. С. 3–22	№ 1

СООБЩЕНИЯ

Афиногенова О.Н. К изучению богомильского мировоззрения на примере переводного греческого источника. С. 84–87	№ 5
Билкова Я. Тавтологические идиомы в чешском языке. С. 82–89	№ 1
<u>Гачев Г.Д.</u> Архив – это: что творило творца? (К изданию документов и материалов о жизни Василя Друмева). С. 74–81	№ 1
Ибнеева Г.В. Екатерина II и малороссийское православное духовенство в 1787 году. С. 70–79	№ 2
Климова К.А. О славянских заимствованиях в новогреческой мифологии. С. 88–96	№ 5
Николов А. Два валашских списка “Кирилловой книги” с параллельным румынским переводом второй половины XVII века. С. 62–69	№ 2
Пелевин Ю.А. Просфора в народном синкретизме язычества и христианства. С. 80–83	№ 2
Петрухин В.Я., Каменецкая Е.В. Пруссия и Русь: средневековый миф и новейшая историография. С. 77–83	№ 5
Соколовская О.В. Русские на Крите в конце XIX века. С. 46–53	№ 4
Стыкалин А.С. XX съезд КПСС и Восточная Европа. Размышления по итогам конференции. С. 58–73	№ 1
Шпирт А.М. “Мессия Правдивый” Иоанникия Галятовско. С. 37–45	№ 4

ПУБЛИКАЦИИ

Михутин И.В. К вопросу о провозглашении Советской социалистической республики Белоруссии. С. 54–81	№ 4
Мурашко Г.П. Человек “Пражской весны”. Воспоминания Честмира Цисаржа. С. 76–100 ..	№ 3
Мурашко Г.П. Москва – Прага. 1968 год.. Два документа из архива Константина Симоноva. С. 101–115	№ 3
Соколовская О.В. Из истории умиротворения Крита и спасения православного населения в период кризиса 1897–1898 годов. С. 84–98	№ 2
Толстая С.М. Из переписки Никиты Ильича Толстого со славистами разных стран (К 85-летию со дня рождения Н.И. Толстого). С. 97–110	№ 6

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Алексеев Н.А. М.І. Зубов. Лінгвотекстологія середньовічних слов’янських повчань проти язичництва. С. 102–109	№ 5
Антропов Н.П. Основные направления белорусской этнолингвистики. С. 89–103	№ 4
Арш Г.І. С. Papoulidis. Analecta Balcano-Russica. С. 90–93	№ 1
Бухарин Н.И. Polski Październik 1956 w Polityce Światowej. С. 98–101	№ 1

Виноградова Л.Н. В. i A. Podgórcy. Wielka księga demonów polskich. Leksykon antologia demonologii ludowej. С. 108–112.....	№ 2
Вирк Т. Н.Н. Старикова. Словенский исторический роман 1920–1930-х гг. Типология, генеалогия, поэтика. С. 111–114.....	№ 6
Герчикова И.А. Matija Murko v myšlenkovém kontextu evropské slavistiky. С. 101–103....	№ 1
Журавлев А.Ф. В.Ф. Райан. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. С. 99–105.....	№ 2
Журавлев А.Ф. В.Й. Мансикка. Религия восточных славян. С. 97–101.....	№ 5
Иванова Е.Ю., Шанова З.К. С. Влахов. Нов руско-български речник. С. 111–115.....	№ 1
Киселева М.С. История культур славянских народов. В 3-х т. Т. II: От барокко к модерну. С. 109–113.....	№ 5
Коновродская В.Л. Украинская этнолингвистика: направления развития, проблемы и задачи. С. 104–114.....	№ 4
Косик В.И. В. Янчев Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Българският опит 1878–1912. С. 93–98.....	№ 1
Кузнецова И.В. A. Ivčenko, S. Wölke. Hornjoserbski frazeologiski słownik. Obersorbisches phraseologisches Wörterbuc. С. 103–111.....	№ 1
Магомедова А.А. Обзор новейших исследований по средневековой истории Болгарии и Османской империи. С. 105–108.....	№ 2
Мельников Г.П. Возвращение Д.И. Чижевского. С. 85–89.....	№ 4
Стрелец М. Э.С. Ярмусик. Католический костел в Беларуси в 1945–1990 годах. С. 82–84....	№ 4
Тихомирова В.Я. И. Адельгейм. Поэтика “промежутка”: молодая польская проза после 1989 года С. 112–115.....	№ 2
Шерлаимова С.А. Na cestě ke smyslu. Poetika literárneho diła 20. století. С. 116–119.....	№ 3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Алоэ С. Международная конференция “Развитие славяноведения в европейских империях”. С. 121–124.....	№ 4
Борисенок Е.Ю. Украинцы и русские: братья? соседи? конкуренты? Украинцы глазами русских, русские глазами украинцев. XIV–XXI века. С. 118–120.....	№ 4
Валева Е.Л. Международная конференция “Болгария и Россия – между признательностью и прагматизмом”. С. 115–118.....	№ 6
Досталь М.Ю. Конференция “Славянские форумы в Москве: традиции и современность”. С. 120–122.....	№ 2
Досталь М.Ю. Второе заседание Комиссии историков России и Словакии в Москве 2–4 октября. С. 116–121.....	№ 5
Задорожнюк И.Е. Конференция “Средства массовой информации, церковь, капитал: между демократией и авторитаризмом” в Познанском университете. С. 120–121.....	№ 1
Коровицина Н.В. Заседание Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР. С. 122–124.....	№ 1
Лебедеенко Н.П., Савоськина Т. А., Шемякин А.Л. Первые “Славянские чтения” в Измаильском государственном гуманитарном университете. С. 115–118.....	№ 4
Проскурнина М.Б. Международный симпозиум “Развитие македонской литературы”. С. 114–116.....	№ 5
Протокол Четвертого заседания Президиума Международного комитета славистов, состоявшегося в Охриде (Республика Македония) 14–17 сентября 2007 года. С. 120–124.....	№ 3
Фалькович С.М. Проблема взаимоотношений власти и общества: обсуждение на заседании “круглого стола”. С. 116–119.....	№ 2
Фофанова Е.А. Международная конференция “Будапешт 1956, до и после. История и память первого кризиса коммунизма”. С. 116–120.....	№ 1
Шведова Н.В. Круглый стол “Славянский мир в глазах России”. С. 122–124.....	№ 2

ЮБИЛЕИ

Досталь М.Ю. Словацкому историку Владимиру Матуле – 80 лет. С. 125–126.....	№ 4
Николаева Т.М. К юбилею Татьяны Николаевны Молошной. С. 125	№ 3
Плотникова А.А. К юбилею Светланы Михайловны Толстой. С. 119–121	№ 6
К юбилею Александра Владимировича Липатова. С. 126.....	№ 1
К юбилею Валерии Васильевны Усачевой. С. 122	№ 6
К юбилею Марины Геннадиевны Смольяниновой. С. 124–125	№ 5
К юбилею Татьяны Михайловны Николаевой. С. 124–125.....	№ 5

НЕКРОЛОГИ

Воробьева И.Г., Акимова О.А. Памяти Марэна Михайловича Фрейденберга. С. 125	№ 2
Шерлаимова С.А. Памяти Зденека Матхаузера (1920–2007). С. 126–127	№ 3
Памяти Георгия Дмитриевича Гачева. С. 126.....	№ 5
Памяти Юрия Ивановича Штакельберга (1925–2008). С. 123	№ 6

CONTENTS

ARTICLES

<i>Agapkina T.A.</i> (Moscow). Precedent Time of East-Slavonic Charms.....	3
<i>Sedakova I.A.</i> (Moscow). Invitation: Word, Formula, Rite (Based on the Slavonic Traditions Material)	9
<i>Belova O.V.</i> (Moscow). Legends of Border Zone: Problems of Description and Cataloguing.....	14
<i>Useneva E.S.</i> (Moscow). Traditional Culture of the Mid Slovakia	19
<i>Valentsova M.M.</i> Funeral Ceremonialism in Slovak Tradition.....	25
<i>Tchokha O.V.</i> (Moscow). Greek-Slavonic Parallels in the Area of Traditional Culture: the Moon in Medical Magic	31
<i>Sofronova L.A.</i> (Moscow). Preferences of the Historical-Cultural Epochs	44
<i>Osipova M.A.</i> (Moscow). <i>Success, Luck</i> and a World of Life in Russian Culture	52
<i>Semenova A.V.</i> (Moscow). Beginning and End of Life As Reflected in Kashubian Phraseology ...	60
<i>Lobacheva Yu.V.</i> (Moscow). Yugoslavian Movement in Europe in 1917–1918. Serbian Government and Yugoslavian Committee	67
<i>Oslon M.V.</i> (Moscow). Krizhanich's Law in Yu. Krizhanich's Language	76

PUBLICATIONS

<i>Tolstaya S.M.</i> (Moscow). From the Correspondence of Nikita Ilyich Tolstoy with the Slavic Studies Scholars from Different Countries (Towards N.I. Tolstoy's 85 th Anniversary).....	97
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Virk T.</i> Н.Н. Старикова. Словенский исторический роман 1920–1930-х гг. Типология, генеалогия, поэтика.....	111
--	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Valeva E.L.</i> International Scholarly Conference “Bulgaria and Russia – Between Thankfulness and Pragmatism”	115
---	-----

ANNIVERSARIES

<i>Plotnikova A.A.</i> Towards the Anniversary of Svetlana Mikhaylovna Tolstaya	119
Towards the Anniversary of Valeria Vassilyevna Usacheva	122

OBITUARIES

In Memoriam of Yury Ivanovich Shtakelberg (1925–2008).....	123
Index of the Magazine 2008 Publications	124

Сдано в набор 31.07.2008 Подписано в печать 22.09.2008 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 4,9 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 456 экз. Зак. 635

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Индекс 70891